

Юрий КРАСАВИН

ВОТ МОЯ ДЕРЕВНЯ...

Повесть

2017 г.

ББК Р6
К 78

© Красавин Ю.В., наследники. 2017 г.

ЮРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ КРАСАВИН

Родился 7 января 1938 года в с. Мелковичи Солецкого района Новгородской области. Детство прошло в деревне Ремнево Калязинского района Тверской области. Закончил Калязинский машиностроительный техникум в 1959 году. Работал конструктором на Конаковском фаянсовом заводе, учителем в школе рабочей молодежи г. Конаково, собственным корреспондентом газеты «Калининская правда».

В 1969 году закончил Литературный институт им. Горького в Москве. Член Союза писателей СССР с 1972 года.

В 1975-1982 гг. руководил Новгородской писательской организацией.

С 1984 по 2013 год проживал в г. Конаково Тверской области.

Лауреат литературной премии им. Н. Островского.

Автор 14 книг прозы, вышедших в издательствах: «Молодая гвардия», «Московский рабочий», «Советский писатель», «Современник», «Советская Россия», «Детская литература», «Лениздат» и других.

Более 30 романов и повестей опубликовал в журналах «Новый мир», «Знамя», «Наш современник», «Роман-газета», «Октябрь», «Нева», «Звезда», «Север», «Волга», «Дальний Восток», «Дон», «Подъём», «Русская провинция».

Юрий Васильевич КРАСАВИН

Первая настоящая река в моей жизни - Нерль. На ней я вырос. Первый водный простор, открывшийся моим глазам, - это её простор. Первый окунишко, пойманный мною на удочку, - её окунишко. Первое судно, которым я управлял, - маленький ялик бакенщика, который тем только и был всю жизнь занят, что обозначал огнями прихотливый фарватер Нерли... И много еще чудес, потрясавших мою детскую душу, связано у меня с этой маленькой русской рекой, такой обыкновенной и такой сказочно-прекрасной. Вы вслушайтесь в само звучание этого имени - Нерль. В нем что-то волшебное.

Вода в Нерли чистая; поставь рядом два ведра - вот колодезная, вот речная - и не отличишь. В истоке своем от Плещеева озера Нерль берет немного и на всем пути до самой Волги питается родниками. Невидимые холодные ключи бьют со дна, потому вода в реке холодна до боли. Маленькие и неукротимые, они подтачивают обрывы, вплетая свои слабые струйки в величавое течение Нерли, подобно тому как сама она вплетает свое течение в могучий ток матери-Волги.

В бережных ложбинах родники поят окрестные деревни; люди бережно несут родниковую воду, как парное молоко в подойниках. Она оживляет усталых и исцеляет больных, она освежает угасающие чувства и дарит долголетие, она приносит ощущение радости жизни - а это ли не волшебство! Такова вода моей родины.

Сколько в Нерли заводей и затонов! Сколько тихих плесов, стариц, проток! Сколько песчаных отмелей и глухих бездонных ям!..

В заливы, заросшие осокой, страшно зайти - не вцепился бы раковой клешней, не резанул бы окунь острым плавником, не схватила бы ненароком осмелевшая щука. А на мелководье, пока бредешь до глубины, несметные стаи мальков шныряют возле, то и дело торкаясь в твои голые ноги. Тут рыбы царства и государства, доселе знающие и лесу из конского волоса, и поплавки из винной пробки. Тут благоденствуют жирные лини и гуляет красавица красноперка, у которой чешуя и в пасмурный день (и особенно в пасмурный!) отликает золотом. Тут пасутся разбойные стаи окуней и замшелые от старости щуки, мудрые, как седые совы в лесу. Тут обитают медлительные лещи, которых искуснейшие рыболовы безуспешно соблазняют манной кашей на меду и нежнейшими опарышами. Тут гуляет такой язь, голавль, жерех, что

любой из них составит многодневное счастье и славу самому хитроумному и опытному рыбаков. Что говорить, тут особый мир, живущий по своим законам, как соседняя с нами галактика. Но это и мой мир, читатель, потому что здесь обитает какая-то лучшая частица меня. Как ее назвать? Душа ли это, сердце ли... или моя любовь?

Здесь я бываю счастлив как нигде. Вот они, поля мои, вот они, леса, и вот она - Нерль, я пью ее целебную воду, как пил когда-то, очень давно.

Было у нас, у мальчишек, излюбленное место купания. За погостом, на окраине села, и донныне сохранился широкий луг с редкими старыми березами - его зовут Садам. Ни яблонь, ни груш никогда не было здесь, а называли так это место потому, что некогда, лет сто назад, богатый здешний мельник отгородил землю вдоль реки и по ручью насадил берез. Говорят, их было много - целая роща. В пору моего детства они еще стояли хороводом, как старухи на прогулке. Но рядом с ними, как могильные памятники, - могучие пни. Сейчас же сохранилось всего несколько берез, таких же, как и те, в два обхвата.

Березы в Саду помнят многое. В пору их юности в роще устраивались гулянья - девки хороводы водили, парни играли в лапту деревню на деревню. А почему? Место здесь особенное - торжественное, праздничное место.

Отсюда, из Сада, видно далеко. И Спасское, с домиками, раскиданными так и сяк, с белой нарядной церковью на горе; и Панютино за рекой, густо заросшее ветлами и тополями; и Плутково на дальнем взгорье, куда широким плесом уходит Нерль и где обтекает густо заросший остров, - все как на ладони. А встанешь спиной к реке - вон Сущево, Хонино, Ремнево... Да, и Ремнево. А когда-то были еще в этой стороне и Задорожье, и Селятино, и Овсяниково...

Отсюда, из Сада, видно далеко и радостно, радостно от увиденного. Лес на той стороне реки, лес на этой. Рощи, перелески, боры... И у каждого свое имя, свое лицо, свой характер.

Не радостно ли видеть среди лесов и перелесков: то поле раскинулось, то дорога пролегла, то плат неба лег на землю - лен цветет, то высятся стога сена. Не радостно ли дышать: воздух сам по себе есть дыхание поля, луга, леса. Не радостно ли слышать: вода плещется в

прибрежной осоке, грачиный грай над тополями, чуть шелестит трава...

Кажется, здесь, как только припаду грудью к земле, затаю дыхание - сердце мое услышит ответное, медленное и глухое биение земного сердца, сердца моей родины. Наверно, оно как шум прибоя, как рокот водопада - могучее биение сердца, слышное лишь мне одному. Мне ли одному?

Здесь я ощущаю особое тепло, ласковое и животворное. Это оно, тепло моей родины, осветляет ныне мое лицо, поднимает меня, упругим ветром ударяя в мои распахнутые крылья. Так было всегда. Во всяком случае, я чувствовал это еще мальчишкой.

Сюда, в Сад на окраине Спасского, нас тянуло, как бабочек на свет. Мы прибегали вот к этим старым березам, быстро срывали с себя одежду и кидались в Нерль. Одно из сильнейших ощущений жизни - блаженство тела, истомленного летним зноем, которое охватит разом со всех сторон прохладная, исцеляющая речная вода. Кажется, не вниз кинулся ты с обрыва, а воспарил в небо и витаешь в нем, охваченный восторгом!

Течение Нерли медленное. Иной раз кажется, что течет она, куда ветер дует, то есть иногда даже от берега к берегу, поперек. Плавай хоть час, хоть два на самой середине, и никуда тебя не унесет.

Мы уплывали далеко, до самого острова на излучине, потом к обрывистому противоположному берегу, заросшему ольхой, оттуда к заливу с кувшинками, круглому, как чайное блюдечко, - и никак не могли накупаться. Возвращались усталые, пропитанные насквозь прохладой, и усаживались в Саду на срез обрыва, подставляя ветру и солнцу освеженные наши тела.

Наверное, самые душевные наши беседы состоялись здесь, на виду у этих деревень, перелесков, полей; казалось, на виду у всего света.

Глава первая

Ночью в крошечной темноте пошел дождь.

Из-за духоты двери были распахнуты, и Аверьян сквозь сон слышал, как залопотали вдруг лопухи и крупная дробь рассыпалась по крыше, как зашумели встревоженно под окнами березы, а чуть погодя уже забулькала вода у крыльца. Должно быть, оттого, что на улице бушевал ливень, а здесь, в избе, было тихо, тепло, спалось ему нынче на удивление покойно.

Он проснулся мгновенно, словно кто толкнул его в бок; полежал, соображая, что могло его разбудить, долго вслушивался в тишину, которая показалась ему необычной, а потом понял: остановились часы. Словно он всю ночь только и делал, что слушал их, а когда они замерли, это тотчас тревожно отозвалось в нем.

Босиком, накинув на худые плечи пиджак, Аверьян вышел на крыльцо и неторопливо спустился по ступенькам.

Дождь давно кончился, туча ушла, и небо разъяснилось. Над соседской ветлой висел молодой месяц, тонкий и упругий, как пружинка. Еще мерцали кое-где звезды, а одна немигающим оком висела на светлой стороне неба, где должно было взойти солнце. Аверьян запахнулся плотней и медленно побрел по тропинке на улицу, волоча по сырой земле выбившиеся из-под штанов белые завязки кальсон.

Он сел на скамейку, протяжно вслух зевнул и привычно полез во внутренний карман за куревом. Из мятой пачки достал мятую же папиросу, похлопал по карманам пиджака и даже сплюнул от досады: спичек не было. Подниматься и идти в избу не хотелось, он сидел, зажав папиросу в черных негнущихся пальцах, и ожидал неизвестно чего.

В другом конце улицы звякнуло ведро и рыдающе заскрипел ворот колодца. Промычала корова, ей откликнулась другая, и вновь стало тихо. У соседей хлопнули дверью, чуть погодя ласковый голос сказал: «Ну вставай, вставай, нечего тут», - и вскоре напевно и мерно зазвучал дойник под струями молока.

«Пора бы и Дарье моей вставать, - подумал Аверьян и тут же услышал, как в доме испуганно охнула жена и торопливо прошлепала в чулан.

- Ну вот и начался еще один день. Однако ведрено будет, жарко».

Из проулка, тихо насвистывая, вышел парень и повернул по тропинке вдоль домов прямо к Аверьяну. По развалистой походке видно - Сашка.

- Здорово, дед! - весело сказал Сашка, и улыбка взошла на его румяное лицо.

- Здорово. Спичку мне дай.

- Тю! Да ты, видно, за этим и ждал меня всю ночь? - удивился тот.

«Шутной парень, легкий! Экое счастье у человека - молодой да здоровый».

Аверьян прикурил, с наслаждением затянулся. Ему приятно было видеть сейчас кого бы то ни было, но этого парня в особенности. Чем-то Сашка напоминал ему его самого, когда Аверьяну было столько же, сколько Сашке сейчас - двадцать два. Безудержным весельем, что ли, от которого улыбка так и раздвигает щеки... Или невысокой, но такой легкой, ладной фигурой...

- Ты посиди, поговори со мной, - попросил Аверьян.

- Некогда, дед.

- Ишь ты... Все по бабам ходишь?

- Не, Аверьян Васильевич, мне и девок хватает.

- Нынче-то где был?

- В Дуброве.

- Эка! За семь километров!

- А дураку семь верст не крюк. Опять же, принимают там поласковой, - Сашка подмигнул.

- То-то и оно. Поближе-то не нашел?

- А поближе-то я всех перебрал.

- Э-э, дурной! Разве так гуляют? - Аверьян гневно подвигал бровями. - Нынче с одной, завтра с другой, послезавтра с третьей. Что за интерес!

- В том и интерес.

- Нет, ты мне, старику, объясни.

- А зачем? - Сашка скалит зубы. - Ты же гулять не пойдешь со мной.

- Нет, несерьезный ты человек, Александр. Несамостоятельный. А еще жених! Неуж за тебя пойдет кто?

Аверьян остановился, словно примеряя, кто же и впрямь пойдет замуж за Сашку, и махнул рукой:

- Да и девки-то нынче пошли... Только и глядят, кому бы на шею повиснуть.

- Брось, дед, не расстраивайся, - весело посоветовал Сашка. - Не принимай близко к сердцу. Да и подзабыл ты небось. Наверно, у самого в каждой деревне по милашке было, а? Небось прежде чем жениться, скольких перетискал!

- Нет, парень, я не тебе был чета. В наши времена самостоятельность уважали. Я со своей Дарьей три года гулял. Три года! И хоть бы раз обнял. А ты - «перетискал»! Я в первый раз поцеловал уж под венцом, в церкви.

- Лапоть ты был, дед. Нынче таких кавалеров девки поганой метлой вздрючивают.

- Тьфу! Трепло, - ожесточенно сплюнул Аверьян. - Нет, не попадет тебе хорошая девка в жены. Не заслужил.

Сашка ушел, похохатывая, довольный. Он всегда поддразнивал старика не тем, так этим. Дед, как ребенок: что ни скажи, всему верит.

- Молодежь, мать их... - ворчал Аверьян. - Безотцовщина, драли их мало...

Заметно посветлело в деревне. Последнюю общую перекличку устроили петухи. Бригадир из дому вышел, Сергей Кустов. Расставил по-моряцки ноги, пощелкал своей зажигалкой и тоже закурил.

- Эй, сосед! Иди посиди, - позвал Аверьян.

Бригадир в Овсяникове молодой. Он постарше Сашки всего года на три-четыре, но уж про этого худа не скажешь: рассудительный, серьезный, слова попусту не скажет.

- Рано звонок-то давать, - успокаивающе заговорил Аверьян, когда тот подошел. - Бабы коров доят еще.

- Да я уж звоню пораньше, чтоб тормозились.

- И то дело, - одобрил Аверьян.

- Надо снимать к чертовой матери.

- Ково?

- А рельс этот. Пока до него идешь, уже всех оповестишь. Всего-то пяток домов!

- Привыкли, Сергей Иванович. Ты уж не нарушай. У нас издавна такой порядок.

- Вот и все так говорят: привыкли.

- Косцов-то нынче куда пошлешь?

- В Яменник.

- А Фролова пустошь?

- Там вчера Сашка косилкой все скошил подчистую.

Аверьян покрутил головой с явным огорчением:

- Не сенокос у вас, а сеноуборка. - Он бросил окурок и сердито растер его пяткой. - Бывало, в первые-то годы коллективизации, ту же Фролову пустошь выйдем мы косить - сорок мужиков нас, все здоровяки... Старались друг перед дружкой, чтоб чище прокос да пошире захват... Жаворонки поют, солнышко светит, сядем отдыхать - песню заведем... Хорошо!

- Рубаха от пота не просыхала, - подсказал Сергей. - Мозоли кровавые не сходили.

- Не скажи... Вместо праздника, бывало, этот сенокос. А нынче, - дед махнул рукой, - нынче совсем не остается крестьянской-то работы. Трактор у вас вспашет, сеялка посеет, комбайн приедет - уберет. А еще кричат по радиу: мы-де хлебобобы! Колхозники вы, а не хлебобобы. Деревенские горожане. Хлебы печь бабы разучились. Срам! На всю деревню одна моя Дарья умеет. Она вон вчерась испекла шесть караваев с тмином - разве с городскими кирпичами сравнишь? А мужики? Лошадей запрягать понятие растеряли. Третьеводни едет один вахлюй, а гужи не с той стороны завернуты, дуга на спине у лошади лежит. Едет и в ус не дует. В наше время его б за это вот как ославили! Пальцем тыкали б! А нынче...

- Нынче запрягают иначе, Аверьян Васильич, - бригадир снисходительно улыбнулся. - Спроси-ка у любого тракториста, сколько в его машине лошадиных сил.

- Одни эти силы, а лошадей нету. Лошадей-то всех уж на колбасу перделали и съели. У нас вон на всю деревню их только пара и осталась.

- Конечно, - рассеянно согласился Сергей Кустов.

Аверьян понял, что тот не принимает его всерьез, и замолчал. Но молчать долго он не мог. Минуту спустя заговорил снова:

- Дед мой, царство ему небесное, помню, как помирал, говаривал: ничего, мол, мне не жалко, пожил вдосыт, да вот берет меня любопытство: как оно дальше-то будет? Колхозы эти как? А тогда тридцатый год шел. И я вот сейчас, ничего мне не жалко, и все я вроде бы успел сделать, да вот любопытно, что же дальше-то будет?

Помолчали. Сергей озабоченно хмурился, что-то обдумывал.

- Сашку-то куда пошлешь? - спросил Аверьян.

- Ему выходной полагается. Давно не отдыхал.

- Это в сенокос-то выходной! Нова мода... Не давай ты ему потачки. Он, паскудник, сейчас уж засветло с гулянья пришел. Вот только перед тобой был.

Сергей усмехнулся:

- Пусть погуляет, пока не женился.

- В Дуброво, говорит, ходил!

- Любовь, наверно, у него там.

- Рассказывал он мне, какая любовь. Как у петуха. Девоч целый выводок, одна беда - все в разных деревнях живут. Вот и колесит по округе, то к одной, то к другой.

- Он нараскажет!

Бригадир поднялся, затоптал окурок:

- Пастух уж идет. Пойду звякну.

Неспешно, волоча за собой длинный кнут, шел Женька. Прямая бороздка наискось через дорогу легла за ним: ливень ночью прошел изрядный, земля сверху набухла, размякла - и это с удовлетворением отметил Аверьян: «Напилась земляица».

- Здорово, Васильич, - сказал пастух солидно и остановился. - Дождь еще будет или нет?

- А ты прогноз слушай, - язвительно посоветовал Аверьян, питавший великую ревность к Бюро прогнозов. - Там тебе все объяснят - и про температуру и про осадки.

К сообщениям по радио он относился с подчеркнутым недоверием и, где бы ни зашел разговор об этом, говорил пренебрежительно:

- Брешут. Что накануне приснится, то и скажут.

- Перегибашь, дед, - возражал кто-нибудь. - У них там приборы разные - барометры, термометры. Они зонды в небо запускают.

- Зонты! - горячился он. - Запусти ты зонт, что толку? Откуда им знать, коли в городе живут? Там одни каменные дома, и ничего не видно. Дождь - это что? Это природа, милые мои! А природа - разве она в городе? Я тебе по мошкаре, травам всю погоду выложу. У меня поясница получше твоего барометра-термометра! Вот ежели она у меня накануне мозжит - ну, пасмурно будет, без солнца и без дождя. В крестец постреливает - гроза завтра соберется. А вот как заломит налом - и ни тебе согнуться, ни разогнуться - ненастье начнется, и на неделю, на две, никак не меньше. Вот так-то. А ты - барометр. Эка!

К чести Аверьяна сказать, он и вправду редко ошибался насчет погоды. Вот почему сегодня ему приятно было, что Женька спрашивает про погоду у него.

- Ну их, врут, - сказал уважительный парень Женька. - Скажут дождь, а выйдет ведро. А ты, Васильич, меня ни разу не подвел.

Хороший парень этот Женька. Тем хорош, что и в малости всегда норовит приятное сделать. То корову похвалит, то траву на усадьбе, то молоко на столе. Только вот где-то у него чего-то не хватает. Все у него не так, как у людей. Услугу какую окажет - невольно думается, что не от доброты это, а от глупости. Скажет что-нибудь, вроде бы дельное, а все не к месту. Дорогую вещь наденет - или не вовремя, или не так. Поэтому одежда на нем сидит мешковато, каблуки стоптаны, и даже борода у него, вполне взрослого парня, растет неровно, как трава на болоте.

- Вот, пишут, уж машину такую выдумали, что молоко вырабатывает. Ты не слышал, Васильич?

- Нет, - насторожился тот.

- Вроде бы и молоко-то лучше коровьего, жирнее.

Аверьян недоверчиво скривился:

- Наверно, молоком ту машину и кормят.

- Не. Травой, сеном, можно и силосом. Бункер у нее такой - нагружаешь корма, а выходит молоко. Все как у коровы.

- Брешут.

- В журнале напечатано. Там врать не будут.

- Да ну! Ты скажи! Сам читал?

- Вчера шофер с молокозавода рассказывал.

- А-а, - с некоторым разочарованием протянул старик. - Титьки-то у нее железные, что ли?

- А их и нету. Краник, как у самовара. Открываешь - буль-буль-буль, моя баклажка.

- Ох, заливаешь ты, парень!

- А я тебе журнал тот принесу. Я примерно знаю, какой это журнал.

- Принеси, обязательно принеси, - загорается Аверьян и машет рукой. - Ну, теперь пришел конец твоей профессии.

- Да ладно, - смеется Женька и выходит на дорогу.

Он широко размахивается и хлопает кнутом, хлопает важно, понимая, что Аверьян сейчас смотрит на него.

Бум! - отозвалось с другого конца деревни. Это Сергей Кустов ударил в рельс, подвешенный к тополю. Снова лихо размахнулся Женька - и Аверьян поморщился от оглушительного хлопка. «И чего старается! Вот глупый парень. Думает, чем громче, тем лучше!».

Бум! - неторопливо несутся над деревней увесистые удары. - Бум!

Последний удар по рельсу - вскользя. Видно, бригадир с досадой бросил тележный курок, которым бил. А Женька расстарался - любому, что есть свидетели его мастерства - хлопать кнутом. Каждый хлопок - как выстрел дуплетом.

- Бывало, - вслух рассуждает Аверьян, - когда я мальчишкой бегал, был у нас в пастухах дедушка Илья. Тот ходил без кнута, по утрам в рожок играл. Послушать радостно. Потому каждое утро с радости начиналось... А тут...

Старик безнадежно махнул рукой. В это время бабка Дарья высунулась из окна, сказала недовольно:

- Скотину выпусти, чего руками-то махать.

Он послушно встал, открыл ворота, выпустил корову, теленка и овцу с ягнятами, продолжая говорить:

- Бывало, как придет черед ему у нас кормиться, так у меня праздник. Любил я его. Пригонит он вечером стадо, и, пока мать моя корову доит, сидим мы с ним на завалинке вот этой - старой да малой. Он и скажет: «Гляди-ко, парнишко, уж больно жись-та хороша! Жить бы нам

лет этак по триста». А лицо у него в эту пору бывало покойное, глаза ласковые. За стол сядем, он опять похваливает: «Гляди-ко, парнишко, уж больно хлебец-то хорош. Вот ить с мякиной, а хорош». На столе щи постные, картоха в мундире, а он знай все похваливает. Потом киселя подадут овсяного. Дедушка Илья посолит кисель покруче: «Кисель соль любит!» - и обязательно скажет: «Гляди-ко, парнишко, не люблю я этот кисель». Все хвалил-хвалил, и вдруг... «Чего ж так?» - спрошу его. «А он, стервец, из-за стола выгоняет». Это значит, в ту пору овсяный кисель подавали в самую последнюю очередь. Раз кисель подали, ничего больше не дадут, вылезай из-за стола... Шутник был дедушка Илья. Жил, как птаха перелетная. Ни кола у него, ни двора, ни жены, ни детей - ничего не было. Летом в пастухах, зимой - в работниках. А туда же - «Гляди-ко, парнишко, уж больно жись-та хороша!». Великий был жизнелюбец. Седой уж, голова тряслась, а все, бывало, за стадом ходит... А я тогда не понимал его, глупый был парнишко. Да и то: лет семь или восемь мне тогда было. Еще японская война недавно прошла, столько разговоров о ней было. Да...

Растворялись ворота и в других дворах. Заспанные, растрепанные хозяйки выгоняли на улицу свою живность. Вышла и молодая соседка, бригадирова жена Анюта. Уперла руки в боки и смотрела, не скрывая насмешливой улыбки, как Женька, зная, что за ним наблюдают, с излишней деловитостью, хозяйственно покрикивая, командовал двумя коровами: ее да Аверьяновой.

- Здравствуй, дядя Аверьян! - сказала Анюта, обернувшись, и он только сейчас обратил внимание на то, что под фартуком у нее заметно выпячивается живот.

- Спасибо, здравствую. Здравствуй и ты.

Она улыбнулась на такое его приветствие и заспешила домой.

Он проводил ее взглядом, пока она не поднялась на крыльцо: да, и походка у Анюты стала чуть-чуть потяжелее.

- От черт! - сказал он восхищенно. - От! Бывают же такие ловкие бабы! Улыбнется да скажет что-нибудь, словно бы и ничего особенного, а вот поди ж ты! Повернется да этак придется - ну прямо ох... Говорят, красивая у того-то жена, а у этого некрасивая. Как тут разобрать? Тут дело тонкое, и кто его рассудит?.. А вот интересно, будут такую машину

выдумывать, чтоб заместо баб рожала, али нет? Все выдумали: и телевизор, и космос, а насчет детишек как?

Он покрутил головой и пошел к своему обычному месту: на скамейку под окнами.

- Прямо сказать, шибко интересно, как она, жись-та, дальше пойдет.

Глава вторая

Вот теперь Аверьян уже бодрым шагом вошел в дом - разгулялся после сна. Он сел на лавку и, прежде чем сунуть ноги в валенки, в которых ходил и летом, покряхтывая, стал аккуратно подвязывать кальсонные завязки.

- А не буду я, Васильич, печь топить нынче, - Дарья остановилась в дверях чулана, перебирая руками по фартуку.- Что, в самом деле! Чай, не зима.

Он молчал, занятый своим делом.

- Это зимой иной раз варить особо нечего, а для тепла печь приходится топить. Чтоб картошка в подполе не замерзла да самим не зябко было. А нынче лето. Что нам? Щи вчерашние остались, окрошку можно сгоношить.

Дарья посмотрела на него вопросительно. Аверьян опять промолчал, она же поняла его молчание по-своему, вздохнула.

- Да что, можно, конечно, и истопить печь. Долго ли мне! Картошечки сварим, да сметану, пожалуй, пора уж томить.

Можно истопить печь, - решила наконец она. - Не велик труд. Тогда уж завтра пропустим денек.

Аверьян покончил со второй завязкой, поднял голову.

- Еще чего! - кратко изрек он и строго посмотрел на свою старуху.

- Ин, ладно, - тотчас согласилась она. - И то сказать, к чему нам нынче...

- Что за нужда! Дрова беречь надо.

Она поспешно ушла в чулан, словно боясь, что он передумает.

Аверьян достал валенки, обулся, удовлетворенно оглядел ноги и бодро затопал вон из избы.

На крыльце он помедлил чуть.

Отсюда не видно всей деревенской улицы, ее загораживал дом, большой, под драночной крышей. И высок и крепок еще был дом, соседствовавший с Аверьяновым, но не было в нем жизни. Пуст он, зарос кругом лопухами и крапивой, и заросли эти подступали к самому соседскому крыльцу, где полагается быть натоптанной тропинке. Некому топтать эту тропинку. Гроздья репейников поднимаются под самые окна, заколоченные плотно широкими свежими досками, и выше чуть не до карниза. Прямо оторопь берет Аверьяна, когда глянет на эти могучие лопухи.

Нет, не всегда соседский дом пустовал и не всегда был так слеп, как теперь. Бывало, по утрам он весело поблескивал стеклами окон - того и гляди, распахнется одно из них и выглянет соседка Агафья Румянцева поздороваться с Аверьяном. Два дома стояли рядом, крыльцо к крыльцу, и жили соседи мирно и дружно, как две родственные семьи. То ребята Агафьины к деду Аверьяну за каким-нибудь инструментом, то Дарья к своей соседке за хозяйственной мелочью. А нынче вот пусто в доме Румянцевых. Вырастила Агафья своих сыновей, отдала замуж дочку; дети разлетелись в разные края, и сама следом за ними.

Румянцевы, уезжая, окон не заколачивали; наверно, потому, что не нашлось досок, - и простоял он так не один год.

Но вот недавно, перед нынешней весной появился в нем новый хозяин. Спустил снег с крыши, залатал ее - это сразу понравилось Аверьяну: и маленькая прореха в крыше большой беды наделает. Потом новый сосед наглухо заколотил окна. И правильно: рамы еще хороши, стекла целые - мало ли что! Не разбил бы кто. Надо беречь.

Все правильно и домовито он делал, а свалился неожиданно; вот уж верно - как снег на голову...

Где-то в конце февраля в ясный морозный день перед домом Румянцевых остановился лыжник в малахее, в теплой куртке с большим воротником. Он воткнул палки в сугроб и стал закуривать, оглядывая завьюженный, молчаливый дом пристальным, внимательным взглядом.

Постоял, покурил, потом неторопливым шагом обошел вокруг дома, приминая лыжами глубокий снег.

Что-то было в этом лыжнике такое, отчего Аверьян, случайно взглянувший в окно, заинтересовался им:

- Ты погляди-ка, Даш, - сказал он жене, - у тебя глаз повострей: кто это? Вроде знакомый.

Но и бабка Дарья не узнала лыжника.

- Может, из Румянцевых кто?- предположила она.

- Нет. Не похоже, - возразил старик.

Но что-то было знакомое в облике прибывшего лыжника, хотя узнать его Аверьян сразу не мог.

Лыжник не спеша объехал и огород, потом пошел к дому Аверьяна, все еще оглядываясь на румянцевский дом так же внимательно и пристально. И вот только когда он стал снимать свои лыжи возле Аверьянова крыльца, старик узнал его: «А ведь это...».

- Да ведь это Борька Степанов! - сказала Дарья, всматриваясь в замерзлое оконное стекло. - Ну да, он. Маруси Степановой младший.

- Вижу, - недовольно сказал Аверьян.

- Это про него говорили: «Волгу» купил. Поди-ка! Велик ли был парнишко, носик пуговкой, глазки клюковкой.

- Болтай больше! Сейчас войдет.

Они отступили от окна.

- Здорово, соседи! - сказал вошедший, широко улыбаясь, и похозяйски уверенно потопал у порога, стряхивая с ног остатки снега. - Мир вам и я к вам.

Аверьян стоял у передней лавки, обернувшись к нему, и отозвался как-то нерешительно:

- Здорово, здорово.

- Ох, далеко живете! Летом вроде близко, а зимой... Мерил, мерил по целине.

- Дак, ты это... На машине своей приезжал бы.

Борис критически оглядел свои ботинки и постукал ими о косяк двери. Он то ли не заметил, то ли не захотел заметить насмешки старика.

- Да проходи ты под перед, будет тебе! - с притворной строгостью сказала Дарья. - Обмел немного, и ладно.

Борис, шагая осторожно, как по льду, опять пошутил:

- Не наследить бы на ваших коврах-то.

Возле входной двери лежал круглый лоскутный половичок; вто-

рой, тканый, тянулся в переднюю; а в передней лежали чистенькие, полосатые, почти новые.

- Наши ковры не вашим не чета, - посмеиваясь, сказал хозяин.

- Вот именно! Штучной работы. Аверьяну Васильевичу... Дарье Антоновне... Наше почтение.

Гость обошел их с рукопожатием.

- Да вы хоть узнали меня? Или так...

- Ну, что ты, Боря, - сразу сказала Дарья. - Своего за версту признаем.

- Ну-ну...

Гость сел на лавку, широко, по-хозяйски расставив ноги. Он был насмешливо весел, возбужден, румян. Распустил сверху донизу молнию на куртке, выпустил шарф, положил рядом на лавку свою богатую шапку, небрежно кинул на нее кожаные перчатки. А сам все переводил взгляд с хозяина на хозяйку и вновь на хозяина; видно, подмывал его смешливый бес.

- Штучной, говорю, работы ваши ковры, ага? Вот как приедешь в магазин, в охотничий, например: ружье висит на стене - полторы тыщи стоит. А почему? Штучное производство. Вот так. А у меня лежит в передней три метра на четыре - массовое производство. Ты свои ковры сама небось ткала, тетка Дарья?

- Сама, сама. Только давно уж.

- Продай. Мне не надо, свояку. Нынче половики в моду входят, а он у меня нос по ветру держит. Иконы в моду вошли - он икон насоби-рал, мебель полированную на карельскую березу меняет. Ну и половики вот...

- Ты давай раздевайся, - сказал Аверьян. - Что забежал, словно бригадир с нарядом!

Борис оглядывался все с той же улыбкой.

- Как вы тут? Кукуете? В низенькой светелке огонек горит, да? Буря мглою небо кроет, да?

Разговор так и пошел: гость весело подначивал, старики кое-как отшучивались.

Аверьян мигнул жене, та понятливо кивнула головой, ушла на кухню, приговаривая:

- Поесть небось хочешь. Сейчас я, живо. Мы тебя просто так не отпустим.

Борис, не церемонясь, уверенно встал, скинул куртку и положил ее на лавку.

- Да оно, пожалуй, и не помешало бы, - сказал он, разминая плечи.

- Ну-ка, тетя Дарья, нет ли там у вас картошечки горячей?

«Ишь как!» - подивился Аверьян.

В Овсянникове, как и во всей округе, раньше третьего приглашения за стол не садились. А это уж, видно, городской обычай.

Нашлась и картошечка, и грибки, и огурчики, а потом хозяйка вдруг достала неведомо откуда бутылку и крепко пристукнула ею по столешнице, при этом то ли с вызовом, то ли с задором посмотрела на своего старика. Гость усмехнулся; Аверьян посмотрел на него со значением, однако ничего не сказал, только pokrutil головой.

Некоторое время спустя разговор в доме Аверьяна проходил уже на другом уровне: все были более напористы, каждый спешил сказать свое.

- Нет, дед, ты не хозяин! - говорил Борис. - Вот я хозяин. А ты - нет. Верно, тетя Дарья?

- Да уж знамо, какой он хозяин! - Та пренебрежительно и рукой махнула, и плечом толкнула своего старика. - Старый уж, прибаливать стал. Какой с него спрос!

- Я не про то. Ты гляди: семьдесят лет прожил, а дома не нажил. Разве это дом? Развалюха. Верно, тетя Дарья? Красная цена - триста рублей. Ты не обижайся, Аверьян Васильич. Это я тебе просто так говорю, не в обиду.

- Погоди, погоди, - останавливал его подвыпивший Аверьян и грозно смыкал брови. - Как это я не хозяин? Кто ж я тогда, по-твоему? Самый что ни на есть настоящий...

Но Борис слушал его вполуха и усмехался.

- Сам старел, и дом старел, - веско говорил он. - Нет, так не годится. Куда ж ты свои силы дел, Васильич?

- Я детей вырастил, в них моя и сила, - гнул свое Аверьян.

- Что ж они к тебе в гости не приехали нынешним летом? - вернула Дарья.

- Погоди, ты нам не мешай! - Аверьян старательно строжил жену взглядом, чтоб не встревала. Да еще с такой предательской позиции!

- Молодость затем человеку и дается, чтобы старость свою обеспечить.

Борис хоть и улыбался, но глаза у него были серьезные.

- Я обеспечил. Аб-беспечил.

- Уж что-что, а дом-то надо было поставить. А теперь вы не у разбитого корыта? Нет?

- Я аб-беспечил! - твердил обиженный Аверьян.

- Это ты про пенсию, что ли? - Борис сдержанно хохотнул. - Брось. Ты слушай, что я тебе буду говорить. Ты видал, как я у себя в Загорске живу?

- Нет, не видал.

- Жаль, - искренне огорчился Борис. - Приезжай в гости. Посмотришь, скажешь: вот это да! На сто лет! И мне, и моим детям. А ты, дед, не жил - ты проживался. Не обижайся, я тебе любя говорю.

- Как это проживался!

- А так. Очень просто.

- Нет, ты погоди.

- Гожу, гожу. Ну, ну? Что ты скажешь? Смотри-ка, тетя Дарья, как его заело? А? Что?

И Борис с улыбкой смотрел на старика. Улыбка эта сбивала Аверьяна с толку, и он никак не мог собраться с мыслями. И оттого, что он не мог возразить Борису Степанову, получалось, что тот прав. Получалось, что и в самом деле прожил старик на свете зря, прожился и ничего не оставляет в наследство своим детям - двум дочерям - кроме этого старенького развалюхи дома.

Долго еще, когда Борис уже уехал, обида не давала покоя старику. Потом-то он находил все новые и новые возражения ему, но легче не становилось. Задел его Борис, да и больно-таки задел. Вот и сейчас, остановившись у себя на крыльце и глядя на соседний дом, Аверьян вспомнил о том зимнем разговоре с Борисом Степановым и нахмурился. А нахмурившись, с некоторой отрадой посмотрел на буйно поднимающиеся вокруг соседского дома лопухи. Не будь того разговора

зимой, разве допустил бы Аверьян такое явное запустение? А так - на тебе, хозяину?

«Вот и хозяин ты, - мысленно сказал Борису Аверьян. - Побохлавился и уехал. Почто и купил? Пожадничал на дешевку».

Тогда зимой он спросил у Бориса:

- Почто ты купил этот дом? У тебя же есть в городе свой.

- Вот и поразмысли: почто.

- Я подумал спервоначалу, грешным делом, не собираешься ли переехать к нам на жительство. В соседних деревнях кое-кто вернулся.

- Ну да! - возразила Дарья. - Сдалось ему наше Овсяниково!

- А что? Деревня хорошая.

- Была хорошая, - вздохнула жена.

- И приеду, - посмеивался Борис. - На каждое лето буду приезжать. Поглядите через пару лет, что из румянцевского дома сделаю. Картинка будет! Вот попомните мое слово, тетя Даш. Я вам это говорю, как хозяин.

«Вот теперь и картинка, - усмехнулся Аверьян. - Куда как красиво».

Тогда же зимой Борис и окна заколотил, и двери пришил намертво. С тех пор и ослеп дом.

Взгляд старика задержался на соседском огороде. Шаркая калошами по мокрой траве, Аверьян пересек луговину и возле изгороди, вытягивая шею, остановился.

После недавнего дождя земля на чужих грядках и в картофельных боровках казалась почти черной. Сколько холила, бывало, эту землю Агафья Румянцева! Сколько раз перетряхнула, перелопатила! По весне вскопает весь огород от задворок до задней стрелицы, потом не один день вместе с сыновьями носит навоз со двора. И - снова копать, да уже с навозом. Гряды делает - пух, а не гряды. На колхозной работе из последних сил рвется, а с работы не идет - бежит. И допоздна то поливает, то пропалывает.

Пожалуй, во всем Овсяникове нет лучшей земли, как у Румянцевых в огороде. Борис Степанов во второй раз приехал уже в мае. И уж верно хозяин - сразу сообразил, что в эту землю полено воткни - и то листочки выпустит. Выпросил Борис у бригадира лошадь, вспахал весь огород, посадил картошку, сам сляпал пару гряд под огурцы. А уезжая, просил соседа присмотреть за его хозяйством.

Аверьян обещал и навещивался сюда каждый день. Огурцы не полить - пропадут. А картошку вовремя не окучить - что за картошка будет! И хоть того не просил делать Борис - старик ему и картошку окучил, и грядки поливал, а Дарья не давала огурцам зарости дикой травой.

Сейчас, стоя у изгороди, Аверьян с удовлетворением от-метил, что ливень ночью прошел очень обильный, напоил землю. «Снял с меня дождичек хоть одну заботу - с поливкой, - подумал он. - Теперь все в рост пойдет. Любо-дорого будет хозяину глянуть».

Когда-то Степановы жили в другой деревне. Дом у них всегда был аккуратненький: и наличники покрашены, и крылечко с резными балясинами, и палисадник с цветами красивый. А как уехала Маруся вслед за детьми в город - за год осел, покривился, - состарился дом. Долго потом стоял на его месте костер иван-чая, пока не заровняли все трактором. Теперь нет ничего.

«Какие женщины были в Овсяникове! - вздохнул Аверьян. - Все как Огаша Румянцева... Работящие... Самостоятельные. Солдатские вдовы. На них все у нас и держалось. Не стало их - умирает деревня».

Что-то новый сосед не спешил приехать в Овсяниково. Обещал появиться вместе с семейством, как только дадут ему отпуск. «Все поживее у нас в деревне будет, - подумал старик с отрадой в душе. - А то тихо больно. Только кузнечики по вечерам свиристыя».

Глава третья

Полчаса спустя косцы собрались под окнами у Рыбиных, через дорогу наискось от Аверьянова дома. Аверьян ухмыльнулся, глядя на них слезящимися глазами:

- Работнички... Полтора мужика да пяток баб. Да разве это бабы-старухи! У Настасьи Зыбиной уж внуки от старшего сына, у Шуры Петра-Васильевой тоже. Еще бы бабушку Прохорову взяли или мою Дарью. Ох-хо-хо!

Это его рассуждение никак не вязалось с тем, как он только что подумал об Огаше, о Насте. И Шура Петра-Васильева, и Настасья Зыбина были такие же солдатские вдовы, как и те. Но в сознании Аверьяна соседка Огаша с Марусей Степановой запечатлелись молодыми, а этих он видел постаревшими.

Косцы тронулись в путь и сразу растянулись в целую процессию. Позади всех, подремывая на ходу, плелся Василий Рыбин, невысокого роста мужичок, в кепке, надвинутой козырьком на самые брови. Говоря «полтора мужика», Аверьян его-то и считал за половину. Завидев Аверьяна, Василий помотал головой, отгоняя сон, крикнул:

- Пойдем, Васильич, с нами! Чего сидеть, как курица на яйцах.

- Я уж накопился, - негромко сказал тот, не рассчитывая, что его услышат.

- Я тебе косу свою отдам - ты помахашь, а я покурю, - продолжал Рыбин.

- Пойдем, Аверьян Васильич, тряхнешь стариной, - подзадорил и бригадир.

- А то я с тобой в праздник плясать не выйду, - добавила Шура Петра-Васильева.

- Ишь, черти! Веселые, - с завистью сказал Аверьян. - Словно в гости собрались.

- А может, мы и вправду в гости.

- Поддержи колхоз, Васильич, - пригласил опять бригадир. - Без тебя все остановилось.

Аверьян и в самом деле поднялся, потоптался на месте, потом решительно заложил руки за спину и зашагал за всеми.

- Я уж тряхать-то ничем не буду, - бодро пояснил он. - Восьмой десяток уж, как-никак... Просто так с вами прогуляюсь.

Бабы оживились. Больше всех неожиданному подкреплению обрадовался Василий Рыбин: будет с кем поговорить.

- У-у, нынче сенокос закончим, - балагурил он.

- Нам только разозлиться. Марья! - крикнул он жене. - У тебя коса большая, дай ее Аверьяну. Он мужик все-таки.

Жена у Василия, Маруся, выше мужа на целую голову, широкая в плечах, худая и сильная. У нее коса и вправду больше, чем у других. Аверьян ее отбивал, знает.

Всем хорош Марусин муж: и гармонист и песельник, да вот беда - любит выпить. За стопку водки рубашку последнюю снимет.

- Жену отдашь за бутылку? - спрашивали у него смеха ради.

И он отвечал на полном серьезе:

- Отдам.

Василий чуть выпьет, доверчив, как ребенок. Чего только не натерпелась от него Маруся!

Уехали они было в город, квартиру получили, на завод оба устроились, стали зарабатывать хорошо. Но там еще хуже стал пить Василий... Времени свободного больше. Повелся с такими друзьями-приятелями, что с каждой полочки Маруся находила его лежащего где-нибудь мертвецки пьяным, без копейки денег и приводила домой, а подчас чуть не на руках приносила. Помаялась-помаялась бедная баба, да и вернулись они назад в деревню: здесь-то он всегда на виду, да и податься особо некуда. К тому же народу меньше - сраму меньше.

- А ведь из-за чего пью? - говорил Василий под хмельком. - Из-за того, что одни девчонки в доме. Зайдешь домой - сидят, глядишь, за столом, обедает вся семья - одно бабье! Тут каждый запьет.

После рождения очередной дочери он всякий раз сильно горевал, жаловался на жену всем встречным и поперечным, а полгода спустя говорил:

- И много детишек, ну да рыскну еще раз!

«Рыскнет» - ан снова девчонка! Теперь у него уж шестеро, старшие две заневестились.

- Ну как, ты еще раз «рыскнешь»? - спросил Аверьян тихонько, чтоб другие не услышали.

Василий сразу сник, понурился, вздохнул:

- Нет уж. Хватит. Тут, Васильич, как в карточной игре - главное: вовремя остановиться.

Вышли за деревню. Аверьян стал отставать понемногу, да он и не шибко-то тянулся за косцами.

- Чай, уж лет шесть на косьбу-то не ходил, - говорил Аверьян сам себе. - Бывало, я косить-то любил. Хоть и тяжело в эту пору, а любил. Ну, да тогда веселей было. Бывало, в каждом доме по три мужика. На косьбу выходило нас человек сорок - пятьдесят. Сядем отдыхать - песню поем. Во как! А нынче что! Разве дело?

- Ты, однако, не отставай, дед, - подбадривал его Василий. - Ты давай локтями-то работай.

- Был бы толк! - живо отозвался Аверьян. - Я вот, знаешь, старости

своей долго не понимал. Все казалось мне, что остановился я где-то на двадцати или на тридцати годах. Самому уж к шестидесяти прет, а мне кажется - молодой я еще! Ничего не болит, на ногу легкий, на баб поглядываю... А потом стал замечать: что-то обгоняют меня все. Вроде шагаю я так же часто и руками, как ты говоришь, работаю, а отстаю! Вот как. А ты толкуешь... Тут не в локтях дело. Нет, Василий, тут причина посерьезней. Погоди, доживешь до моих лет...

Женщины, шедшие впереди, о чем-то горячо заспорили, и Шура Петра-Васильева, обернувшись, крикнула:

- Бригадир! Черт те дери, когда же мы перестанем с косами на луг ходить? При Царе Горохе руками косили и теперь. Когда самоходную косу придумают?

- Есть же и самоходные, - нехотя возразил Сергей. - И тракторные, и конные - всякие. Чего вам еще.

- Да эти мы знаем. Им надо лужок поровнее да разгон побольше. Они в нашем Яменнике не могут работать. Там кочка на кочке, холм на холме.

- Может, и брать-то не надо, - Василий Рыбин коротко хохотнул. - Плюнуть на этот Яменник, только и всего. Не стоит шкурка выделки.

- Ишь, какой богатый! - заметил бригадир. - Расплоешься, а потом скотину кормить нечем.

- Приделали бы к ней мотор, - Шура тряхнула своей косой. - До всего додумались, а до этого нет.

Бабы засмеялись.

- И в самом деле, надо к нашим косам по мотору приладить, тогда можно любую полянку обкашивать.

- Вот погодите немного, - сказал Сергей Кустов. - Может, и плюнем на наш Яменник. В самом деле, невелика от него корысть.

- Долго ли еще годить-то?

- А видали вы возле большака культурные пастбища? Их прошлой осенью заложили.

- Это где трактором столбы в землю вдавливали, когда отгораживали? - переспросила Настасья Зыбина. - Видала я, подивилась.

- Вот я и говорю: до всего додумались, а тут... - вставила Шура.

- Так вот там посеяли овсяницу луговую, мятлик, ежу сборную,

клевер белый... - степенно говорил Сергей Кустов. - Видали, какая трава вымахала? Там около ста гектаров огорожено. Это только для пробы, только начало. Сто гектаров - на сто коров полное обеспечение кормами.

- Так это когда еще мы такими лугами обзаведемся! А до той поры, дай Бог, не заросли бы поляны в Яменнике. До той поры будем под кусточками собирать, что бог пошлет.

- Если весь наш Яменник выкорчевать, да распахать, да посеять траву, сколько можно коров прокормить? Ну-ка, подсчитайте? А? Вот тогда на этом месте никто руками косить не станет, пустим косилку. А вы говорите, мотор к ручной косе надо приделывать.

- Ну уж, - женщины недоверчиво заулыбались, - не верится, что так будет.

Бригадир пожал плечами:

- Вам не верилось, что и возле большака такой луг сделаем. Там тоже и кустарник, и кочкарник был. А теперь вот он, уже готов, и косить можно, и пасти на нем. Это не на один год, имейте в виду...

Пока шли до покоса, Аверьян раза три останавливался отдыхать.

- Вы идите, идите, - махал он рукой, когда кто-нибудь оглядывался.

Яменник - довольно обширный лес из редких приземистых елей, корявых березок и могучих кустов бредняка. Косилку здесь не пустишь, и потому каждый год многочисленные полянки Яменника выкашивают вручную. Так было всегда. Коса воевала с лесом, не давая подняться молодым кустикам, а лес упорно наступал на поля, год за годом суживал свои поляны.

Аверьян, похрапывая, сел у опушки на пригорке, лицом к солнцу. Уже заметно пригревало. В лесочке перекликались дрозды, где-то стучал дятел. Косцы разбрелись кто куда и скоро скрылись, слышно только шарканье кос за кустами.

От деревни бежит кто-то трусцой. «Дуняха, - приглядевшись, узнал Аверьян и покачал головой. - Вот непутевая баба. Опять опоздала».

Давно ее знал Аверьян; впрочем, как всех и у себя в Овсяникове, и в ближних деревнях. В молодости была она красавицей, бойкой, веселой, смешливой. А замуж вышла за Ивана Муромцева, вдовца с двумя детьми. Вышла не по любви, а так отец приказал. Отец-то приказал да и

умер через неделю после свадьбы. А еще через неделю война началась. Ивану на фронте руку из плеча вырвало. Домой вернулся не работник, а детей за три года троих прибавил.

Семейная жизнь не задалась у них с самого начала. Что ни день, то ругань. Случались и драки, после которых Дуня щеголяла с синяками или Иван говорил, что столкнулся или упал лицом на твердое. Шумные баталии в доме Муромцевых стали повседневным, обыденным делом. К ним привыкли, им не удивлялись.

Неурядицы начинались с самого утра. Дуняха встает поздно, корову выходит доить, когда Женька уже выгоняет стадо за деревню. Вести корову в стадо - три километра туда да столько же обратно. По этой причине и на работу она выходит, когда все уже основательно потрудились и помышляют о перекуре.

И ничего-то она не доводит до конца. Грядки в огороде, глядишь, с одного края прополоты, а с другого края крапива растет или лебеда. Замочит белье постирать - так и стоит оно неделю, пока прямо в тазу не высохнет. Возьмется суп варить - нальет в чугунок воды, нарежет туда картошки, а все остальное положить забудет. В доме Муромцевых еда самая простая: хлеб с молоком, картошка в мундире, свекла пареная.

В избе Дуняха моет раз в год, да и то, если бабы помогут. Без посторонней помощи отскоблить, отмыть пол у них в доме - дело почти невозможное.

И нельзя сказать, что ленива Дуняха. Никто не видит ее сидящей сложа руки. Всегда-то она хлопочет, переставляет что-то с места на место, гремит ухватами, ведрами. За водой не идет - непременно бежит. Корову в стадо гонит бегом; вот и теперь на работу - хоть и позднее всех, а тоже трусцой.

- Здравствуй, Аверьян Васильевич, - приветливо говорит Дуняха, не останавливаясь.

- Здравствуй, - отвечает Аверьян.

Видно, что она и смущена немного, и огорчена, что опоздала, но на лице ее такая деловитость, такая озабоченность и с таким рвением начинает она косить тут же на опушке, что можно быть уверенным: она решила твердо наверстать упущенное.

Аверьян вдруг усмехнулся, вспомнив недавнее.

Однажды после очередной перебранки Дуняха сказала мужу:

- Чтой-то, Иван Степаныч, мы с тобой ругаемся часто?

Может оттого, что невенчанны? Говорят, которые не в церковном браке, у тех мира в семье нет. Давай сходим в церковь, повенчаемся. И заживем тогда ладно, в согласии.

Иван, мужик простоватый, сначала уперся было, а потом подумал-подумал да и согласился. Может, и впрямь весь разлад у них из-за того, что невенчанны? Может, наступит наконец желанное согласие у них в доме?

Батюшка без долгих церемоний обвенчал их в пустой церкви. Возвращались они оттуда под руку, влюбленно поглядывая друг на друга, как молодожены. Удивлению всех видевших их в эти минуты не было предела. Но едва переступили Муромцевы порог своего дома, увидели царящий там хаос, плюнула Дуняха с досады и сказала мужу:

- Иван, иди ты хоть воды принеси.

Тому не понравился тон, каким эти слова были сказаны, и он послал свою жену не то чтобы далеко, но и не особенно близко. Она словно того только и ждала. И пошел дым коромыслом пуше прежнего.

Так и идет у них все задом наперед, да кувырком, да через пень-колоду.

Аверьян оглядывал поля, деревню невдалеке, потом придремал. Оттого что он то и дело просыпался, сны были обрывочны и стремительны. Снилось ему, а вернее, вспоминалось во сне, как ходил он в Яменник за ягодами можжевельника, из которых отец его делал пиво. Как однажды был здесь небывалый урожай рыжиков, о чем знал сначала только он один, а потом повалила вся деревня, и на всех хватило грибов. Как, возвращаясь с поля, шли они через этот перелесок с молодой женой Дашей и о чем говорили в тот счастливый день. Как с сыном Ванюшкой в какой-то праздник пришли сюда, чтобы вырезать ему можжевелевую палку...

И, вспомнив сына, круглоголового и ясноглазого, старик проснулся и больше уже не засыпал.

Один был сын - Ванюшка. Его любил крепко. Дочерей - тех не так. Этого долго ждал. Дарья родила его уж на сороковом году. Глядели да радовались на сына. Рос он здоровяком, каких поискать; румяный был,

добрый, ласковый. Выучился на тракториста, и в МТС его все уважали. Вот с кем жить бы теперь Аверьяну! Женился бы Ванюшка, была бы у него такая же ласковая да красивая жена, как у Сергея Кустова, народила бы внуков - вон у Сергея уже третий намечается.

- Так уж, видно, не суждено, - вздохнул Аверьян, не замечая, как слезы катятся у него по щекам.

В случайной драке в чужой деревне ни за что ни про что стукнули Ванюшку тележным курком по голове. Ночь после того пролежал он без памяти на луговине, а утром на своих ногах пришел домой. Едва дошел. Удивительно, как он дошел. Конечно, молодой был, здоровый...

Был в Калязине в ту пору главврач районной больницы. Звали Михайло Иваныч. Знаменит был на весь этот край - от самого Загорска, из-под Калинина, из Кимр привозили больных. Слава о нем недаром шла: хороший был врач. Принимал он у себя в больнице, а в особых случаях и на дому. К нему-то на дом и повезли Ванюшку, когда ясно стало, что дело плохо. Михайло Иваныч внимательно осмотрел, сказал ободряющие слова, а когда Дарья вышла за ним следом в соседнюю комнату спросить о самом главном, Михайло Иваныч сказал иное (и тот разговор слышал Ванюшка):

- Вот что, мать: с сыном попрощайся. Не жилец он у тебя. Я положу его к себе в больницу, уход будет самый отменный, но операцию делать бесполезно. Все. Прощайся, пока время есть, пока в сознании еще.

На телеге через Горбатый мост на ту сторону Волги к больнице везла Дарья сына (Аверьян тогда не ездил) и всю дорогу плакала. Ванюшка утешал ее:

- Брось ты, мам... Ну... такая судьба.

Голос у него в ту пору был этакий унылый, и сам ничему уж не рад был - так болела голова.

- Вы с отцом не очень обо мне убивайтесь. Жалко, не пожил я с вами. Я бы вас берег. Не работайте тяжело, слышь, мам? Зачем вам это? На хлеб вам хватит. Теленка зарежьте осенью, а мясо на базар не везите. Корова уже обгулялась, пастух говорил. Яловой не останется. Все хорошо. Бревна те, что на задворках у нас, не продавайте, хоть их многие просят. Самим пригодятся.

- Ой, Ванюшка, как же это!.. Как же ты себя не уберег!..

- Да будет тебе плакать, мам...

Вот так провожала Дарья сына в больницу, и всю дорогу он ей, плачущей, давал наказы. Все его наказы Аверьян потом исполнил.

На второй день к вечеру умер Ванюшка...

- Жалко. Мало ты пожил, - сказал Аверьян вслух. - Больно, сынок, жись-та хороша. Теперь вон праздники-то празднуют тихо, никто не дерется.

Он поднялся и побрел домой, едва переставляя ослабевшие ноги. До деревни и всего-то километр, но он шел долго, то и дело останавливаясь, и все помахивал рукой перед глазами, пытаясь разогнать туманную пелену, застилавшую все перед ним. Как, бывало, в праздник, возвращаясь из гостей шибко пьян, он всегда находил дорогу домой, не сваливался на полпути, так и теперь из последних сил, но дошел он до дома, тяжело сел на крыльцо и привалился к резным балясинам.

Глава четвертая

Говорят, когда-то здесь был глухой лес, и начинался он от Белоусова - от того лога, в котором ныне растет лишь сухая трава метелка, не годная ни для скота, ни для косьбы. И было Белоусово опушкой большого лесного массива, которое называлось Болхино. Здесь же, где нынче косили овсяниковские косцы, небось была глухомань. Сюда и ходить-то побаивались.

Сергей Кустов отделился от своей бригады и косил в стороне от всех. Ему попалась довольно широкая поляна, густо заросшая высокой и сочной травой. Со всех сторон ее обступили кусты, какие-то непонятные ямы, камни-валуны, коряги и холманы.

Выгребая косой сочную траву из-под развесистого куста, он неожиданно выволок птичье гнездо. Взял его в руки - под ладонью оно отозвалось теплым, и Сергей подумал, что птичка только что слетела с насиженного места. Вместе с травой он вытащил из куста и несколько молодых сучьев, которые он срубил нечаянно. Не на них ли висело гнездо? Раздвинув кусты, Сергей заглянул внутрь, ища, где могли бы упасть яички или птенцы, но не нашел ни того, ни другого. Выпрямил-

ся, оглянулся - птицы мирно щебетали вокруг него, ни одна из них не проявила беспокойства. Он внимательно осмотрел гнездо. Оно не было старым: не пожухли в нем аккуратно уложенные травинки, не свалились от дождей и от ветра перышки и пушинки - оно было совсем новое, но, как видно, птичье семейство, вырастив птенцов, уже покинуло его. Впрочем, может быть, Сергей случайно и разорил гнездо как раз в то время, когда птенцы только что вылетели, а птичья пара не успела накласть в него яиц для второго выводка.

«Ишь, как я его, - с сожалением подумал он. - А еще послужило бы гнездышко. Ладно они его построили! Ты гляди-ка! Может, прилетят?».

Он приладил его, как смог, в рогулине куста, но так оно держалось и недостаточно надежно, и неровно. Развел рогулину, опустил глубже - смялось совсем.

Нечаянная находка дала новый ход мыслям Сергея Кустова, подтолкнула к тому, что заботило его в последнее время.

«Вот оно как, с места-то на место, - подумал Сергей. - Не прирастает, да и все тут. Ишь, труха из него посыпалась. Нет, не будут в нем жить птицы!...».

Он отступился. Глянул на небо, стал неторопливо закуривать.

«Вот так и я: возьмусь перебираться в Спасское - при переезде высыплется из моего гнезда старое да гнилое, что останется? Того, что нынче есть, не соберешь».

Он попыхал дымком, задумавшись, потом поднял косу, но снова приостановился.

«Ишь, место-то здесь какое! И солнечно, и укромно, - со всех сторон удобно. Ай да местечко выбрали птицы! - И тотчас улыбнулся своей мысли. - Так ведь и наше Овсяниково на хорошем месте стоит! Чем плохо? Что реки нет?.. Разве что вот из-за реки. Дороги там лучше. Что еще?.. Да нет, что уж говорить, Спасское не сравнишь с Овсяниковом. Дело не в реке и не в дорогах. За что ни возьмись, там как-то складнее, удобнее. А вот близок локоток, да не укусишь. Возьмись-ка переезжать...».

Сомнения и размышления мучили Сергея Кустова уже давно; пожалуй, даже не первый год. Звонок, как говорится, прозвенел лет пять назад. Еще тогда стало ясно, что Овсяникову не быть. И с течением

времени новая эта забота все сильнее и сильнее овладевала им. Ну, еще полгода, год - а дальше? Он чувствовал себя, как, вероятно, чувствует себя дерево, у кото-рого одно за другим обрубают корни.

В прошлом году уехали из Овсяникова сразу три семьи; бригада уменьшилась на шесть человек работоспособных, то есть вдвое. Кто остался? Вот эти.

Сергей оглянулся в ту сторону, где шаркали косы: разве это бригада!

«Эх, работнички!..».

В прошлом же году перевели из Овсяникова овчарню, а он был в ней вроде заведующего, по совместительству с бригадирской должностью.

Некоторое время поначалу Сергей Кустов числился бригадиром на три деревни: кроме Овсяникова, еще и Выселки, и Селятино. От одной деревни до другой по два-три километра. Разве это работа? Одно хождение. Выселки в прошлом году выселились. Дел стало меньше, работать легче, однако странную пустоту стал ощущать вместе с тем Сергей, и ощущение это усиливалось по мере того, как редели и Овсяниково, и Селятино. Один за другим исчезали дома, как выкрашиваются зубья у гребешка. И точно так же Сергей чувствовал, как отмирают некие связи, держащие его в Овсяникове, да еще в должности бригадира.

Вот так, корешок за корешком обрывались они у него, и нынче он с растерянностью чувствовал свое одиночество, свою ненужность. От его распорядительности, от его старания не зависело почти ничего. А он-то хотел, чтоб зависело. Хотелось значительных дел, за которые все его уважали бы и он сам себя тоже. А сейчас что! Вот уже и рядовым колхозником стал. Сам себе наряд дал: иди косить.

«Ну и ладно, - отогнал он эти укоризненные для себя мысли. - И буду косить. Буду рядовым, как все... Ишь, какие поляны в этом лесу! Трава получше, чем у меня на усадьбе».

Что-то долго не слышно знакомого звяканья бруска о косу, значит, бригада его села на перекур. С дремотой. Помалу сидеть не будут, а подгонять - как их подгонять, если каждая из баб в матери ему годится?

«Пусть сидят, - Сергей с ожесточением махал косой. - Я им не

надзиратель. Кого погонять? Полторы старухи... Пусть работают, как им нравится».

Он вытер лицо, обмахнул мокрую косу пучком травы и короткими, точными взмахами бруска стал точить косу. Точил так, словно хотел укорить тех, которые там, за деревьями, сели отдыхать. Брусок лязгал о железо раздраженно и зло, коса звенела. Однако, словно в ответ, в стороне, но не там, где косили все, послышались точно такие же звуки. Сергей прислушался: ну да, так и есть, кто-то косит там. Он вроде бы даже устыдился, что подумал плохо о людях - трудится же кто-то! Он опять прислушался: можно было разобрать голоса Маруси Рыбиной, Шуры Петра-Васильев, но это было не там, где только что прозвенела коса. Бабы, судя по всему, сидели где-то под кусточком и мирно судачили - это Сергей ясно слышал.

Несколько минут спустя бригадир снова взялся за брусок, и тотчас одинокий косец в стороне отозвался звоном своей косы.

Так и шло: Сергей косил, кто-то за деревьями невдалеке тоже косил без перекура, а бабы в другой стороне разговаривали. Но вот и они встали, перезвон их кос весело прозвучал над перелеском. «А там кто же, один-то? - подумал Сергей. - Рыбин, что ли, туда подался? Наверно, Рыбин. Он любит наособицу». Некоторое время спустя в голову бригадира пришла совсем иная мысль: «А не чужие ли кто там косят у нас под носом? Не должно бы... А кто его знает!».

Сергей остановился, перевел дух. Дзень, дзень, дзень - послышалось в стороне. Небрежно так, словно кто-то дразнился.

«Пойти поглядеть...».

Пробираясь наугад через кусты, Сергей то и дело останавливался и прислушивался, стараясь различить впереди среди шелеста листвы характерный свистящий звук от взмахов косы по траве, но не слышал его. Вместо этого он увидел впереди в прогалине между кустами фигуру лежащего Василия Рыбина. Василий лежал на спине, закинув руки за голову, и потряхивал босою ногою, положив ее на другую. Кажется, он даже мурлыкал что-то. Словно встрепенувшись, Василий вдруг сел на траве, поднял лежавшую возле косу и привычно, небрежно поточил ее, нарочито громко звякая, потом отложил ее в сторону и снова лег на спину, закинув ногу на ногу.

Сергей Кустов помедлил немного, словно застал человека за неприличным делом и не был уверен, стоит ли сейчас объявлять себя. А помедлив немного, он отправился к Василию, не крадучись, - нарочно задевая за кусты.

Тот чуть повернул голову, посмотрел на подходившего бригадира и продолжал так же беспечно покачивать ногой. Нет, и тени смущения не было на лице Василия Рыбина оттого, что лежит он тут и для маскировки звякает брусом по косе, в то время как другие работают. Более того, когда бригадир подошел и, хмурясь, сел рядом, тело Василия стало вздрагивать от сдерживаемого смеха, словно он сотворил бог весть какую шутку и уверен, что ее по достоинству оценят.

- Давно так косишь? - спросил Сергей, вовсе не расположенный шутить.

Василий прищурился на солнце, словно бы определяя время, и честно признался:

- Да уж порядком.

- А косой чего звякаешь?

Тело Василия опять стало подрагивать от смеха. После паузы он заговорил:

- Я вот лежу и думаю: небось и Серега Кустов лежит вот так же кверху пузом и для отвода глаз брусом по косе брякает. И бабы небось то же самое. Вот лежим все и друг дружку за нос водим. А Бог сверху смотрит и думает: во дураки-то! Меня смех пробрал.

- Бабы там честь честью работают, а мы вот с тобой расселись, разлеглись.

Он не сказал «ты разлежся», чтоб не обижать человека, сказал «мы», и Василий отметил это, усмехнулся.

- Да ну, - сказал он снисходительно. - Я ведь про тебя просто так ляпнул. Я знаю, что ты там небось скирду накопил. Только все это так... зря.

- С какой стати зря? - ворчливо отозвался Сергей. - Все это отговорки. Чтоб дело не делать.

- А с такой, - прервал его Василий. - И вообще: чего ты стараешься? Ты бригадир. Дал наряд и иди домой. А ты с косой... хм.

Он сел, сорвал травинку, стал кусать, сплевывая в сторону.

- Живем мы, как рыба в Бурачке. Как лето - он высыхает, рыба из него, не будь дура, уходит по протоке. И слава Богу, а то подохла бы там. Вот мы сейчас, как эта рыба. Лежим на мелководье, рты разеваем, плавниками еле шевелим - разве это жизнь!

Сергей выжидательно смотрел на Рыбина.

- Уходить надо!.. По протоке, понял? - Василий зло глянул на бригадира. - Пока вовсе не пересохло.

- Ты уже уходил однажды, - нехотя возразил Сергей Кустов. - Мало тебе?

- Это ты про что? Как в город-то я уезжал? Так я не про то толкую, чудака-человек! Я говорю: переезжать надо, куда добрые люди переезжают - в Спасское, в то же Василёво. Там место поглубже, плавать можно, дышать, развернуться есть где. А у нас в Овсяникове что? Пяток домов осталось! И мы еще тянем что-то, время теряем. Ну, я-то еще ладно, про меня вон жена говорит, что я неделовой, бесхозяйственный и прочее. А на тебя я удивляюсь: ты-то чего? Чего ждешь?.. Шулыжничаешь по лесочку... вместе со старухами... мать твою. Разве это работа! Я не лентяй, но я чихал на эту работу! Вот и лежу.

Он снова лег, положив ногу на ногу, и стал опять потряхивать ею, демонстрируя свое полное блаженство и пренебрежение к бригадиру.

Они долго молчали, но если Василий Рыбин молчал с самым независимым видом, то лицо Сергея Кустова выражало досаду и раздражение. Что-то он хотел сказать, но не сказал.

- А рыба там знаешь какая водится в этом Бурачке! - опять заговорил Василий. - В водополицу заплывает. Я один раз щуку видел - чуть не с коромысло. Ага. Там вот щука - это ты, Сергей, - Василий засмеялся, закашлялся, выговаривая сквозь кашель. - А я так, мелкий карасишко. Я в тину зарылся и сижу.

- Да брось ты свои сказки загигать, - бросил Сергей.

Рыбин не унимался.

- Нет, рыба умнее нас с тобой. Ей-богу. Ты вот сообрази: детишки у тебя скоро в школу пойдут. Каково им будет каждый день в Спасское и обратно. А? О чем думает человек!

Василий пожал плечами.

- Не твое дело, - пробормотал Сергей. - Придет срок - перееду. А

в школу эту и мы с тобой ходили по этой же самой дороге, не умерли.

- Ладно, - сказал Рыбин, усмехаясь. - Как хочешь.

Он заметил, что разговор не нравится бригадир и вообще Кустов что-то нынче не в духе.

- Курево есть? - спросил Василий, снова поднимаясь и садясь.

Сергей молча достал из кармана пачку сигарет, протянул ему.

- Вот за куревом надо в Спасское ехать.

Василий, воспользовавшись тем, что бригадир глядит в сторону, взял две сигареты. Одну сунул в рот, другую в карман.

- Приду, позавтракаю - поспать бы часок, так нет - надо за куревом ехать. Вчера к нам в деревню библиотекарша приехала на велосипеде, книжки привезла. А я ей говорю: тут курить нечего, прихватила бы какой-нибудь махры.

- Темный человек, - заметил Сергей и покачал головой в насмешливой укоризне.

Вот только теперь он почувствовал твердую опору в разговоре и ободрился. Василий не понимал, что тронул бригадирово больное место: он разговаривал с ним как бы свысока, с насмешкой, и более того - был прав! В только что случившемся маленьком столкновении между ними Василий взял верх, и это задело Кустова.

- Нет. Это не жизнь. - Рыбин убежденно помотал головой. - Как хочешь, а не... Может, я бы сейчас, идя с косьбы, зашел бы в магазин, купил бы пачку «Беломору», а покуривши, мне и почитать что-нибудь захочется. А? Как ты думаешь?

- Да ладно тебе. Слышал, - сказал бригадир через плечо и поднялся. - Работать давай.

Василий тоже встал, но, вставая, проговорил:

- Эхма! Копна больше, копна меньше - какая разница!

Не лежит у меня душа к этой работе. Не люблю суетиться по мелочам.

И опять веселость пробрала его.

- Высыхает наш Бурачок, - сказал он, ухмыляясь и как бы поддразнивая бригадира. - Когда-то глубокий был прудишко.

А сейчас лужа. Верно, бригадир? Как ты считаешь, верно я насчет нашей деревни говорю?

Сергей старательно затапывал окурок.

- Одного я не пойму, почему крупная рыба не уходит, чего ждет?

И Рыбин хитро уставился на Сергея.

- Ты еще ни разу в своей жизни не строился? - жестко сказал тот.

- А я строился однажды. Теперь мне, что же, снова-здорово? Нет, спасибо. Я этим сыт. У меня сейчас дом стоит - почти весь я своими руками срубил. Каждое бревно отпилил, каждую доску приколотил. А теперь, значит, ломай и начинай сначала?

- Так что же делать? - с интересом спросил Василий. - Надо было тогда думать.

- Тогда еще деревня крепкая была.

- А теперь как быть? Ведь ты скоро один останешься. Один посреди поля. А посреди поля и дерево корявое растет.

- Не знаю, - ответил бригадир нехотя и повторил: - Не знаю.

Не сказать чтобы совсем он не знал. Была надежда, и хорошая, заманчивая надежда, а какая - этого он не мог открыть Василию Рыбину.

Глава пятая

С той стороны, где косили бабы, вдруг послышался хрипловатый гудок машины.

- Приехал кто-то, - сказал Сергей, настораживаясь. - Или так просто?

Послышался опять долгий гудок, и тотчас следом за ним второй.

- Пошли, - оживился Василий. - Вроде бы нас зовут. Может, председатель появился?

Они стали продираться напрямик через кусты. Еще не видя, кто там приехал, Василий, обернувшись на ходу, сказал обрадованным тоном:

- Точно, Толя Васильевич! Счас мы его за жабры возьмем. На ловца и зверь.

Он прибавил шаг.

- Я-то как раз нынче хотел до него ехать, да боялся не застать. Он мне во как нужен.

И Сергей Кустов обрадовался приезду председателя, хотя и не подал виду.

Толя Васильевич покачал головой. Он стоял, опершись локтем на машину. «Москвич» его влез мотором в куст, две полосы примятой травы тянулись от колес к проселку. Бабы расположились в тенечке, прислонив косы к дереву, разложив на траве головные платки, кофты. Говорили они разом и засмеялись разом в ответ на замечание председателя. Потом вперебой:

- Ой, и не говори, Натолей Васильич!

- Да ить ты как считаешь? Тут из двух человек одного работника не слепишь.

- Хотя бы в газете про нас написали, смеху ради. Три старухи - вся и бригада.

- Зато бригадир у вас поглядите какой! - с улыбкой возразил им председатель. - Молодой, красивый. В подводниках служил - это вам не шутка.

Кустов сдержанно улыбнулся и отошел в тень деревьев, но садиться не стал.

А Василий Рыбин уже растянулся на земле с таким наслаждением, словно после долгого-долгого пути. Он лежал, и по глазам его было видно, что он выжидает паузу в общем разговоре, чтоб о чем-то спросить или что-то сказать самому.

- Нет, - продолжал председатель, - вашего бригадира надо держать в большой бригаде, а вам хватит и какого-нибудь старичка. Вот хоть бы Аверьяна Мельникова. А?

- Да и то сказать, - снова вперебой зачастили бабы, - Нам можно и поплоше. А такого-то парня берите в оборот да приставьте-ка к бабам, которые помоложе. Вот тогда от него будет польза.

Они засмеялись.

- Вчера закончили с телятником все, - как бы между прочим бросил председатель Василию. - Нынче будут тебе возить.

Тот сразу очень проворно сел, сказал:

- Ага.

И поморгал, то ли соображая, то ли ожидая, что председатель ска-

жет еще что-нибудь. Но Толя Васильевич уже отвлекся на общий разговор.

- А по нам, дак хоть вовсе без пастуха нас оставьте, - говорила Шура Петра-Васильева. - Виданное ли дело - бригадир на две деревни! Плунуть на нас да и не морочить человеку голову. А мы как-нибудь. Сами себе наряды будем давать.

Бабы поддержали ее смехом.

- Да погодите вы! - остановил их что-то соображавший Василий Рыбин. - Дак что, Анатоль Васильич, - значит, это... Сегодня, да?

- Ну, я же сказал. Не волнуйся, возят.

- Дак... надо небось мне поглядеть съездить.

- А чего тебе глядеть?

- Ага! Таких бревен привезут, что из них не то что дом, а паршивую баньку не сложишь.

- Ну полно! - строго сказал председатель, а Василий сразу посерьезнел и озаботился еще более.

- Так теперь что же, Анатоль Васильич. Надо за дело браться. А?

- Берись.

Все прислушивались к их беседе.

- Теперь вы меня в отпуск отпустите. Слышь, бригадир? Анатоль Васильич дает «добро».

- В творческий, да? - ободряюще улыбнулся председатель.

- Чего?

- Я говорю: в творческий отпуск тебя.

- Ага. Я сотворю! Я такую храмину воздвигну! Василий был возбужден и обрадован.

- Ну вот, - зашумели бабы, - еще один хозяин собирается улизнуть из Овсяникова. А с нами что, со старухами?

- А что с вами, - сказал Василий, уже уходя. - Переезжать вы не хотите. Остается одно: пригнать трактора да запахать.

- Вот и спасибо, - ответствовали ему не без обиды.

- Нет, - возразил председатель. - Их и запашешь - они из земли взойдут. Это же могучие женщины! Родоначальницы и основоположницы. У них сыновья, внуки... Нет, их надо бережно пересадить.

- Где уж там могучие! - заскромничали, застеснялись, завздыхали,

Шура Петра-Васильева, Настасья Зыбина, Дуняха Муромцева. - Было да сплыло.

Польстил председатель. Вовремя и к месту польстил.

- Мне с тобой потолковать надо, - сказал он опять-таки как бы между прочим Сергею Кустову.

Сергей насторожился, бросил на него вопросительный взгляд, ответил сдержанно:

- Хорошо.

Сергей Кустов с Толей Васильевичем были, пожалуй, одноклассники. Кажется, учились даже когда-то в одном классе, но Сергей не мог припомнить, когда именно это было. Может, в третьем, в котором Сережка Кустов сидел два года, или раньше, во втором?

Толя Иванов был парнишка тихий и незаметный. Он чуждался шумных компаний и сторонился слишком озорных игр, поэтому как-то не запечатлелся в памяти Сергея. Во всяком случае, он не мог припомнить каких-то особых случаев и событий, связанных с Толей, когда тот был мальчишкой, да и позже тоже.

И все-таки были моменты, когда жизненные линии Толи Васильевича и Сергея Кустова не то чтобы переплетались, а несколько сближались, соприкасались.

Вспоминал, например, Сергей Кустов такое.

Давненько уже, лет этак двадцать назад, одна из овсяниковских девчат выходила замуж в Соломидино. Подруги ее гостили на свадьбе, и вот их, возвращающихся из Соломидина со свадебного гулянья, догнал на велосипеде Сергей Кустов. Дело было летом, уже рожь колосилась, девчата шли веселые, возбужденные, смеялись и говорили громко, песни пели вразнобой. По мягкой пыли велосипед катил почти неслышно; Сергей подъехал, словно подкрался. Он предупреждающе затрещивал, когда переднее колесо уже почти наезжало на девчат, те с визгом шархнулись в стороны.

- Девки! Вы пьяные, что ли! - Сергей, довольный, захохотал. - Под колеса лезете!

Они дружно и тоже со смехом обругали его. Валька Зайцева подняла на обочине какую-то коряжину, погрозила:

- Во тебе!

Так со смехом и пошли дальше. Сергей тихонько катил по дороге, поддразнивая их, они весело отругивались. Тогда он впервые залюбовался на Вальку. Не то чтобы она понравилась ему очень - нравиться она ему не могла хотя бы по своему характеру: разудалая была девка, размашистая, даже немного грубоватая. Еще в девчонках ее то и дело поругивали обидным словом «хабалка». Но надо отдать должное: девка она была собой складная, именно потому тогда и отметил ее Сергей. День был жаркий, платья на девчатах легкие, а Валька шла сбоку от него, чуть впереди, и он видел ее всю, как она шагала свободно и пружинисто, легко шагала, словно все тело ее радовалось движению, пело каждой жилочкой.

Сергей чуть нажал на педали, поравнялся:

- Садись, подвезу.

До Овсяникова уж недалеко, за маленьким перелеском и деревня откроется, потому Валька сначала отмахнулась.

- А иди ты! - сказала она.

- Садись, дура! - обругали ее девки. - Пускай везет, жалко тебе, что ли!

И она села к нему на раму, велосипед сразу осел.

- Ого! - сказал Сергей и завилял передним колесом.

- Не свезешь! - зашумели девки. - Каши мало ел!

- Вот только урони! - Валька показала ему кулак.

- Знал бы, шины подкачал, - проговорил Сергей, и они стали удаляться.

Он слышал, как на канавках или если попадался под колесо камень, обод жестко стучался и велосипед потряхивало. Сразу стало жарко.

- Ты когда так успела растолстеть?

Она засмеялась польщенно, словно он за красоту ее похвалил.

Валька только что кончила восемь классов и теперь стала колхозницей наравне со всеми. Как раз к этому времени она и покруглела, и одеваться стала по-взрослому, и на гулянках то и дело выходила плясать. Заневестилась, одним словом.

Сергей поднажал на педали, мчались они теперь с ветерком.

- Потихе, ты! - вскрикнула она.

Он сдвинул руки на руле, обнимая ее.

- Ну, ты! - она, смеясь, ударила его локтем в бок. Тотчас их тряхнуло на ухабе.

- Ой, мамочки!

- Будешь драться, упадем, - предупредил он, и она затихла.

В перелеске Сергей вдруг свернул с дороги, со всего разгону они пролетели сквозь кусты, потом их замотало на кочках, и оба свалились в траву. Вот здесь он и напал на нее, грубо притиснул к земле, задыхаясь, целовал куда попало - в подбородок, в шею, в ухо - вороватая рука уже заметалась, задирая подол платья... Но совладать с Валькой он не смог - она тотчас с такой силой и с такой злобой отпихнула его, вскочила и даже замахнулась ногой, чтобы ударить его, лежащего, но не ударила, только проговорила:

- У, зараза! Дурак чертов!

И пошла к дороге, отряхивая платье.

Он догнал ее, когда она уже выходила по дороге из перелеска. Пробовал улыбаться.

- Да ты что озлилась-то?

Она молчала, сохраняя злобное выражение лица.

- Подумаешь, цаца! Сдалась ты мне!

- Это ты мне сдался! - отвечала она сердито.

- Да ладно. Чего ты остервенилась? Садись, подвезу. Больше не буду... пошутил, и все. Слышь, Валь.

- Катись ты!

И она выразилась так крепко, что Сергей Кустов только головой крутнул и засмеялся, на этот раз непритворно.

- Ну и хабалка ты!

Девки между тем уже вышли из перелеска и что-то крикнули им издали.

- Обжегся? - спросила она издевательски, кидая на него презрительный взгляд. - Сунься еще раз, морда твоя противная!

Иди тискай тех, которые не хабалки, они позволяют. Надо было тебе по зубам шваркнуть.

Она остановилась, отвернувшись от него, стала поджидать девчат, а он разозлился и, обескураженный, поехал дальше.

Не то разозлило Сергея, что она его оттолкнула, а то, с каким презрением и даже издевательски обругала. Он почувствовал себя униженным, а такое трудно простить.

Сергей Кустов воспринял происшедшее как свою личную обиду и унижение и долго помнил это. С тех пор он и не упускал случая посмеяться над Валькой или сказать о ней что-нибудь пренебрежительное. Он не мстил, просто она ему не нравилась, недолюбливал он ее.

И вдруг однажды у этой Вальки появился ухажер. И не кто-нибудь, а тихоня студент из-за Нерли, Толя Иванов. Вот этот Толя Васильевич.

Трудно было бы найти еще одну такую же странную пару, как смелая на слова и поступки, разудалая Валька Зайцева и молчаливый студент Толя Иванов.

- Валька, чего он у тебя вареный какой-то? - подкусывал ее Сергей.
- Ты посмотри, он одну ножку приволакивает.

Валька только усмехалась в ответ.

Нет, Толя ходил легко, держался стройно, и вообще по определению овсяниковских баб «парень был, что красна девка». Только уж очень непохож на других парней. Может, этим-то он и нравился Вальке?

С легкой руки Сергея Кустова над нею потешались каждый день. Она и злилась, и хохотала вместе со всеми, и ссорилась с девками. Она и краснела от удовольствия, глядя на своего ухажера, и тут же чуть не бледнела от досады.

Толя Иванов каждый вечер являлся на гулянье в Овсяниково. Одет он был всегда в серый костюмчик, не шибко новый, но обычно аккуратно отглаженный, в рубашке с отложным воротничком. Он и сейчас одевается чистенько да аккуратненько - не председатель, а школьный учитель, «интеллигент паршивый».

Толя Иванов, придя в Овсяниково, здоровался вежливо и негромко, без особой робости присаживался где-нибудь, однако улыбался очень застенчиво.

- Валька, твой «студент» пришел, - говорили ей при нем же и слово это произносили, вытягивая губы трубочкой и морща нос. - Здорово, студент!

Толя Иванов, слыша это, продолжал улыбаться с той же застенчивостью. Валька краснела и злилась.

Впрочем, не такой уж он оказался тихоня. Однажды Серегин сосед Ванька Аверьянов спел тут же сочиненную частушку:

У меня милашка Валька,
Я калязинский студент,
Не дает пообжиматься:
Предъявите документ.

Глупая эта частушка, а спетая к тому же самым дурацким тоном, имела успех. Ванька помолотил сапогами по земле, выбивая дробь, довольный смехом, который он вызвал. Толя Иванов, тоже улыбаясь, выждал паузу и негромко пригласил Ваньку Аверьянова отойти в сторонку. Они отошли в проулок, но туда же потянулись и овсяниковские парни. Толю Иванова потрепали в проулке, но он все-таки успел смазать Ваньке по роже. Набежали девки, отбили побитого Толю, а частушек про него больше никто не пел.

Из-за Вальки Зайцевой неприязнь свою Сергей перенес и на студента. Почему-то ему очень хотелось разбить эту пару. Тут как раз в Овсяникове появился еще один жених - шофер из Кимр, у которого здесь, в деревне, были родственники. Ему тоже, как и студенту, понравилась Валя Зайцева. Шофер был уже в годках, невысок ростиком, не дурак выпить. Вот ему-то сильно поспособствовал Сергей Кустов. Недели две спустя городской жених уже расписался с Валькой, а потом они уехали. Времени прошло немало, и вдруг года два тому назад неожиданная новость: в колхозе новый председатель, родом из Спасского. Вот тебе и «калязинский студент»...

Да, самые задушевные, самые доверительные беседы состоялись у меня здесь. Случайно ли?

На спасском кладбище лежат кости всех моих предков, (кроме отца, убитого в эту войну на Новгородчине): и деды мои, и бабки мои, и пращурь. Мне не найти их могил, и не было над ними каменных надгробий, только деревянные кресты. Предки мои растворились в этой земле, как звук растворяется в воздухе. А когда-то были, как ныне есть мы с тобой, читатель. Вот так: завязался узелок материи именем «чело-

век» и опять распался. В спасской церкви всех их крестили, причащали, исповедывали... В ней венчались мои отец и мать.

Я начинался с того, что некто по имени Васютка Баушкин повстречал некогда Нюшу Воронину. От взгляда ли, от слова ли, от жеста ли - вот она, искра, с которой начинался я. И все это было здесь, здесь, здесь...

Из заречной деревни Панютино моя бабушка, та, что со стороны матери. Бабушку мою Прасковью Ивановну помню скрюченной старушкой с палочкой, с трясущейся головой... А ведь тоже была молода, пела песни в Панютине, над Нерлью-рекой. Она вышла замуж за бравого кузнеца Степана в Хонино, родила троих детей, моя мать - младшая. Кузница деда стояла как раз возле перевоза через Нерль по большой дороге от Загорска в Калязин - это недалеко отсюда, километров пять. Небось если покопаться, так можно отыскать в земле угольки от той кузницы, сгоревшей, когда меня не было на свете.

А был Степан из семьи горшечников, и сам горшечник, а пошел в кузнецы. Переквалифицировался, как говорят ныне. Должно быть, потому, что отца его (это уже прадед мой), возвращавшегося с выручкой из Калязина с базара, лошадь привезла в телеге убитого и ограбленного. С той поры и захирело горшечное дело в Хонине. Однако я готов поручиться, что и поныне в деревнях под Калязином, по Волге и по Нерли можно найти горшки и кринки моего прадеда.

Здесь родословная линия со стороны матери обрывается. Мы не храним своего родословия. А жаль. Небось у каждого из нас оно ничуть не хуже, чем у любого из князей рода Рюриковичей. На прадеде по материнской линии я спотыкаюсь, дальше линия эта теряется в тумане забвения. Другое дело со стороны отца.

Мой отец - Василий Федорович. Это он лежит в братской могиле на Новгородчине. Мне было три года, когда его не стало. Кланяюсь тебе, отец; память о тебе живет светлая.

Мой дед - Федор Иванович. В первую мировую попал он в плен, прошел Германию, Бельгию, Голландию, домой вернулся через Данию. Будто бы так. Бабушка Орина Сергеевна была тогда молодой женщиной с двумя детьми, старший - мой отец. Она рассказывает:

- Сижу на потолке, треплю лен. Слышу - лезет кто-то. Вижу: мужик нездешний, одет непривычно, лицо бритое. Говорит: «Здравствуй,

Ариша. Ты что, не узнаешь меня? Ведь я твой муж, Федор». И я вижу - верно, Федор. Господи, я ж и не ждала его! Восемь лет прошло, думала: убит! И чужой-чужой, даже пахнет от него как-то не по-нашему. Ночью спать с мужем ложиться, а я не могу. Отвыкла...

Я так и вижу: пылища на потолке, сумрачно, окошко маленькое, а баба лен треплет, костра лежит толстым слоем, паклянные бороды висят на стропилах. И поднимается по скрипучей, неверной лестнице мужчина, опрятно одетый, чисто выбритый: «Здравствуй, Ариша...».

А дом крыт соломой. А во дворе овца блеет. А на улице слякотная осень - вода в копытах коровьих, палый лист на пустых грядках, сиверко. Нет, может, это было зимой? И сугробы с острыми ветровыми застругами окружали дом.

И доньше стоит еще в Ремневе тот дом, на потолок которого взшел к жене вернувшийся из странствия по Европам тверской крестьянин Федор, мой дед.

Мой прадед - Иван Егорыч, а прапрадед - Егор Трофимыч. Это от него мы носили уличную фамилию Егоровы. Рассказывают, что строгий и крутой был мужик, с окладистой бородой, с пронзительным взглядом сердитых глаз. Женат был трижды - это от него разветвилась моя родня в Ремневе, да и по окрестным деревням.

А кем же был Трофим, мой пращур, современник Пушкина? А тем же, кем и его сын, внук, правнук: землю пахал, вот эту землю, что по реке Нерли.

У бабушки Прасковьи Ивановны в Панютине полдеревни родни. У бабушки Орины Сергеевны в деревне Микулкино небось не меньше. Не родня ли мне по крови вы, живущие ныне в Хонине, Ремневе, Плуткове, Соломидине? Не родня ли мне жившие некогда в Задорожье, Селятине, Пряжине, Овсяникове?..

Разобраться - во всех окрестных деревнях половина жителей родственники мне. Каждая пядь земли здесь знаменательна в истории моего рода. Тысячи нитей связывают меня с этими местами. Узы любви, дружбы, крови, привязанности к земле - все это сегодня во мне.

Вот что такое родина...

Глава шестая

То, о чем помнил Сергей Кустов, помнил и Толя Васильевич. Время, отделенное от сегодняшнего дня двадцатью годами, было отделено одним мгновением. Это было совсем недавно, это было вчера.

Больше всего он любил вечера, когда в Спасском клубе не было кино. Тогда в село не приезжали и не приходили из окрестных деревень, и с раннего вечера здесь устанавливалось особенное веселье, без излишнего многолюдства.

В полночь приходил катер, и по давней привычке они всей гурьбой шли его встречать.

На берегу скамейка, Бог знает кем врытая, которой, конечно, не хватало на всех, и всякий раз затевалась из-за места на ней шумная возня с хохотом и визгом.

Катера долго не было видно, он еще за речными поворотами, и только мерный рокот мотора, наплывающий издалика, говорил о том, что он приближается...

Да, как будто это было вчера.

Возня на скамейке утихает, все смотрят на мигание бакенов по плесу, на мерцание звезд в реке. Властная красота ночи очаровывает всех. Девчата начинают негромкую песню, а парни молча покуривают.

Потом вдалеке к огням бакенов прибавляется еще один, словно бы раздвоился самый дальний, словно кто-то прикурил от него и теперь неспешно шагает по реке.

- Идет, - вздыхает кто-нибудь.

Удивительно приятно смотреть в темноту, где едва-едва отсвечивает от ночного неба река, и следить, как за далеким поворотом сквозь прибрежные кусты начинают мелькать огни катера. Огоньки дробятся, рокот мотора ближе, ближе...

Перед самым селом катер делает широкий полукруг, прижимаясь к берегу, обходит большую мель. Потом вдруг стихает мотор, и слышно только, как шумит вода у бортов. Катер со скрипом врезается днищем в песок и замирает. В окнах его видна ярко освещенная каюта с несколькими пассажирами, свет ложится на воду, на край берега, и оттого ночь

вокруг густеет. Сходни сбрасывает хмурый мужик, которого прозвали Трапным.

- Парней нам привез? - спрашивают девчата Трапного.
- Вам каких? - осведомляется он хмуро.
- Нам хороших. С гармоньей!
- Хороших нету. Осталось всего несколько, и то без гармонии.
- Тогда хоть каких-нибудь завалящих.
- Ладно, завтра привезу.
- Вчера обещал.
- Привезу. Очередь за ними большая.

Катер отчаливает и скоро скрывается из глаз.

Тогда все встают и идут по росистой траве в село, словно сделали дело, ради которого и собирались.

- Встретили, - обязательно скажет кто-нибудь, остальные смеются...

На катере гулять в Спасское никто не приезжал. Кому надо, прикатят на велосипедах, пешком придут. А однажды Трапный сказал:

- Парней нет. Все перевелись. Вот девка есть. Или у вас девок своих много?

- А-а, Валька! Ты откуда это?

Почему-то все ее знали. Один он не знал, никогда не видел. Она сказала, что страшновато идти одной в Овсяниково: ночь уже, а там лес. Он вызвался ее провожать.

С тех пор он не ходил встречать катер, а каждый вечер переплывал реку и шел в Овсяниково.

Она любила рассказывать забавные истории и при этом смеялась так самозабвенно, что невозможно было тоже не рассмеяться. Она даже похвасталась однажды, что может рассмешить кого угодно. Он всегда смеялся ее рассказам, вовсе не потому, что было смешно, а потому, что она рядом; он слышал ее голос, он обнимал ее за плечи, и оттого ему было легко и радостно и хотелось смеяться.

Едва встретятся, едва усядутся у кого-нибудь на лавочке или на завалянке, она уже тихонько хохочет.

- Ну, расскажи, что ты там? - говорил он. - Тебе же не терпится рассказать.

И начинается:

- Сосед мой, дядя Миша, сегодня пьяный был. Закатился под лавку и там уснул. Спал-спал да, видно, проснулся и вдруг как закричит! Всех переполошил. Теть Маня, жена его, прибежала, бабка Сергеевна, дядь-мишина мать, тоже: что такое?!

А он сидит на полу - опамятовался. Думал, говорит, живого похоронили: сверху доска и снизу доска, куда ни толкнусь - со всех сторон доски...

Нет, они не скучали с нею. И разговоров и смеху каждый раз хватало до утра. Она любила находить веселое в каждом случае - и большом, и маленьком. Ради этого не жалела никого.

- Ой, я тебе много могу чего рассказать. Нынче в Ремневе была, Юрка Егоров посадил меня на велосипед - едем. Посреди деревни у него под цепь забрало штанину, а как раз канавку переезжали, колесом вильнул, педали не проворачиваются. Он - на бок, велосипед на него, я - на велосипеде. Пока барахтались, у меня подол платья в цепь забрало. Сидим оба и смеемся. Он дергает к себе, я - к себе. Это надо же так!

- Зачем и садилась к нему! Он, небось нарочно!

- Ну да, нарочно! Как бы не так. Штанину пришлось вытаскивать, вот такой клочок выдрал.

Каждый раз они подолгу прощались. Стоят у крыльца ее дома и держатся за руки. Покружатся по луговинке и опять стоят руки в руки.

- Надо идти, - скажет она нерешительно и смотрит на него.

А он качает головой:

- Нет. Еще одну минуточку. На ее ладонях - жесткие бугорки мозолей.

- Как же ты работаешь с такими руками? У тебя же кровавые мозоли!

- А вот так.

И тут же, улыбаясь:

- Вот выйду замуж за городского парня, работать буду только по восемь часов в день, да не за «палочки», а за деньги.

- Почему именно за кого-то? А за меня не выйдешь? - спрашивал он полушутя.

- Нет. Тебе учиться три года да три года в армии служить. К тому времени я старухой буду. Не дожидаться мне тебя.

Он воспринимал это как игру, как шутку, потому что, говоря это, она всякий раз смеялась.

Что это было? Чудеса предутреннего сумеречного полусвета? Почему она была так красива? Необыкновенно красива!

- Светает. Надо идти...

- Подожди еще минуточку.

- Сейчас уж на покос пошлют. Знаешь как там устаешь! Я едва поспеваю. А отставать стыдно. Скажут, молодая, здоровая, а ленивая.

Он знал. Стояла самая горячая сенокосная пора, когда работают от восхода до заката солнца. Это его, студента, не посылали на косьбу, а ее - каждое утро. А после косьбы - копны класть, или скирдовать, или вваливать сено в сарай, или... да мало ли! Страда.

- Ты уж не приходи завтра... то есть сегодня вечером. Дай мне немного отоспаться.

- Что же я буду делать вечером? - огорчался он. - Я приду.

- Нет. Я прошу тебя. Дай мне отдохнуть...

Однажды в Овсяникове провожали кого-то из парней в армию и по этому случаю устраивалась вечеринка. Он не решился идти туда, стал ждать возле ее дома. Прибежала запыхавшаяся, разгоряченная, веселая.

- Давно ждешь? Здравствуй.

Необычная была в тот вечер. Пьяная, что ли? Не пьяная, а хмельная. Не от вина, а от чего-то. Он тогда не мог понять, откуда в ней была эта отчаянность, только теперь понимал: на той вечеринке Серега Кустов познакомил ее с городским парнем, приехавшим в Овсяниково гостить.

- Никак нельзя было отлучиться. Меня все теребят: то пляши, то запевай, еле выбрала минуту, убежала. Ты не сердисься?

Она вдруг обняла его и поцеловала. Земля качнулась под Толей Ивановым, и небо упало на его голову - только звон пошел!

Раньше бывало так: он поцелует ее, робко и нерешительно, боясь рассердить, обидеть или боясь еще бог знает чего... А тут вдруг она сама обняла его своими теплыми и нежными девичьими руками, приль-

нула к нему всем своим горячим телом, которое он ощутил разом все, и поцеловала - и как поцеловала! Было от чего рухнуть небу на его бедную голову.

И тут же отстранилась.

- Нет, нет, нет... Не надо, милый... Не надо. Успокойся, родной мой.

А сама и ласкала его и отстраняла одновременно. Гладила его лицо, его плечи, его руки...

Откуда она знала ласковые слова? Ведь ей в ту пору было семнадцать. До него она не гуляла ни с одним парнем, в деревне это знают, там не утаишься.

Так откуда же она знала эти слова, от которых и ныне рвется дыхание?..

Не глупо ли спрашивать об этом.

- Мне надо идти, - напомнила она. - Ты подожди меня здесь. Вот тут, на скамье. А я к тебе скоро приду. Ладно?

Странная дрожь сотрясала все его тело. Он не мог совладать с собой, а зуб на зуб не попадал! Он боялся, что она заметит это. Поэтому он был даже рад, что она сейчас уйдет, даст перевести ему дух, осознать, что произошло.

- Я всего на минутку. А ты сиди, не скучай. Ну-ка, отведи руки за спину.

- Зачем?

- Отведи, отведи. Я хочу тебя поцеловать. Так, как хочу. А рукам своим воли не давай. Их надо связать у тебя за спиной. - Она смеялась и говорила взхлеб. - Убери руки!

Он повиновался, и опять она прильнула к нему, и опять покачнулась небо.

Нет, он, конечно, не держал руки за спиной, а она мягко, но решительно высвободилась. Даже сделала вид, что будто бы рассердилась. Однако не очень.

- Я сейчас приду, милый... И ушла.

Он сел на завалинке под окнами ее дома, потрясенный. Провел по лицу ладонью, лицо его расплывалось в улыбке. Он встал и снова сел. Ему хотелось броситься на землю, и смеяться, и кричать или бежать куда-то, раскинув руки, как крылья.

Он то и дело оглядывался на дом, куда она ушла и молил: «Приходи поскорей. Только не сейчас, а через минутку. Вот досчитаю до десяти, и приходи».

Он досчитал до ста, и еще, и снова.

Наконец она пришла.

- Посиди ты спокойно! Слушайся меня. Не будешь слушаться, я уйду... Какой ты чудной... смешной.

- Почему?

- Я не знаю. У тебя очень красивые брови. Дай я их поглажу... А теперь поцелую...

- Валя... Я люблю тебя.

- Правда?

- Я тебя люблю.

- Помолчи.

- Валюша, я тебя люблю.

- Ничего, это пройдет. Не надо.

- Валь...

- Я знаю, милый, пройдет. Еще и вовсе забудешь меня. Не говори больше про это. Не надо.

«Почему «это пройдет»? Зачем она так говорит! Вот странно. Он ей не нравится?.. Или что? Или как ее понимать?».

- Ты думаешь, я ошибаюсь? Или вру? - говорил пораженный Толя, путаясь в догадках.

- Может, и нет. Все равно. Помолчи... Какие у тебя красивые брови!.. Дай я их... Ты почему вздрагиваешь? Замерз?

- Нет, что ты!

- Родной мой... Милый мой... Чудачок... Вздрагивает весь. А про меня все забудется, забудется...

Он был старше ее на год или на два, но в те минуты чувствовал, что она гораздо взрослей его. Она что-то такое понимала в жизни, чего он еще не постиг. Говорила:

- Руки у тебя, как у девушки. Мягкие-мягкие, нежные-нежные. Как ты мне нравишься, Господи!

- Ты будешь любить меня?

Он не осмеливался спросить: «Ты меня любишь?».

- Молчи, - и целовала его губы, брови... - Не балуй! Слышь!.. Ну, милый. Я уйду!

- Нет-нет, не уходи.

- Ладно. Я вернусь сейчас. А ты успокойся, посиди. Я сейчас. Мне надо там показаться, а то неудобно.

Она ушла и вскоре пришла снова...

А он не знал, что там, на вечеринке, с тем же нетерпением ждет и сторожит ее другой. Это он станет ей мужем.

А с Толей она уже прощалась, потому и была так отчаянно смела.

После этого вечера они не виделись целую неделю. Она сказала, что уедет в Суздаль к родне и вернется как раз к престольному празднику, а престольный праздник в Овсянникове - Иванов день.

Семь дней он жил ожиданием; семь дней думал только о ней - это было как сумасшествие.

Он чувствовал себя таким богатым - у него была она! Сказать, что он был счастлив - не то, не так. Видимо, любовь - то состояние, когда обостряются все чувства: радость, грусть, тревога, надежда, печаль - все! Великая жажда жизни. Перевозбуждение человеческой души...

На исходе недельной разлуки случилось непонятное: до него дошел слух, что она выходит замуж за того парня, с которым свел ее Сергей Кустов.

В день ее свадьбы с решимостью вконец отчаявшегося человека он пришел в Овсянниково. И пришел и толкался среди гуляющих возле свадебного дома, пока она не увидела его. Она появилась на крыльце вдвоем с Глашей Косариковой, своей подругой.

- Смотри-ка, - сказала она ей с коротким смешком. - Прежний ухажер на свадьбу явился. Нехорошая примета: не будет мне счастья.

И ушла. К жениху, так надо полагать. Глаша решительно приблизилась к нему.

- Уходи.

Он не хотел уходить, он еще не все понимал. Ему хотелось какого-то объяснения.

- Что это она вдруг надумала замуж, Глаш? А?

- Она девка, ей и надо замуж. Что тут такого?

Толя, страдая:

- Я на ней женюсь. Иди и скажи ей это.

- Какой ты жених! Тебе учиться надо, а потом в армию. А ей тебя ждать? Вот он - жених! Живет в городе, специальность имеет - шофер. Увезет ее отсюда... Я б сама за него пошла, если б не Валька.

Какие они рассудительные, эти девки!

- Не любит она его.

- А наплевать. Стерпится - слюбится. Зато у нее теперь паспорт будет, вольная птица.

- Мед там пролит.

- Мед не мед, а устроится работать на завод, восьмичасовой рабочий день и зарплата два раза в месяц. Плохо? А я вот тут буду от восхода до заката солнышка и без выходных. А за что? За трудодни. Давай я тебе их подарю. Не надо? Вот то-то. Нет, Валька - молодец.

- Вызови мне ее, Глаш. На два слова.

- А ни к чему. Я Вальке добра хочу. Уходи. Нехорошо - это свадьба у нее, а ты...

И он ушел.

Та свадьба была не просто свадьба. Теперь он понимал, что это было начало конца деревни Овсяниково. Это было начало конца многих и многих деревень. А то, что он, окончивши в Калязине машиностроительный техникум, пошел потом в сельскохозяйственный институт и вернулся сюда, уже не могло предотвратить печального исхода.

Угасли, как угасают человеческие жизни, Селятино, Задорожье, Пряжино... Доживают последнее Хонино, Ремнево, Овсяниково... И сколько еще!..

Глава седьмая

Пригрезилось мимолетно, будто едет он на лодке, а в ней течь и воды набралось чуть не по колено. Ноги захолодали, а вытащить их из воды почему-то сил нет. От этого проснулся.

Оказалось, сидит он все так же на крыльце, только ноги в затенье, на холодной земле. Валенки стояли рядом, под рукой, и Аверьян взялся

было за них, хотел поскорей обуться, но передумал и выставил ноги на солнышко. Они тотчас почуяли печной жар от нагретой шершавой доски. Так приятно было живое это тепло, что старик не сдержал улыбки. Он погладил ладонью захладевшие ноги, пошевелил пальцами все с той же блаженной улыбкой. И вот в эту минуту чужой звук привлек его внимание. Аверьян поднял голову - к соседскому дому подкатывала легковая автомашина.

«Гляди-ко, не Борька ли?.. Ну да, Борька! Вот и славно. Заботу снял с меня. А то уж думалось, вовсе не приедет, зря я тут огород ему холю».

Аверьян привстал и снова сел.

Черная «Волга», тихо пофыркивая, словно крадучись, въехала под ветлу, разделявшую два соседских владения, и тут остановилась. Но вместо Борькиного семейства, как ожидал Аверьян, из распахнувшихся дверей вылезли трое мужиков, четвертый - сам хозяин машины.

Они не сразу заметили Аверьяна и, как только вышли, уставились все на дом, закуривали, переговаривались.

- Ну, ничего, ничего...

- Вполне подходяще... Сколько ты, говоришь, дал за него?

- Ну, не дорого, не дорого.

- Может, не стоит ломать? Подпалить с четырех углов...

Они негромко засмеялись.

Один за другим мужики стали заходить и смотреть на дом с фасада. Борис остался возле машины и только теперь увидел Аверьяна, сидящего на крыльце.

- Здорово, сосед! - громко сказал он.

- Здорово, Борис Иванович! Прибыл, значит, к родному шалашу?

- Так точно.

Борис подошел к Аверьяну.

- Все ли благополучно, Васильич?

- А все в порядке. В целости и сохранности. Никто ничего не тронул и близко не подходил.

- Да я не про то, - великодушно сказал Борис. - У тебя у самого-то как жизнь идет?

- Помаленьку, помаленьку... На огород поди глянь. Приглядывал я и за огородом. Огурчики цветут, уж зародышей полно. И картошечка

тоже зацветает. Как же, как же, приглядывал.

- Спасибо, Аверьян Васильич. За мной не пропадет.

- Да полно, что там. Я так, по-соседски. Какие между нами счеты!

Приехавшие мужики между тем по одному возвращались к машине, что-то доставали из багажника и бросали на траву.

- Кого это ты привез, Борис Иванович? Тот широко улыбнулся:

- Рабочие люди.

После паузы он добавил:

- Так, пригласил помочь кой-чего. Свояк тут мой с сыном, да приятель, вместе работаем.

- Ну, что ж, давай! - крикнули ему от машины. - Чего время терять. Командуй, хозяин.

- Сейчас, - Борис заторопился. - Демонтаж будем делать, Васильич, - сказал он Аверьяну.

- Чего, чего? - не понял старик.

- Я говорю, демонтировать будем. Значит, ломать, разбирать на части. Потом перевезем на новое место.

И он отошел.

Только теперь до Аверьяна дошел смысл сказанных им слов. Только теперь он разглядел, что то, что приехавшие выбрасывали из багажника машины на траву, были топоры, ломы... Они разобрали эти инструменты и подошли к дому, как подходят с ножом к обреченному животному, чтобы нанести смертельный удар.

Аверьян в великом возбуждении шагнул с крыльца, готовый что-то сказать, что-то сделать, но замер, словно вспомнив о чем-то. Так он и стоял, глядя широко раскрытыми встревоженными глазами.

Приезжие мужики дело знали. Решительно и как-то очень ловко они с треском отодрали доски, которыми когда-то Борис заколотил окна; потом выставили, выдавили изнутри рамы и осторожно сложили их на луговине. Бывший румянцевский дом сразу предстал пустым и разоренным. Один за другим мастера-ломатели полезли на чердак, двое появились на крыше. И вот уже с великим треском стали отдиирать целые пласты драночной крыши.

Аверьян вышел по тропинке к палисаднику, оглянулся с беспомощным видом, а вид у него был такой, словно на его глазах твори-

лось явное беззаконие и он, старик, не мог прекратить его. Он поискал кого-то глазами, то и дело оглядываясь на наполненный стуком и треском соседский дом.

Но не было сейчас на деревенской улице никого, кого бы можно было позвать на помощь. Да и кому помогать? В чем? Аверьян оперся рукой на столб палисадника и остался стоять недвижимым. Споро и с толком работали мужики. Была у них сноровка, словно всю жизнь они ломали вот такие дома, и это их специальность, их ремесло. С крыши, осыпая дранку, скатывались одна за другой жерди, обнажая бело-желтые незагорелые стропила и красные кирпичи трубы.

- Поди поешь! - сказала в окно жена. - Слышь, старик? Ватруха на залавке стынет. Самовар уж который раз закипает. Иди, а то уйду огород полоть - не дозовешься.

Аверьян покорно пошел домой. С той же покорностью он сел за стол, положив на столешницу обессиленные руки. Ел он нехотя, через силу. И опять то и дело оглядывался в боковое окно на соседский дом.

Дарья тоже посматривала туда же. Но она была занята происходящим совсем иначе, она проявляла заинтересованное любопытство, и только.

- Этот пузан-то, - говорила она, кивая на приехавших. - Кем же он доводится Борису?

- А черт его знает! - пробормотал Аверьян.

- Я слышала, свояк, говорит. Какой же из них ему свояк? Который с пузом или вон тот, худощавый?

Аверьян молчал.

- Коли один свояк, то других как он, нанимал, что ли? - говорила Дарья.

- Да замолчи ты! - вспылil Аверьян и бросил вилку на стол. - Сидит тут, бубнит, есть не дает.

Жена добродушно заметила:

- Ну, не с той ноги нынче встал, видно.

Завтракали молча. И только уж за чаем Аверьян пожал плечами и заговорил довольно раздраженно:

- Не понимаю, зачем это... Стоит дом, хороший, красивый - нет, дай будем ломать. Разберут, надо перевозить. Куда?

Зачем? Чем здесь плохо? Приезжай да гости сколько душе угодно, отдыхай. И лес и ручей. Нет, что-то не нравится им! Перевозить!.. Сколько переломают при перевозке! Стоит дом, хороший, красивый - дай сломаем. И что за народ!

- Ну, это, гляди-ка, не твое дело, - опять встряла жена. - Они хозяева, что хотят, то и делают. Ихняя вольная воля.

Аверьян словно бы даже обрадовался, что можно поспорить, раз не удалось высказать Борису.

- Понятно, что хозяева, - раздраженно сказал он. - Только прок-то какой от этого ломания! Голова у них работает или нет?

- Прок известный. Перевезут да поставят на новом месте. Будет новый дом.

- С чего это он будет новым! - чуть не до крика возвысил голос старик. - Разбери-ка ты нашу избу да перевези на иное место. Что от нее останется! Куча трухи да гнилье. А пока стоит - она стоит, вид имеет. Так и у них.

- Ну, сравнил! - Дарья, как видно, нынче подрядилась перечить мужу. - Они небось каждое гнилое бревнышко заменят новым, смоляным. Да обьют тесом, да покрасят - любо-дорого!

Смоляным! - передразнил Аверьян. - Много ты понимаешь, мать твою так. Смоляным...

Не допив чашки чая, он пошел к двери.

Красиво ломали румянцевскую избу приезжие мужики! Ох, как красиво! Дружно, сноровисто, даже азартно. Самые настоящие мастера-ломатели.

- Конечно, ломать - не делать, - пробормотал Аверьян, спускаясь по ступенькам крыльца. - Поглядеть бы, как вы строить будете. Да что глядеть! Кто хорошо ломает, тот строить не мастер, так надо думать. Нет, не мастера вы строить. Рабочие люди! - передразнил он. - Пузо где наел? То-то.

Некоторые жерди, скатываясь на землю, упирались в нее лишь одним концом, а другим в стену, и оттого казалось, что дом Румянцевых, еще крепкий и прямой, ныне подперт со всех сторон длинными жердями, чтоб не упал. Кряжистый мужик с выпирающим брюшком, которого Дарья окрестила «пузаном» и который, может быть, и впрямь

доводился свояком Борису Степанову, уже раскачивал передние стропила. Дом уже не по-ходил на дом - просто бревенчатый сруб. Между стропилами нелепо, странно торчала вверх безобразная печная труба, увенчанная старым ведром, закоптелая сверху, с потеками сажи внизу, возле борова. И вся изба показалась Аверьяну пожилой женщиной, которую раздевают на глазах у всех и которая стыдится своей наготы.

От Аверьянова крыльца сквозь оголившиеся стропила соседского дома вдруг стала видна вершина старого тополя, и это почему-то поразило Аверьяна - так было непривычно и ново. Никогда не видел он этого тополя отсюда. Сегодня как-то очень сразу вдруг вся картина, отрывавшаяся каждый день Аверьяну со своего крыльца, нарушилась, и это было безвозвратно.

Румянцевская изба как бы закрывала обычно от Аверьяна оба страшно поредевшие посада деревни, а теперь вместе с умалением роста соседского дома образовывалась пустота, которая в свою очередь родила пустоту в душе старика. Он горестно сел на боковой завалинке, глядя безучастными глазами, как вместе со стуком и треском скатываются сверху, с потолка, все новые и новые бревна и жерди.

Мужики сбрасывали вниз закопченные кирпичи, старые прялки, какие-то колеса и обручи, охапки ветоши, помятые ведра, детские санки и обветшавшие ученические портфели.

Черная «Волга», стоявшая под ветлой, была вся запорошена пылью и мелкой дранкой. Пыль относил ветерком, и она ложилась на траву, на ветлу, на тропинку.

- Васильич! - крикнул сверху Борис и сбросил вниз какую-то деревянную раму. - Погляди, не пригодится ли чего. Можешь взять.

Аверьян не отозвался и не двинулся с места, только поморгал глазами и продолжал смотреть обреченно, словно ломали его собственное жилье.

- Папа, смотри: лапти! - крикнул молодой парень, нагибаясь.

Мужчина с брюшком подошел к нему. Парень примерил один лапоть на ногу, мужики засмеялись.

Они продолжали работать, и то и дело с обнажившегося чердака слышалось: «Васильич! Лукошко не сгодится тебе?» или: «Дед, шаечку

эту залатаешь - огурцы солить будешь». Они предлагали ему это все серьезно - хозяйственные, деловые люди.

- Нет, - сказала Дарья. - Не думаю я, чтобы этот пузатый был своим у Бориса.

Оказывается, она тоже смотрела, как ломают румянцевский дом. Распахнула боковое окно, облокотилась на подоконник, наблюдала.

- Говорили, что свояк у него шофер. Где же, разве бывают с такими пузами шофера.

- Тьфу! Вот дура! - изумленно покачал головой Аверьян. - У кого ж, по-твоему, бывают такие пуза?

- У директоров, - решительно сказала Дарья. - Этот пузан как раз на директора тянет.

Аверьян тихонько матюгнулся и вслух сказал, чуть приглушая голос, чтобы не слышали у соседского дома:

- Дура! Только директору и заниматься таким делом! Станет он тебе дома ломать!

- Но только что все равно начальник. Может, чуть-чуть пониже.

Что с бабой толковать! Ты ей одно, а она все свое... Аверьян встал и пошел в огород.

На огуречных грядках было желто от цвета, однако огурчики завязывались лишь кое-где, и это огорчило Аверьяна. Он пошуршал колючими листьями огурцов, рассуждая вслух:

- Черт его знает! Пчел нету, что ли? Опыляются плохо или так уж сорт такой. Не знаю.

А вот крыжовнику на кустах было много. Аверьян сорвал одну ягодку, покатал ее на ладони, но в рот положить не решился, побоявшись жестокой кислоты, бросил ягодку в траву. Вишни уже зарумянили, словно откуда-то сверху, от солнца, покропило их красным дождем.

Тихо и мирно было в огороде, но долетал и сюда громкий и непрерывный стук и треск со стороны румянцевского дома. Словно преследуемый им, Аверьян открыл задние ворота и побрел по усадьбе к ручью.

Здесь был пруд, небольшой, но достаточно глубокий. В самую летнюю сушь почти все открытые водоемы возле Овсяникова у ручья высыхали до дна, но тот, что на усадьбе у Аверьяна, не высыхал. И зи-

мой, в лютые морозы все ручьевые пруды промерзали до дна, а в Аверьяновом, зарывшись в ил, выживали полузадохнувшиеся караси. Маленький он, но глубокий, с нависающими берегами, с подмоинами - это спасало рыб.

Аверьян вспомнил, как однажды при первых заморозках, когда тонким ледком затягивало уже все пруды, он вытаскивал из этого бочажка младшего из сыновей Агафьи Румянцевой. Мальчишка барахтался среди тонких прозрачных льдин и никак не мог выбраться на берег - ухватиться не за что и ногам упору нет. И уж заколел, посинел весь, из сил выбился, тут на счастье и увидел это Аверьян, вытащил его.

- Что же ты, пащенок, не кричал! Язык отнялся? Ведь утонуть бы мог.

- Нет, не утонул бы, - едва выговаривал парнишка. - Я все равно выбрался бы.

- Гляди, закоченел уж. Долго тебе было крикнуть.

- Да-а, крикнул бы. Стыдно, деда... орать-то. Что я, маленький?

Сейчас, вспомнив об этом, Аверьян покрутил головой и улыбнулся: вот паразит! Всего-то в первый класс ходил, а уж какой упрямый.

«Хороший из него мужик небось получился. С характером. Да и старший-то его брательник был такой. В отца оба, царство ему небесное. Эхма!...».

Нет, не скрыться было Аверьяну от этого стука: и здесь, уже далеко от дома, возле пруда до него отчетливо долетал этот треск и стук. Он назойливо звучал в ушах Аверьяна.

«Как же это вы, братья? - укоризненно думал Аверьян о Румянцевых. - Как же вы допустили до того, что ваш дом ломают? И сами вы где? Небось жили бы да жили... Зачем продали этому Борьке? Эх, ладно!.. Все к одному идет».

И он медленно побрел обратно к огороду.

Глава восьмая

Сашка спал на парадном крыльце. Через крыльцо редко ходили они с матерью, потому летом здесь была спальня. На полу чистые половички, на дощатой стене хлебным мякишем приклеены красоти в

купальниках, попавшие к нему разными путями, и еще одна открыточка: две девочки в цветных сорочках с кружевами, сквозь сорочки просвечивают атласные лифы, сквозь лифы не просвечивает ничего; ну это и лишнее - и так видно много. Мать грозилась:

- Я те заставлю дресвой вымыть стенку.

Сашка честно округлял глаза:

- Что ты, мам! Они ж не голые. А вот тех двух подруг я выпросил в райунивермаге. Там в отделе дамского платья еще и получше есть. Чулки примеряют, потом эти - гарнитуры. Это же реклама! Чтоб больше белья покупали.

- Ладно. Знаем, что к чему. Я вот сдеру их.

Но не сдирала. Забывала.

На крыльце спать тем удобно, что, когда ни приди с гулянья, не надо стучаться и мать будить. Лег и спи. В щели ветерок дует, под полом куры гомозят, свет зажжешь - девки со стены улыбаются. Хорошо!

У него две недели не было выходного, а сегодня он выспался всласть. Когда поднялся, солнце приближалось уже к полудню.

Рядом с домом между двумя березами у Сашки был сделан турник. Разбежавшись с крыльца, он прыгнул на него, покачался, подтянулся несколько раз, ладное загорелое тело его легко взлетало к перекладине турника.

Потом он позавтракал холодным утрешним молоком, на котором успел уже настоять верх в полпальца толщиной. Он не любил верх на молоке и потому долго размешивал его черешком ложки и думал о вчерашнем.

А раздуматься было о чем. Конечно, с дедом Аверьяном можно пошутить на тему о том, что он, Сашка, «перебирает» девок по всей округе, что он ходит и ездит на гулянье и в Плутково, и в Василёво, и в Соломидино. Когда-то бывал он и в этих деревнях, а теперь только в Спасском.

«Все шутим, шутим, - подумал сейчас Сашка. - Так шуточками все и пройдем. С такими шуточками можно и к Самохину на свадьбу угодить. А что! Любка гонит-гонит Митьку Самохина, потом возьмет да и согласится. Тому большому дураку только скажи, он хоть завтра с ней в сельсовет пойдет. А она - откуда я знаю, что она думает? Вроде бы вче-

ра что-то было. Или мне только кажется? Посмотрела как-то...».

Вот так он мог раздумывать довольно долго, о том, что сказала она вчера и как улыбалась, что думает о нем и так далее.

«Нынче Самохин уедет в город. Вернется завтра... Нынче самый случай. Рискнуть? Надо рискнуть».

Верзила Самохин не подпускает никого к библиотекарше Любе. Чуть что - отзовет в сторонку для «душевного разговора». Тут от него милости не жди. Здоровый, как бык. Любого обломает...

Но о неприятном думать не хотелось, и Сашка стал вспоминать, как он вчера возле клуба обнял Любу и как она вывернулась, но не рассердилась и только посмотрела как-то странно, вроде бы печально и вроде бы с упреком.

А раздумавшись: «Почему она так посмотрела? Что-то хотела сказать? Отругать, что я малость ее обнял? Ой, нет! Тут посложнее. Или мне так кажется? Может, она со всеми так?» - Сашка ел молоко без аппетита, не ощущая вкуса.

Как был, в одних трусах, он вышел в огород.

Уже начинали поспевать вишни, он сорвал несколько совершенно красных ягод. Потом осмотрел смородину, потрогал яблочки белого налива и остался всем доволен.

Долго ходил он по огороду, посвистывал и думал все про то же...

Нынче утром, когда вернулся с гулянья, мать впервые спросила:

- Ты к кому это ходишь в Спасское? Не к Ивана ли Матвеича дочке?

- Не, - Сашка мотнул головой. - Бери выше.

- Да я с тобой серьезно. Ты уж скажи, кого мне в невестки-то ждать. Я заранее присматриваться буду. А то приведешь с бухты-баракты, у матери родной и глаза на лоб.

- Да ладно тебе.

- Чего ладно-то! Что за краля? Как зовут?

Он поупрямился немного, а потом назвал.

- Что ж, - мать обдумала что-то, потом вынесла окончательную оценку. - Хорошая девушка.

- Худых не держим, - пошутил Сашка.

Ему приятен был этот разговор, и он рискнул продолжить, - спросил наполовину в шутку, наполовину всерьез:

- Так ты не против, если я женюсь на ней? И опять она, немного подумав, ответила:

- Невеста неплоха. Женись.

Ей хорошо: женись. Думает, так это просто. Знала бы она, что сын у нее второй год вокруг Любки кругами ходит, а подойти боится.

«Да не Митьки Самохина я боюсь! Плевать мне на него. Просто случая как-то не выпадает. Да и как все это начать-то. К любой девке подойду, любую за бок возьму, а эту что-то не получается. Не знаешь, с какой стороны...».

Сашка оглядел еще раз огород: много ягод будет, а собирать времени нет. В последние недели даже книгу в руки взять некогда.

Вторую неделю работает он на странной для здешних мест машине. Закупили их во Франции, одна попала сюда, в колхоз. Называется вроде бы газонокосилка. Этакая маленькая кара-катица на десяток лошадиных сил. Косить ею - как тачку катать. А прикрепишь сиденье, прицепишь тележку - везет и человека и воз.

Машинку эту вручили Сашке, и он вот уже вторую неделю шутил: «Стрижем и бреем!» - косил по канавам, по ручьям, по перелескам. С утра до вечера. А в сумерках Сашка уже в Овсянникове.

«А где-то чего-то ломают», - безразлично подумал он, прислушиваясь, как с другого края Овсянникова долетает стук, треск и скрип выдираемых ржавых гвоздей. - Сарай, что ли, возле Кустовых курочат? Интересно, кто... Ну, вот я уже и наотдыхался».

В огород ветер залетал теплый, какой бывает только после долгого вёдра, когда хорошо прогрелась земля, и леса, и вода, и воздух. Захотелось куда-то пойти, что-то делать.

Сашка остановился перед фасадом румянцевского дома, с некоторым удивлением и с интересом наблюдал, как работали приезжие мужики. А те не сразу заметили его, а заметив, стали слезать

- Здорово! - крикнул Борис Степанов. - Это что у тебя за драндулет?

- Драндулет, - передразнил Сашка. - На твою «Волгу» не сменяю.

Они уже вынимали толстые, широкие потолочины, издававшие скрип, похожий на тягучий стон. Сквозь пустые проемы окон видно было, как валится в избу песок и всякая труха. Видно, успели изрядно

поработать мужики: двигаются без особой прыти, отпыхиваются. Однако дело у них идет довольно споро: и крыши нет, и тес наружной обивки снят.

- Чего стоишь! - строго закричал Сашке Борисов свояк, налегая животом на лом. - Кино тебе тут? Иди к нам, поиграешь мускулатурой. Здоровый парень, а стоишь руки в брюки. Совесть надо иметь.

Борис тотчас подхватил этот грубовато-свойский тон:

- И в самом деле. Зрелище ему, понимаешь ли! Люди убиваются на работе, спина не просыхает, а ему любо.

И хоть этот сердитый тон был вполне дружелюбен, что-то задело Сашку. Впрочем, он не подал виду.

- Трубу разбирать будешь, - приглашал Борис. - Интересно же, иди!

- Вы подрядились, что ли? - спросил Сашка в ответ.

- Чего? - не понял Борис.

- Говорю: подрядились, что ли, гнилые дома ломать?

- Где ты увидел гнилое? Смотри, какие бревна! Аж звон стоит!

Они как раз спустили вниз на землю ядреную потолочину, желтовато-матовую с одной стороны - с той, что была обращена в жилую избу.

- Эта хоромина, знаешь, когда построена? - улыбался Сашка. - Еще перед японской войны. А строили ее из старого сарая, которому тоже сто лет было. Ага.

Визгливо-тягучий скрип был как предсмертный крик живого существа, почуявшего свою близкую кончину.

- Вы, может быть, возьметесь у меня за огородом амбар раскатать? А? Совсем похилился, и крыша повалилась, крапивой изросла.

- Сколько дашь? - спросил Борисов свояк.

- Сговоримся как-нибудь. - У Сашки щеки опять поехали на стороны от улыбки. - Уборную заодно почистите. А? Мужики?

- Иди-иди, Христос подаст, - строго сказал свояк.

- Берись, Вася! - крикнул ему Борис.

И они с натугой подняли потолочину. В избу Румянцевых широкой полосой ворвалось солнце. Сразу осветились старые обои, желтовато-матовая матица, крашенная переборка. Сразу как-то стало ясно, что теперь это уже не жилая изба, что она разорена, мертва.

Сашка пробормотал:

- Во дают! Ну, соловьи-разбойнички!

И поехал по тропинке прочь.

За деревней - широкий низинный луг, заросший ольхой, водяной частухой и стрелолистом. Его называют Забаней. Должно быть, когда-то здесь, на краю деревни, стояла баня, потому и луг так прозвали. Только бани той нынче уж не помнит никто.

В низине ручей, который почему-то именуют речкой. Возле Фролова пруда речка Ира стелется по галечнику и впадает в него. Только этот пруд и не промерзает зимой до дна да еще, пожалуй, Аверьянов бочаг. Зимой здесь к прорубям, в которых бабы белье полощут, выходят караси подышать свежим воздухом. Иногда можно видеть, как стоит у края проруби рыба, почти выставив наружу нос, и судорожно глотает верхнюю воду. А протянешь руку - лениво, нехотя скроется подо льдом. Или, бывает, нальют воды в колоду, выпьют ее лошади, а на самом дне трепещется карасик.

Вдоль по Ире, словно камешки ожерелья, нанизанные на нитку, лежат бочажки. Одни с корыто, другие с кузов автомашины, третьи чуть больше, но все они кажутся одинаково бездонными, хотя во многих воды-то по колено. Заглянешь в ясный день - плавают в бочаге пухлые облака и синева стоит неподвижно. А дна совсем не видеть.

Вода в бочагах чистая, прозрачная, особенно за деревней, в Забане, и всегда холодная, даже в самую жаркую погоду. Должно быть, оттого, что солнцу к воде доступа мало, не успевает она прогреться. А может, тут где-нибудь родники бьют?

Стоит подойти к берегу любого бочага - тотчас выстрелятся из-под ног две-три щучки, почти неразличимые на фоне темного дна. Щучки эти длиной в палец, подрастут - уйдут в реку. А в половодье придут сюда большие щуки и снова намечут икры.

Есть на Ире три водопада. С каждым годом, подмывая грунт, они продвигаются все выше по течению, приближаясь к Овсяникову, но в то же время все меньше и меньше они становятся, как бы теряют силу. Летом иногда лишь тонкая струйка, словно из краника самовара, бежит, потому они говорливы и мелодичны. Коли идешь по низинному лугу,

еще не видишь ручья, вдруг долетает до тебя это мелодичное журчание, словно из-под земли, - так чудно станет!

По весне Ира разливается широко, и нет тогда через нее ни проходу, ни проезду. В эту пору не видно ни бочагов, ни прудов - все это там, внизу. Вода идет могучим потоком, приминая кусты, выламывая мостки, размывая запруды. Утихает она постепенно, и, когда входит в свои берега, в низине на примятой прошлогодней осоке остаются синие льдины, доски, колья, размытые гнезда полевых мышей. Но долго она еще шумит по ночам, долго плывут по ней шапки желтой пены, цепляясь за прибрежные кусты и за камни на перекатах.

Летом Ира часто пересыхает, остается только цепочка бочагов. Бочаги соединяются невидимым ручейком, густо зарастающим осокой. Бывало, кажется, что и нет его, а раздвинешь осоку - поблескивает живая струйка. Переливаясь из водоема в водоем, она как бы процеживается через сито, потому и чиста. Только есть у нее чуть заметный коричневый оттенок - оттого, что кони заходят в ручей, что сотлевают вдоль русла старая трава. Возьмешь в ладони - чистая вода, а глянешь в бочаг - настой чайный.

Особенно засушливое лето пересыхали и бочаги. Из них дурно пахло - на дне, на затянутых сухой пленкой ила камнях, разлагалась разная живность, та, что не могла жить без воды, и над нею роились мухи. Но всякий раз после дождя все эти пауки-плаунцы, головастики, пиявки, водяные пауки и блохи, высушенные солнцем, выветренные ветром, съеденные без остатка мухами и склеванные птицами, словно бы воскресали из мертвых. Чуть пополнится бочажок дождевой водой, заглянешь в него, а уж он заселен: бегают от берега к берегу паучок, извивается пиявка, ползет по дну дождевой червь, а на кустиках осоки греются стрекозы.

У Сашки есть один любимый бочажок со смешным именем Бурачок. Тот покрупнее остальных и сравнительно глубокий - вода по пояс. У Бурачка залив с песчаным дном и чистыми без осоки берегами. Величиной он - как раз лезть и вытянуться, тогда головой и ногами будешь доставать до берегов и локтями тоже. Вот здесь полежать - сплошное блаженство. Сашка оставил свою косилочку-тачку, разделся, с минуты посидел на берегу, болтая в воде ногами, и, жмурясь, посмотрел на

солнце, окинул взглядом только что скошенную площадь. А что? Не плохо поработал! Вот вам и «драндулет»! На этом лугу конной или тракторной косилкой не скосишь - холманы. А вручную кто тут возьмется! Как раз для его «газонокосилочки»...

Сашка самодовольно потирал грудь.

Интересно, посадят его нынче на комбайн или нет? Это его сейчас очень занимало. В прошлом году он водил два дня, пока комбайнер болел. Председатель все говорил: сдай на права. А он так и не собрался. Вот разиня!

«Ничего, нужен буду, позовут, - беспечно подумал он. - Еще как попросят! Механизаторов-то не хватает. А чем я хуже того же Самохина? Да разве сравнишь! Митька соображает туго. Сила есть - ума не надо».

Легкая рука у Сашки на всякие механизмы. Раза два покопался с трактористом в ДТ-54 - сел в кабину, поехал. Съездил с шофером в город, все приглядывался, сидя у него в кабине, потом разрешил тот ему за руль сесть, - и повел Сашка потихоньку. Так же было и с комбайном.

Нынче незадолго до сенокоса нашел возле сгоревшей кузницы заброшенную косилку, смазал ее, снял ржавчину, заменил пару сломанных деталей, которые сам же и сделал в мастерских, - и ходит теперь косилка, словно только что купленная. Толя Васильевич узнал - удивился.

«А что вы хотите! Может, у меня по этой части талант!».

Он набрал в грудь побольше воздуха и разом окунулся. Вода была так прохладна и так приятно обняла тело, что не хотелось выныривать. Сашка попытался лечь на дно, но его неудержимо влекло вверх. Он повожился и положил большой камень себе на грудь. Теперь можно лежать спокойно - «хоть до завтрашнего дня...».

Сашка открыл глаза и прямо над собой увидел широкое светлое пятно солнца, а по сторонам жутковато густилась тьма. Он выпустил изо рта несколько пузырьков, и они, колеблясь, заструились вверх: там, на поверхности воды, разбежались кружки волн.

Сашка резко встал - залив плеснулся через край и в Бурачок. Шумно передохнул и засмеялся от удовольствия. Он уселся на бережку, свесив ноги в воду.

За что он любил свою деревню - за такие вот мелочи: бочаги с чистой водой, месторождения земляники тут и там, по канавам, холмикам,

молоденькие березовые рощицы, которые по осени загораются золотом и киноварью, изумительно сладкие рябины в палисадниках.

«Дом ломают, - вспомнил он. - Чего это они? Я думал, Борька будет на лето приезжать сюда с семейством. А он... Может, ему велели перевозиться куда-нибудь? Толя Васильевич за это агитирует. Его послушать - всем надо переезжать в Спасское. Собрание проводил весной».

По плану застройки колхоза Овсяниково подлежит сносу. Здесь уже сейчас не разрешают строить новые дома. Это неперспективная деревня. Наверно, поэтому перевозит купленный дом Борис Степанов.

Другое дело - Спасское. И река, и сосновый бор, и близость шоссейной дороги... Делать там центральную усадьбу колхоза, конечно, разумно. А все-таки Сашке было жаль Овсяникова. Хорошая деревня! Да и как-никак вырос здесь.

Он оглянулся на поле, полого спускавшееся в низину к Ире. На нем голубел отцветающий лен. Поле делила пополам канава, заросшая кустами. Когда-то она была границей двух колхозов.

«Их, этих границ, сколько уж стерли, сравняли, запахали! - усмехнулся Сашка и, не одеваясь, взялся за косилку. - А что же с нашим Овсяниковом? Еще один дом ломают. Сколько осталось? Мой, Рыбных, Аверьянов, Сереги Кустова... Четыре. Да еще Муромцевых, Шуры Петра-Васильевой, бабушки Прохоровой, Игнатьевых. Однако восемь! Ну, это еще деревня! Это мы еще посмотрим!..».

Косилочка его стрекотала, как швейная машинка. Сашка - голый, в одних трусах, насистывал, напевал и время от времени останавливался, чтоб сбегать к Белому Бурачку.

Глава девятая

Ступеньки крыльца были влажны и только что застланы чистыми половичками. «Вот жена! Когда она успела вымыть!» - удивился Сергей. Он прислонил косу и мерную сажень к стене, сел на ступеньку и стал разуваться.

«Надо будет на новом месте помогать Анюте чистоту блюсти. А то я иногда в спешке-то зай-ду в избу, а на ногах грязи пуд. Она у меня баба смирная, ничего не скажет, а другая отлаяла бы последними слова-

ми. Анюта если и упрекнет, то так, мельком, вроде бы пошутит. С одной стороны это и хорошо, а с другой... Надо мне самому в таких делах... соображать».

Кирзовые сапоги размокли от росы, но портянки были сухие. Сергей поставил сапоги у крылечка на припеке, а портянками по привычке покрыл голенища. Вот теперь он неторопливо закурил, глубоко, с облегчением вздохнул, словно освобождаясь от невидимого груза: «Ну, новая жизнь начинается! Теперь все будет иначе. Так надо думать».

Ему не терпелось встать и пойти сказать жене счастливую новость, но он сдержался и продолжал сидеть, поглядывая вдоль улицы.

Окно кухонное было открыто, что-то жарилось там, весело потрескивая; пахло топленным маслом. Он вспомнил, что вчера обмолвился случайно насчет блинов; мол, давненько их не пекли. И вот пожалуйста. «Не забыла, - покачал он головой. - Золото у меня жена. Ведь в таком положении... мутит ее часто, а все равно хлопочет да еще норовит обрадовать чем-нибудь. Сейчас посмотрю, как она примет мою новость».

Он все оттягивал предстоящее удовольствие. Где-то, очевидно в передней, повизгивали и смеялись сыновья. Сергей, растроганно улыбаясь, прислушивался к их возне.

«Теперь у них новые друзья будут. Речка там, кино и все такое прочее...».

Ни о чем он больше не мог думать сейчас, кроме как о предстоящей перемене в жизни его семьи.

«Вечером выйдешь на лавочке посидеть и слышно: в Спасском гомонят, в Плуткове гармонь играет и песни поют. А у нас тут тихо... мирно... Тишина эта надоела! Жили, как в заводи, а главная-то жизнь - стороной, мимо нас».

Он бросил папироску и тихонько вошел в избу. Так же неслышно повесил у двери пиджак и прошел в чулан, где возилась Анюта.

Приходя домой, бригадир Сергей Кустов становился совсем иным человеком. Он сам это понимал, чувствуя в себе перемену, и сам этому удивлялся. Жена Анюта знала его таким, каким он никогда ни с кем не был. Как будто существовало два разных человека: бригадир Кустов и ее муж Сергей, Сережа. Он и разговорчивее становился, и повеселее, и, пожалуй, даже поглупее.

«Глупее - это точно», - иногда думал он о себе.

Анюта стояла к нему спиной, снимала с противня две большие ватрушки. В застиранном халатике, в цветастой косынке, в стоптанных тапочках она казалась ему удивительно красивой и вроде бы даже нарядной. Он виновато подумал: «Даже платье себе с коих пор не купит, ходит в старых». С тем же виноватым видом он обнял ее и поцеловал в чуть заметную ямочку над ключицей...

Она предостерегающе сказала:

- Эй-эй!

А он помотал головой, словно отгоняя от себя что-то, улыбнулся:

- Про тебя дед Аверьян говорит: ох и справная у Сереги баба!

- Мало ли кто чего говорит, а целоваться не лезь не вовремя.

- Это я за то, что у тебя чем-то вкусным пахнет.

- У-у, я сегодня всего напекла.

- Ты у меня гляди, соседа нашего Аверьяна не охмуряй. Ишь, он на тебя глаза таращит.

- У деда бабка есть, пусть на нее заглядывается. Она засмеялась, но тотчас озабоченно сдвинула брови:

- Сережа, творог у меня убежал.

- Ловить надо, - пошутил он.

- Вон, видишь. Видно, жарко печь натопила, он раскипелся и вот...

Творог и впрямь в одном месте хлынул через сгибень ватрухи и пригорел к противню, поджарился.

- Ну, это еще полбеды. Он только собирался удрать. Вот если б он и с противня убежал!

- Да ну тебя! Скажешь тоже.

- Сейчас мы твои ошибки исправим.

- Как?

- Съедем все ватрушки, и дело с концом. Ну-ка, где наши мужики? Сынишки выбежали из передней и повисли на отце.

Они погодки, ростом почти вровень, но такие разные, словно не одних родителей дети. Старший черноват волосами и глазами, с темным румянцем на смуглых щеках - в отца. А младший, Юрочка, - хохотун и непоседа - в мать; с Анютиными белокурыми мягкими волосами, и глаза у него голубые, материны. Он лизун, этот Юрочка, ластится ко

всем, к своим и чужим. Вот и к отцу первым подбежал.

- Давайте все за стол! - скомандовала Анюта. - Не лезьте к отцу. Он с работы, устал.

Шлепнула одного, подтолкнула другого, от чего радость мальчишек вроде бы даже увеличилась.

- Приезжал Толя Васильевич, - сообщил Сергей, когда вся семья уселась за стол. - Прямо на покос прикатил. На своем собственном «Москвиче». Чудно, верно: купил на свои деньги машину и ездит на ней по делам.

Анюта молча поглядывала на мужа, зная, что тот любит рассказывать неторопливо.

- Между прочим, прикатил специально из-за меня, - продолжал Сергей и взглянул на жену, ожидая, как она к этому отнесется.

- Уж будто бы!

Она сказала так, желая подтрунить над ним, а сама сразу почему-то встревожилась; видно, чувствовала что-то необычное в его тоне.

- Угу. Дело принимает нешуточный оборот: нашу деревню хотят раскатать по бревнышку.

- Как это раскатать? - еще более насторожилась Анюта.

- Ну, насчет раскатать я пошутил. А в общем... Юрка, не лезь в тарелку рукой!.. В общем, наше Овсяниково собираются ликвидировать. Конец подходит моей родной деревне.

- Это давно известно, - заметила жена. - Второй год слышим.

- Известно-то известно, а вот теперь решили взяться серьезно. Подошел последний срок. Скотный двор в Спасском готов, сегодня его примет комиссия. Завтра нашу ферму переводят туда. Доярки тоже будут перебираться на днях.

- Как так? - удивилась Анюта, и лицо ее выразило еще большую тревогу. - Игнатьевы поедут в Спасское? И будут жить там?

- Ага.

«А мы?!» - кричало ее лицо. Она не сводила с него взгляда. Он непонятно усмехался и молчал.

- Значит, завтра. Так скоро?

- А чего теперь тянуть! Ясно, что комиссия примет. И скотный двор, и два жилых домика. Председатель так сказал. А чего им не принять.

Там все в порядке. А кой-какие мелкие недоделки мы и сами устраним.

- Так-так... Юрка, не балуй!.. Сколько раз тебе говорить!.. Ну, а ты тут при чем? Чего к тебе председатель приезжал?

- При том.

- Ну, Сережа! - сказала она нетерпеливо. - Это уже нечестно. Сам знаешь, а не говоришь!

Он засмеялся:

- Ладно, скажу... Мне предлагают в Спасское бригадиром полеводческой бригады. И, само собой, переезжать туда на жительство.

Это было давно ожидаемое и желанное в семье Кустовых.

Но Анюта ждала от него еще - самого главного. В этом-то и состояла та новость, с которой пришел Сергей и которую, веря и не веря, ждала жена.

- А жилье? - спросила она, не выдержав паузы, И прямо, требовательно посмотрела на него.

- Дадут нам один их тех домиков пополам с сестрами Игнатьевыми, - с видимым равнодушием сказал Сергей. - Так что соседи с ними будем, через стенку.

- Юрка, ты куда рукой лезешь! - крикнула Анюта на проказливого младшего и после взволнованного молчания сказала с нарочитым пренебрежением. - Место там не очень... Не совсем хорошее.

- А чем плохо? - Сергей не выдержал, улыбнулся. - Не устраивает, да?

Она засмеялась.

- Если б поближе к реке, Сережа. Белье полоскать далеко мне ходить. Да и вообще.

- Зато ручей рядом. Ручей широкий, в нем спасские бабы всегда и полощут.

- Разве он рядом?

- Конечно. Ты что, не видела?

- Мальчишки бы не утонули в нем...

Анюта делала вид, что не очень-то ей и хочется в это самое Спасское. И Сергей тоже делал вид. Обоим нравилась игра, и они с удовольствием разыграли эту сцену, не выказав явно бурной радости.

За те семь лет, что прожила молодая семья Кустовых, Анюта так

и не привыкла к Овсяникову, к его постоянной тишине, безлюдью, запустению.

- Как на хуторе живем.

Выйдет она на улицу, только чтобы увидеть кого-нибудь, перекинуться словом - пусто в деревне, никого не видать, хоть целый час стой. Вернется и - к мужу со слезами, а то и с упреками:

- Сережа, да не померли ли все?

Она выросла в большом сибирском селе под Красноярском, привыкла к многолюдью, к шуму, любила быть на виду. Там куда ни пойдешь - на работу ли, на колодец ли, в кино ли - всегда кругом народ, есть с кем поговорить, посоветоваться. Там и гости к тебе, и ты погостить, а тут пусто.

- Ферма... хм, - говорила она с насмешкой. - Пятьдесят коров. Это собачья конура, а не ферма. У нас коровники на триста голов, не меньше. Водопровод, электродойка, кормораздача... А тут что! Зимой коров гоняют к проруби поить. Это подумать только!

- Ладно, ладно. Не увлекайся. Слышал уже про ваши коровники.

- У нас в совхозе одних телят больше тысячи.

- Ну, и что хорошего? - возражал он довольно примирительным тоном. - Подумаешь, стадо телят!

- Да ведь сколько народу! И все заняты большим делом, как на заводе. Весело. Куда хочешь пойдешь, с кем хочешь повидайся. Каждый день с новостями.

Она тосковала здесь и в их разговорах Спасское упоминалось все чаще и чаще. Хотелось «на люди». Она сама не могла сказать определенно, чего именно ей не хватает. Просто хотелось иной жизни.

Жену себе Сергей Кустов выбрал, когда после армии задержался погостить у старшего брата в Красноярске. Анюта же приехала на смотр художественной самодеятельности в качестве певицы и солистки танцевального ансамбля. А уж как они сошлись, один Бог ведает. Во всяком случае, Сергей вернулся в Овсяниково еще в моряцкой форме, но уже с молодой женой.

Младший сын все-таки добрался до банки с вареньем и опрокинул ее. Его поставили в угол. Дальнейший разговор происходил под громкий рев.

- Сережа, а Василий Рыбин как?

- Ну, у него семья большая, ему две комнаты в коттедже зачем? Рыбиным целый дом нужен. Василий задумал строиться. Колхоз поможет.

- Ты почему не пьешь топленое молоко? - спрашивала Анюта, только чтоб сдержаться и не закричать от радости. - И вообще что-то мало ешь.

- Плохо работал, значит.

- А что, Сережа, разве домики готовы? И в них уже можно селиться?

- Нынче поеду получать ключи.

- Совсем-совсем готовы?

- Ну, я же говорю. Шучу, что ли!..

- Не верится.

- Ты принеси-ка мне лучше молочка не топленого, а утreshнего, холодненького. Не верится ей!

Из сеней она вернулась, забыв, зачем пошла.

- Так мне, что же, можно увязывать вещи? Да?

И затихла. Вдруг муж скажет: «Погоди. Решено еще не окончательно. Вот когда насовсем выяснится». Но он ответил:

- Конечно, можно. На сборы нам дается сегодняшний и завтрашний день. Послезавтра пригоню автомашину, будем грузиться.

- Так спешно?

- Я солдат. Как прикажут... Иди, Юрочка, садись за стол. Скажи, что больше так не будешь.

Сергей посадил провинившегося сына на колени. Анюта снова села к столу.

- Ты молока мне забыла принести, - напомнил он.

- Сейчас, сейчас. Что-то я хотела сказать...

Так решилась судьба еще одного овсяниковского дома.

Глава десятая

Удивилась бабка Дарья: это в кои-то веки ее Аверьян согласился сходить в магазин! Мало что согласился, так чуть ли не сам набился пойти. Невиданное дело. Бывало, скажет она ему:

- Васильич, родной, сходи-ка ты в Спасское. Что мы эту проклятую горбуху едим! Все десны об нее, черствую, ободрала. Свеженького хочется, чего жадничать-то. Сходи ты. Ить мне еще на полдни идти, да в избе не метено, да куры не кормлены...

Бабка Дарья говорила это обычно почти умоляющим тоном, без всякой надежды на то, что он согласится. А он ей всякий раз:

- Ты, старуха, помоложе меня, ходишь шустро, вот и давай. А у меня свои дела.

И - шась из избы. Просить и уговаривать бесполезно. Не переспоришь и не переупрямишь. Ишь, помоложе себя отыскал! У них и разница-то в три года. А коли одному семьдесят, второму около того, так уж какая разница! Не разберешь, кто старше. Нашел молодую, нечего сказать.

А нынче... «Чтой-то, батюшки, с моим стариком! Знать, подменили». Только она заикнулась про магазин, он сразу же засобирался:

- Давай, давай. Чего надо-то? Хлеба? Соли? Еще чего? Сумку давай, деньги...

От деревни Аверьян шагал споро, а по мере того как отдалялся и становился тише стук и треск ломаемой избы, он чуть замедлил шаг и как-то успокоился. Щурясь на солнце, он видел, что оно уже довольно много скатилось с полудня, однако еще палило вовсю. Тени облаков медленно проползали по земле, и Аверьян с сожалением оглядывался на какой-нибудь дальний перелесок, темневший вдруг, - это означало, что благодатная тень миновала дорогу на Спасское, прошла мимо, поодаль. Если же она наезжала на Аверьяна, он останавливался, переводил дух, проводил ладонью по мокрому лбу и, постояв этак немного, отправлялся дальше с облегченным видом.

Когда впереди показалось Спасское, он опять прибавил шагу. И чем более он приближался к селу, тем возбужденнее и даже злее становилось его лицо. Если бы сейчас кто-нибудь увидел его со стороны - небось засмеялся бы: Аверьян шевелил губами, словно споря с кем-то, покачивал укоризненно головой и сердито взмахивал руками, как бы не желая слышать чьи-то доводы. Но видеть Аверьяна в эту минуту никто не мог, дорога была пустынна, только где-то за бугром, невидимый, рокотал трактор.

На околице Спасского старик, казалось, несколько поуспокоился. Он уже не жестикулировал, однако лицо его выражало твердость и решительность.

Жена Дарья, которую он оставил в таком удивлении, удивилась бы еще больше, если б увидела, как муж ее Аверьян направил свои стопы вовсе не в магазин, словно позабыв, зачем пришел в Спасское и для чего в руках у него авоська. Миновав кладбище, стога сена на усадьбах, он направился к колхозной конторе.

Аверьян издали увидел, что у крыльца правления стоит «газик» и возле него толпится несколько человек. Председателя среди них не было, но был кто-то одетый по-городскому и, несмотря на жару, в пиджаке и ярком галстуке. «Ишь какие волосы нынче мужики носят! - подивился Аверьян, глядя на него. - Ты бы еще их завил по-бабьи, умная голова!».

Тут как раз подъехала председательская машина и Толю Васильевича увели у Аверьяна прямо из-под носа. Председатель поздоровался с длинноволосым; о чем они меж собой заговорили, заспешивший Аверьян не расслышал и только увидел, как расступились люди у крыльца, пропуская их.

- Кого привез? - спросил Аверьян у шофера «газика». Тот пренебрежительно буркнул:

- Писателя.

- Писателя! Эва! Что ж ты так неуважительно? Небось писатель - шишка. Большой человек.

Шофер пнул заднее колесо ногой и, оглянувшись, - у крыльца еще стояло несколько человек, - проговорил довольно ворчливо:

- А я кого только не возил: и министров и киноартистов. Теперь вот писателя. Кто бы к нам в район ни заявился, меня не миновал.

- Ишь ты! - подивился Аверьян.

- А как же! На вокзале встретить и в гостиницу отвезти, - кто делает? Я. Достопримечательности кто покажет? Опять я. По району - кому как не мне? Дед, выходит, я шишка, а не они.

- Ну-ну. У вас, у шоферов, должность такая.

- А ты думал как!

Невдалеке шли по тропинке обочь дороги неторопливо, гуляючи,

молодые женщины и девушки. Целая бригада. Одна в трикотажных тоненьких штанах в обтяжку, с засученными штанинами... Вторая в коротких штанишках... Третья в халатике нараспашку, так что видны и трусы, и лиф... Глядеть на них и совестно, и глаз не отвести.

- Это что за дачники? - строго спросил Аверьян.

Идут, мурлыкают, переговариваются. Две с граблями, остальные так.

Митька Самохин, куривший у крыльца, ухмыльнулся:

- А это наши шефы, дед. Что, голова закружилась?

- Ну и ну, - отозвался Аверьян. - Откуда они?

- Из Калинина. С какого-то института.

- Что ж они сюда, работать или отдыхать?

- Эй, девки! - крикнул Митька. - Вы не стесняйтесь. Ходите голышом.

Та, что в халате нараспашку, сняла халат, что-то сказала, и все они засмеялись.

- Да-а, - сказал Аверьян сокрушенно. - Баба что картинка. Что та, что эта. Ишь, кобылищи. Отгулялись, в оглобли не впятишь. - Он на минуту забыл свои сегодняшние огорчения.

- Вот бы нам в Овсяниково их.

- Ты не годишься, дед. Тут надо Митьку, он у нас племенной.

У крыльца хохот. Митька кому-то хлопнул по спине, кого-то толкнул.

- Да ну вас, я не про то, - Аверьян опять рассердился. - Ржете тут, а у нас в Овсяникове...

И он затопал на крыльцо.

- Да, лет тринадцать или четырнадцать, - говорил писатель, - я когда-то написал повесть о том, как будет умирать моя деревня. Она еще не умерла, но доживает последнее. И все я в общем-то правильно предвидел, одного не предвидел - лопухи.

- А-а, - сказал председатель и понимающе заулыбался.

- Никогда не видел, чтобы росли такие лопухи - до крыш, а если домик пониже, то и выше крыш. Ай-яй-яй! И деревни не узнать. Как же это ты, Анатолий Васильич, допускаешь такое?

- А я этот вопрос к тебе обращаю: как же это? Деревня-то твоя.

- Ну, ты здесь председатель!

- А ты что, постороннее лицо?

Они засмеялись оба.

- Заросла деревня, - грустно сказал гость. - А помню, такая была чистенькая, аккуратненькая. Луговины разметены, палисадники один к одному, в палисадниках цветы. Ты ведь бывал у нас тогда?

- Ну а как же?

- Значит, помнишь. А что с ней теперь стало!

- Запахать к чертовой матери, - серьезно сказал председатель. - Глаза мозолит.

- Там еще люди живут. Домов пять крепких, в каждом по мужичку: один механизатор, один дояр, двое пенсионеров...

- Перетаскивать их надо.

- Я говорил с ними, они не хотят переезжать.

- Их можно понять: живут, как на хуторе. В этом свои преимущества.

- Да, я заметил, - в раздумье говорил писатель. - Бывало, сена охапку корове накосить - проблема! Вот удивляемся, почему лопухи выросли. А ведь я мальчишкой, знай не знай, каждый вечер здоровенную плетуху лопухов носил корове. Травы хорошей не было, так хоть лопухов. А теперь что! Любой хозяин пойдет и на колхозном поле клеверу накосит. Разве нет?

- Ну не так, чтобы...

- Да чего там, так! Кто ему помешает? А лопухи теперь коровы не едят. Вот они и растут - прямо тропический лес!

Тут Аверьян вошел.

Они оба взглянули на него.

- Вот, Натолей Васильич, хоть и ноги худые, а явился к тебе. Такой уж случай. Это же форменное безобразие творится в нашем Овсянникове, и никому дела нет!

- Что именно? - вежливо спросил председатель.

Он всегда очень вежливо разговаривает, ему образование не позволяет говорить по-человечески. Другой бы сказал: так твою растак, чего шумишь? Не видишь, с писателем, мол, беседую - занят. А он, старик,

ему бы в ответ: пошел ты к едрене-фене, вас не переслушаешь. Так разговаривают с нормальным председателем. А этот вежливый и уважительный, с ним Аверьяну труднее.

- Да ведь дом ломают у нас в Овсянникове! Гожее ли дело! Это же прямо грабеж среди бела дня!

- Ты про тот дом, в котором Румянцевы жили? Видел я нынче. Верно, ломают.

- Почему позволили? Почему не запретили? Хороший дом, большой, красивый. Стоял - глаз радовал. И ломают! Разве это порядок?

Толя Васильевич чуть нахмурился, потом сокрушенно сказал, обращаясь то к Аверьяну, то к писателю:

- Вообще-то да... Проворонили мы это. Я как раз в отпуске был. Спихватились - уж покупка оформлена. Я потом в сельсовете говорил: нельзя продавать чужим.

- Конечно, проворонили! - прибавил в голосе Аверьян. - И так деревня вся разваливается, а тут еще эти - как воронье! Да если мы этак начнем разбирать, от нас через неделю что останется? Одни скворечники останутся, вот что.

- Это верно, - согласился председатель. И гостю. - Вот тебе продолжение нашего разговора.

Аверьян, не дав ему договорить, поспешил посоветовать:

- Ты, слышь-ка, пошли кого-нибудь к нам. Пусть приостановит. Время дорого, спешить надо, пока не раскатали по бревнышку.

- Да ломать-то его все равно ломать, Аверьян Васильич, - довольно смиренно возразил председатель. - Не в том беда, что ломают, а в том, что увозят на сторону. Из-под носа у нас, можно сказать. Вот что плохо.

- Погоди-ка, погоди, - старик спешил уразуметь, о чем ему говорят. - Как это все равно ломать? В нем еще жить можно, в доме-то.

- Да ты сядь, Аверьян Васильевич, - сказал председатель и - опять гостю: - Ты извини, я сейчас.

- Садись, дядя Аверьян, - писатель подвинул стул Аверьяну, улыбаясь.

Тот не обратил на это внимания.

- Не узнает он тебя, - сказал Толя Васильевич.

- Не узнает.

Тут председатель пустился объяснять старику, кто такой его гость. Аверьян посмотрел на писателя, но ничего не сказал.

- Да ведь слышал небось, - с некоторым нетерпением и с настойчивостью сказал Толя Васильевич. - У нас в библиотеке его книги есть. Все читали, и ты небось тоже.

- Вот вы бы прописали в газете, товарищ писатель! - встрепенулся Аверьян. - Нельзя же так: деревня у нас вовсе кончается, осталось всего восемь домов, а тут еще один дом ломают. Разве это не безобразие! Продернули бы хорошенько.

- Вот такие у нас проблемы, - Толя Васильевич вздохнул. - Меры мы принимаем: строим здесь, в Спасском. Но - хозспособом. Деньги есть - строить некому. Нанимаем шабашников... А отмирание деревень - процесс необратимый.

По тому, как городской гость сочувственно покачал головой, а не возмущился, как возмущился сам Аверьян, старик понял, что помощи большой от приезжего ему ждать нечего.

- Я узнавал в райкоме, сколько неперспективных деревень, - сказал писатель. - Мне называли чуть ли не трехзначную цифру. Это по району.

- В одном нашем колхозе с десяток.

- М-да... Процесс довольно болезненный. Не так ли, Анатолий Васильевич?

- По-разному бывает, по-всякому, - улыбнулся Толя Васильевич, и оглянулся на Аверьяна, и побарабанил пальцами по настольному стеклу.

Аверьян разозлился: как они быстро поняли друг друга, эти двое молодых еще людей! Как они живенько спелись! Один сказал «ничего не поделаешь», второй в тон ему «такой-сякой процесс», потом произнесли и вовсе непонятные слова, а теперь, гляди-ка, улыбаются. А дом между тем ломают.

- А дядя Аверьян, - писатель кивнул, - тоже переезжает в центральную усадьбу? Или собирается в другое место?

- Да вот пока не определился.

- Ему ключей от нового дома не вручают?

- Специалистов надо разместить, - пояснил председатель и опустил взгляд. - У нас на жилье большая нужда. Впрочем, как везде.

Вот так они очень мирно беседовали, с полуслова понимая друг друга.

- Да вы погодите! - загорячился Аверьян. - Не обо мне ить речь. Деревню надо как-то спасать! Овсяниково наше. Вот я про что!

Они молча посмотрели на него. Толя Васильевич опять серьезно спросил:

- Как? Что ты предлагаешь, чтобы спасти ее?

Аверьян заторопился:

- Жителей к нам надо. Пусть пришлют к нам жителей.

Такое красивое место! А деревня? Чем хуже Спасского! У нас надо строить, к нам молодые семьи везти. Вот тогда все и поправится.

Они переглянулись молча.

- У нас и лес рядом, и речка маленькая есть, - продолжал Аверьян.

- А сирени у нас сколько! По весне каждый дом как в цветнике стоит. Вы поглядите, как нашу деревню грачи любят! Грач - птица умная, она всегда в хорошем месте селится. У нас на каждом тополе по целой грачиной деревне.

Старик остановился, испугавшись, что говорит не то, что каким-нибудь несерьезным доводом испортит все дело.

- Место - да. Прекрасное место! - поддержал его гость.

- Аверьян Васильич, - терпеливо стал объяснять председатель, - я уже говорил не раз и тебе, и всем вашим. Овсяниково - деревня без завтрашнего дня. Ты подумай сам: чего ради его оставлять? Ведь не спасать - заново строить надо! Спасать там у вас по сути дела нечего. Ни производственных строений капитальных, ни хорошего жилья. А если уж заново - то лучше здесь, у реки. Здесь будем жить все в кучке, со всеми удобствами. А ваша деревня подлежит сносу. Тут дело решенное.

Аверьян поставил свою авоську в угол и устало сел.

- Значит, смерть нашему Овсяникову? - спросил он.

- Да почему смерть! И наше Спасское такое же Овсяниково. Та же земля, те же грачи.

Городской гость улыбнулся.

- Будет тебе вздыхать, - весело сказал Толя Васильевич. - Что за похоронное у тебя настроение, дядя Аверьян! Все будет хорошо! Посмотришь на наше Спасское лет через десять - ого, что мы тут настроим!

Жителей будет очень много, я тебе ручаюсь.

Такое обращение тронуло старика.

- Ты, Толя, молодой, - сказал старик таким тоном, что и председатель, и писатель заподозрили, не заплакал ли он. - Ты не понимаешь. У меня ведь там вся жизнь прошла. Легко ли отрываться! Дом-то, в котором я живу, - это еще родительский дом. На косяке зарубки - отец ставил, когда я рос. Молодую жену туда привел... Дети здесь появились. Клавдя, Вера, потом Ванюшка...

Старик судорожно передохнул.

- Так-то, Натолей Васильевич. Где родился человек, там ему помирать надо. Я из Овсяникова - ни ногой. Хоть бульдозер на мой дом пускайте да в ручей спихивайте. Не поеду я оттуда никуда. Не поеду! - заключил он, и голос его окреп.

Ныне от того хоровода деревьев-великанов, от той утонувшей в прошлое мельниковой рощи осталось всего несколько берез. Одна рухнула на днях перед налетевшей грозой - это случилось на моих глазах. Она упала грузно, разом, как падают сраженные сердечным припадком, и я подошел и постоял над нею, опечаленный, и подивился, что она, такая могучая и такая дряхлая, источенная червем, могла держаться так долго и не упала много раньше. Стволы ее двух сестер догнивают никому не нужные тут же, на лугу.

И мельника забыли, и от его мельницы не осталось следов; в Нерль пришла большая вода с Волги, после того как построили Угличскую плотину.

Но не дети ли тех берез подрастают целыми рощами рядом с Садам на усадьбе учительницы Валентины Александровны? Они уже достаточно взрослые, в два человеческих роста. И не внуки ли тех берез высыпали по бережку Иры?..

Ира - тоже речка. Она впадает в Нерль здесь, за Садам, а течет она сюда мимо Ремнева, мимо Хонина...

Я всегда удивлялся, откуда у этой речки человеческое имя. Мальчишкой часто приставал с вопросами к взрослым, пока не понял, что этого мне никто не объяснит. Разве объяснишь, почему лето называется летом, солнце - солнцем, трава - травой?

Нынче я убежден, что название ее имеет что-то общее с такими словами, как «на юру», «играть», «яр». Мне слышится в этом слове хрустальное журчание светлой ручьевой воды, дождевых капель, падающих с берегового куста в речку. Оно отражает в себе текучесть и говорливость водных струй, игру солнечных бликов на ветровой ряби, трели малиновок в прибрежных кустах, хруст галечника под ногой на перекатах. Ира - это что-то славянское, языческое, причастное к дохристианским божествам, а главное - причастное ко мне.

Ира прихотливо вьется по низине. Сначала ручейком, потом ручьем, и наконец, миновав Хонино, начинает она напоминать речку. Здесь есть глубокие заводи и старицы, есть коряжистые места, где в тени склонившихся кустов дремлют щуки, есть песчаные перекаты, где табунятся юркие пескарики. В тиховодье - колонии кувшинок - словно клочки белого пуха упали с неба на круглые их листья.

Идти вдоль по Ире - радость необычайная. Пошумливают прибрежные кусты, пчелы неумолчно гудят в разнотравье, и вместе с тем тишина стоит - целительная всемогущая тишина. Идешь, погруженный в думы, и вдруг словно толкнет в сердце: смотрите-ка, журавль летит! Медлительно и мерно махая крыльями, опутив длинные ноги, тянет над землей журавль - над Ремневом, над полем, над Новым прудом - и опускается, кажется, прямо в лес, в маленькое Родионово. По тому, как спокойно и уверенно летит, он не гость здесь, он хозяин, равноправный с людьми.

Не помню, чтоб журавли селились у нас в пору моего детства. Значит, облюбовали в последние годы. Значит, нравится им моя сторона.

А то вдруг: бегут от Хонина к Плуткову два лося. Один впереди, другой сзади. Бегут и бегут. Да что они, прямо в деревню правят? Может, это и не лося вовсе? Нет, лося. Повернули и не спеша трусцой направились к Сущевскому лесу.

А то выйдешь на Иру вечером, сядешь на берегу и сидишь неподвижно. Вдруг нежно-строгое - кря-кря! - дикая утка собирает в прибрежных зарослях свой выводок, попрытанный на день. Теперь наступило их время и погулять и покормиться. Вот она, освещенная луной, а возле нее маленькие комочки: два-три... пять, семь, восемь... Нет, все-таки семь. Поплыли...

Рядом с нами, людьми, тут мир цветов и мир зверей, мир живой травы и мир теплого от солнца камня-валуна, глины, супеси. А мы, люди, - только маленькая частица всеобщей жизни, что творится на моей родине.

Я знаю, откуда ведет свою родословную эта уточка, пестующая своих утят в укромных заводях Иры.

Когда-то Ира брала свое начало из обширного болота возле леса по имени Гулинково. Я помню его: то болото было потрясением всякой детской души, обитавшей в окрестных деревнях - Пряжино, Ремнево, Селятино. Мы отваживались пройти лишь по его краешку, с ужасом чувствуя, как ходит зыбель под нами, готовая разверзнуться и поглотить не то что любого из нас, такого маленького, но и что-то громадное, например, дом, если бы тот чудом оказался в этой топи.

Мы только по краешку... И там, в камышах, с такими желанными для нас черными шишками рогоза, бестрепетно разгуливали утки с утятами, прародительницы нынешней, что видел я на Ире.

Не помню, не знаю как, но тогда, в детстве, я подобрался к утиному гнезду и заглянул в него. Оно было полно яиц - их оказалось в нем столько, что я, постигнув счет только до десяти, не мог их счесть. Так и вижу: лежат развалом белые утиные яйца... А может быть, это мне приснилось в детском сне, приснилось, как недостижимая мечта?

Я ныне не могу отличать своих детских снов от того, что действительно было.

Болота теперь нет. К нему однажды прокопали канаву, спустили воду - она шла мимо нашего Ремнева широким потоком несколько дней, пока не иссякла. Сколько в ней было рыбы! Хоть руками лови. И окунь, и плотва, и щуки...

Вода ушла, улетели утки, уплыла рыба, и ушла сказка из этого места.

Или это безвозвратно ушло мое детство?..

В недавнее засушливое лето торфяник на месте болота охватило пожаром, и дым стоял на много километров вокруг.

Сейчас по дренажным трубам стекают жиденькие струйки воды в низину, где, бывало, тек из болота ручей, превращаясь возле Хонина в речку Иру.

По этому болоту я ехал на райкомовском «газике», а рядом выложенный когда-то булыжником большак превращали в асфальтовое шоссе.

Глава одиннадцатая

Теперь Овсяниково украсилось безобразным пятном: приближаясь к своей деревне, Аверьян издали увидел его и, подходя, страдал, как от боли, словно у него вытащили с корнем здоровый зуб. Вместо дома Румянцевых было пустое место, а по сторонам лежали штабеля повитых пылью и паутиной бревен; вокруг валялись в беспорядке кирпичи, жерди и всякий хлам, обычно скрытый внутри строения, а ныне вываленный на всеобщее обозрение. Судя по этим результатам, работа была почти закончена, стука и треска не слышно было.

«Перекур у них, что ли? - подумал Аверьян. - Или навовсе уехали?».

Мастера-ломальщики сидели в огороде Бориса Степанова, на луговинке. Рядом с ними весело потрескивал костер, а в дровах у них недостатка не было: и дранка с крыши, и всякий мусор с чердака. Сидели они кружком вокруг разостланной газеты, на которой лежали две пустые бутылки, хлебные объедки, открытые банки свиной тушенки. Мастера благодушно покуривали; отдыхали, видно.

- Что же вы здесь-то! - сказал Аверьян довольно сурово. - Зашли бы в избу.

- Так экзотичнее, - сказал молодой сын Борисова свояка. - Ближе к лону природы.

Нет, не нравились Аверьяну эти люди, хотя в общем-то он не мог понять, чем же они виноваты перед ним и чем именно не нравятся. Вроде бы деловые, приветливые, доброжелательные.

- На вольном воздухе аппетит крепче, - заметил свояк, сыто икнув.

- Ну, что, собираемся - спросил у них Борис, поднимаясь. - Это можно так бросить.

И мужики тоже встали.

- Вы что же, на сегодня работу кончили?

- Надо маленько оставить, - отвечали ломальщики. - А то что же завтра-то делать!

- Давай-ка, дед, мы и твою халупу развалим, - сказал Борисов свояк. - Заодно уж канителиться. Пользуйся моментом, пока мы здесь.

Мужики засмеялись.

- Небось и тебе переезжать, не останешься же ты здесь! Так что давай.

- А в самом деле, Васильич, - вступил и Борис Степанов. - Что ты тут с бабкой прозябать будешь! Сам говорил, что у дочек по квартире и та и другая зовут к себе. Поезжайте-ка в город. Будешь внуков нянчить.

- Зовут, зовут, - закивал Аверьян и вздохнул. - Крыша и там была бы над головой, и кусок хлеба тоже. Чего еще надо.

- В чем же дело!

Аверьян пожевал губами.

Они уже поглядывали на его дом приценивающимся взглядом, словно примерялись, с чего начать ломать.

- Нет, я еще поживу, - сказал старик довольно неприветливо.

- Да брось, Васильич! Чего тут! Я слышал, не сегодня-завтра у вас тут еще два семейства стронутся. Василий Рыбин нынче хвастал: бревна для его дома уже завезены, начинает строиться. К осени и он уедет. Что тебе тут одному делать! Останешься на семи ветрах!

- Как былинка в поле! - захохотал свояк, колыхаясь животом.

Аверьян стоял, о чем-то думал.

- А он, как капитан корабля, - посмеиваясь, сказал четвертый, самый молчаливый член этой компании. - Корабль на дно, и капитан стоит на капитанском мостике. Вода у ног, потом до пупка, потом по шею, а капитан руку держит у виска, по стойке «смирно».

Веселые они люди - опять грянули смехом.

- Это что, обязательно? - поинтересовался старик. - Значит, капитаны - до конца?

- А как же! Морской закон. Так до самого дна честь и отдает.

- Ты погляди!..- старик подивился, качая головой.

Со смешками, весело переговариваясь, они пошли к машине.

- Куда вы теперь?

- А на реку поедем, Васильич, - сказал Борис. - Покупаемся, освежимся, а то перепотели мы тут.

- Где ж ночевать-то будете? - спросил Аверьян. - Неуж домой поедете? В такую-то даль!

- Найдем где.

- Что ж искать? Вон у меня можно, места хватит, хоть в избе, хоть на сеновале.

- Спасибо, Васильич. Добрый ты человек, гостеприимный, спасибо! Но мы устроимся где-нибудь под открытым небом. Под звездами.

- Старик, - с воодушевлением подхватил его свояк, - нам сейчас любая копна вместо кровати. Понял? Ты кого благодетельствовать взялся! Тут все народ бывалый, рыбаки да охотники. Мы привыкли ко всякому. Одну ладошку подстелил, другой покрылся... Хо-хо!

- Тут народ знающий, - хвастливо усмехнулся и Борис. - Работать умеем, умеем и отдохнуть. Мы сейчас на вечерней зорьке рыбки поудим. Удочки у нас запасены. Вон, видал в багажнике какая снасть! Удочки, поплавки, леска...

Они засмеялись хором.

Аверьян только сейчас увидел в открытом багажнике машины сеть, свернутую в тугой ком.

- Ну-ну, - сказал он неопределенно.

- Мы сейчас такую грандиозную уху заварим! Ого!

- Поедем с нами, а? - пригласил Борис.

- Нет, - печально ответил Аверьян. - В мои годы только на печь.

- Ну, вольному воля. Садись, труженики!

Они уселись в машину, громко хлопая дверцами; легковуха напевно зафыркала и осторожно отъехала задом. Потом развернулась; Борис что-то говорил своим пассажирам. Аверьян видел возбужденные, улыбающиеся, хохочущие лица, и что-то стало ему вовсе тоскливо. Жгучая печаль взяла за сердце, хоть плачь.

Аверьян завернул к соседям - и первое, что удивило его: на передних окнах, глядевших на улицу, не было занавесок. Аверьян заторопился к крыльцу. Поднявшись на ступеньки, он заглянул в боковое окно: посреди избы у Кустовых навалена была куча всяких одежек, одеял и

прочего тряпья; Анюта укладывала все это в большой сундук. Тут же стояли распахнутые чемоданы.

- Ну да, ну да, - пробормотал старик и открыл дверь. - Заторопились... Тараканы!

В сенях было уже темно, и он долго шарил по стене, нащупывая дверную дужку. Наконец открыл дверь, побряхтывая, шагнул через порог:

- Здравствуйте, хозяева!

Его встретили приветливо, хотя, казалось бы, гость и не вовремя пришел. Аверьян сел на лавку, огляделся, вздыхая.

- Что это вы? Никак укладываетесь?

- Да, - сказал Сергей немного виноватым тоном. - Времени в обрез, спешим.

А Анюта отозвалась громко и охотно улыбнулась:

- Укладываемся!

- Покидаете, значит, наше Овсяниково. Ай-яй-яй, - старик сказал вроде бы шутливо, но укоризна явственно прозвучала в его голосе. - Что же это ты, Сергей Иванович!

- А что?

- Как-никак вырос тут. А чуть ветер подул, ты и в кусты.

- Этот ветер знаешь когда подул, Аверьян Васильевич? - с улыбкой возразил бригадир.

- И мальчишкой бегал, и отец твой с матерью отсюда.

- Так что ж мне, и помирать здесь, что ли!

- Вот именно, - поддержала Анюта.

- А отцу с матерью теперь все равно, где я жить буду. Может, там даже лучше. Они на спасском погосте лежат.

Анюта оторвалась от дела всего на несколько минут, пока здоровался да пока усаживался старик сосед, а теперь опять хлопотала возле сундука. Сундук был уже полон, она закрыла крышку - крышка не закрывалась. Прижала коленом - доски заскрипели, но оставалась еще довольно широкая щель.

- Сережа, ну-ка, помоги, - сказала она.

- Да ладно тебе, дай покурить.

Она с натугой опять нажала на крышку, но оба колечка никак не могли совместиться, и она никак не могла просунуть в них замок.

- Ну ты! - грубовато сказал Сергей и отстранил ее. - Еще животом нажми!

Она отступила, отводя от разгоряченного лица прядку волос. Муж подналег на крышку, навесил замок.

- Ну и будет, отдохни, - нарочито строго сказал он жене.

Вот всегда так: стоило появиться у Кустовых постороннему человеку, и муж становился сердитым, даже грубоватым. Анюта давно махнула на это рукой и не обижалась на него.

Она села на сундук, перевела дух.

- Ишь, сколь у вас добрища-то! - сказал осуждающе Аверьян.

Кустовы засмеялись.

- Половину здесь надо бросить, - заметил Сергей.

- Чего-то все жалко, - сказала Анюта оживленно. - Сережа говорит: и то выбрось, и это. А как выбросишь? Вдруг пригодится! Бросить и там не поздно.

- Пригодится, - сказал и Аверьян. - Нельзя. Как это так: наживали-наживали - и вдруг не нужно.

- Это добро не нами нажито, - улыбнулся Сергей. - От матери, от бабки...

- Значит, все, - раздумчиво произнес Аверьян. - Покидаете наше Овсяниково.

- А гори оно ясным огнем, - бойко сказала Анюта, сидя на сундуке.

- Не деревня, а незнамо что. Нажилась я здесь. Там хоть в кино будем ходить.

- Да-а, оно конечно, - неопределенно протянул Аверьян. - Так-то оно так.

Он посидел еще немного, опустив голову, потом поднялся.

- Ну, пойду я.

Его стали оставлять, но он непреклонно пошел к двери.

- Чтой-то он вроде бы как не в себе, - сказала Анюта. - Даже не попрощался.

- Не знаю, - Сергей пожал плечами. - Чудной какой-то.

И они тотчас забыли об Аверьяне.

Ребятишки Кустовых сидели плечом к плечу на лавке, оба насуспенные, а младший даже зареванный: они не хотели никуда переезжать.

- Река там, дурачки, - в который раз напоминал им отец.

Сыновья недружелюбно поглядывали на него и в который раз возражали:

- А у нас пруд!.. Свой собственный!.. В нем караси живут!

- Пиявки в нем, - вставляла мать.

- Ну и что! - дружно защищались братья. - А там глубоко. Мы утонем в этой реке. Мы там нарочно утонем! Верно, Юрка?

У Кустовых были свои проблемы. Им не до Аверьяновых страданий.

Глава двенадцатая

Свет горел в окнах библиотеки. Кто-то из приехавших посмотреть кино попросил Любу сменить книги. Народ в клубе уже шумел, кино вот-вот начнется, а Люба не появлялась. Из библиотеки вышел последний посетитель. Сашка, стоявший в полутемном коридоре, мысленно проводил его хорошим словом. Наконец Люба вышла, прищурилась, но после светлого помещения не разглядела в темноте Сашку. Она могла и не пойти в кино, и потому он занял позицию у выходных дверей, чтоб успеть перехватить ее здесь. Люба навесила замок и едва сделала первый шаг к двери в зрительный зал, где стоял киномеханик, выдавая билеты, как Сашка торопливо бросил недокурную сигарету и быстро пошел следом.

В дверях он опередил ее, проскользнул мимо, весело бросив:

- Здорово, соседка!

При чем тут «соседка», он и сам не знал. Брякнул просто так.

- Не толкайся, - сказала Люба. - В дверях надо уступать дорогу даме. Чему только тебя в школе учили!

- Это ты дама?

- Я дама.

- А я король.

- Бери билет, ты, артист из погорелого театра, - буркнул киномеханик.

Люба засмеялась.

- Я туз, и притом козырной, - сказал Сашка и протянул киномеханику сотенную.

- Ну, ты! Пижон! - сказал тот. - Убери свою облигацию. Она тут не играет. Давно вышла в тираж.

- Какая облигация, чудик! - возмутился Сашка. - Разуь глаза! Обыкновенная сторублевка.

- Ну и убери. Давай двадцать копеек.

- А у меня мельче не водится. И не водилось никогда. Понял? Засмеялась Люба, засмеялись сидевшие близко к дверям. Сашке только того и надо.

- Двадцать копеек! - приказал киномеханик.

- Ты что! Я тебе настоящие деньги даю или нет? Настоящие?

- Не базарь.

- Погляди на свет. Водяные знаки видишь? Значит, не фальшивая.

- Двадцать копеек!

- Не имеешь права, понял? Ты должен всегда носить с собой разменные деньги.

- Ладно, черт с тобой, проходи так, без билета, - сказал киномеханик.

Люба уже пошла искать место, и Сашка заторопился:

- На, билетерша, - сказал он, вытаскивая из кармана горсть мелочи. - А то план прогорит.

Народу в клубе уже и поднабралось. Соломидинские приехали, плутковские...

- А это кто? - спросил Сашка, заметив незнакомого человека, разговаривавшего с учительницей.

- Писатель, - сказали ему шепотом.

- Бат-тюшки! - изумился Сашка. - Какие нежности при нашей бедности! Как это его сюда занесло, родимого?

- Ты что! - шикнули на него. - Это тот самый... про наше Спасское написал.

Сашка тихонько свистнул.

Писатель оглядывался по сторонам с таким видом, словно ничего более удивительного, как этот клуб, он в жизни своей не видел. Он даже потрогал стену и, улыбаясь, что-то сказал учительнице и пожал плечами. Если это «тот» местный, то чему же он удивляется?

- Чего он малахольный такой? - спросил Сашка, адресуясь к тем, что стояли рядом с ним.

На него опять шикнули, девчата прыснули смехом. Люба посмотрела на Сашку укоризненно.

Вообще-то этот человек был вовсе не похож на писателя. Ну, какой он писатель! Обыкновенный человек. «Не может быть, чтоб те книги - это его книги, - так решил Сашка. - Тут что-то путают... Или разыгрывают меня?.. Если б я был писателем, я б золотые очки надел. И запонки тоже... Для форса. А этот что!..».

Он был разочарован.

- А почему это вы, товарищ писатель, в своих книжках все неправду пишете? - подступила к гостю одна из Спасских баб.

Сашка оживился и подвинулся ближе.

- Я вот читала, где про нашу-то деревню, давала мне Любочка. Вроде бы все верно: и село наше, и парня того я хорошо знаю, и жену его я видела. И мачеху-то его как не знать - мы в девках с нею вместе гуляли! Только, конечно, она иначе в книжке-то называется, имя другое...

Во время ее бойкой речи писатель осторожно сел на край сцены, словно боясь, не обрушилась бы она.

- В чем же неправда? - спросил он.

- А все неправда, - бойко сказала женщина. - И катер теперь к нам из Калязина не ходит. Это раньше ходил, а теперь нет. Написано, что парень этот в деревне остался и жену при себе оставил. А разве так получилось на самом-то деле? Что ли вы не слыхали? Ведь он в город уехал вместе с женой. Или вот еще: будто в нашем Спасском детский садик есть. А где ж он, этот садик? Нам его Натолей Васильич только обещает. В проек-те, значит.

Писатель слушал внимательно. «Влип», - подумал о нем Сашка, усмехаясь. Но писателю, может быть, не впервой было выслушивать подобные обвинения. Он был невозмутим.

- Все, все неправда, - заключила женщина.

- Это точно, - солидно поддержал ее дюжий соломидинский тракторист. - Я тоже читал. Выдуманно все. Вот зачем выдумывать? Из своей головы зачем писать? И про садик, и про магазин. Будто в магазине туфли есть. Туфли-то есть, а вот сапог зимних нету. У меня женка в Москву за ними ездила. Почему бы вот эту правду не написать?

- Он и с женой-то теперь не живет, этот парень, - добавила другая женщина. - Разве вы не слышали? Развелись, как же!

- Ну вот, - припечатал механизатор.

- Обвинения серьезные, но не основательные, - невесело улыбнулся писатель. - Я имел в виду не именно ваше село. С чего вы взяли? Похоже? Да, похоже. Но таких сел, как Спасское, много. И село, о котором я написал, похоже на многие другие. И люди похожи на многих других. А раз похожи, значит, я написал правду.

Все утихомирились, а Сашка Злобин спросил:

- А почему все-таки нельзя было об этом парне написать все, вот как было на самом деле? Тютелька в тютельку, а?

- Можно. Но не обязательно. Это право автора... Сначала я так и написал: человеку изменила жена, он уехал в деревню к матери и живет там. Через какое-то время жена приезжает к нему мириться. Он любит ее, прощает, и она увозит его в город. Вот такова житейская история, мне рассказал ее один хороший человек. Я так и изложил в повести, желая показать человека слабовольным, который по вялости характера своего теряет самое главное в жизни: смысл ее. Я принес рукопись в журнал, она там понравилась, и мне сказали, что напечатают, но просили кое-что поправить. Что именно? Повесть начиналась с того, что герой мой сидит в вишеннике и гонит самогонку. Костерик горит, бражка в бидоне бурлит, в кружечку капает... Так было в жизни. Но мне сказали, что писать про самогонку не надо...

- А то гражданам читателям сразу выпить захочется, - под общий смех вставил тракторист.

- Я подумал, что и в самом деле мой герой мог и не гнать самогонку. Он мог просто гулять по огороду, когда соседская девчонка прибежала к нему и сообщила о приезде жены... Так я и сделал. Вы помните, про самогонку в моей повести нет ни слова. Там другое начало. Изменив

начало, я не отступил от правды, нет. Ведь так, как описано в повести, могло бы быть. Меня попросили сделать и другой конец. Вы правы: моего героя жена увозит в город, так и было на самом деле. Мне же сказали в редакции: ну вот, в селе не хватает рабочих рук, надо агитировать людей за то, чтоб они ехали в колхоз, а не из колхоза. Лично мне тоже хотелось бы видеть, чтоб в наших местах были многолюдные деревни. Однако я долго не поддавался на уговоры написать иной конец, но потом уступил и написал то, что вы читали: мой герой остается сам и оставляет с собой свою жену. Очень благополучный конец.

В Спасском клубе было сейчас то, что называют «оживление в зале». Улыбался и писатель, ожидая, когда смех утихнет, но улыбался устало и печально. Видно, он немало намотался в этот день и рад был месту: он и сидел, чуть-чуть сгорбившись.

- Итак, начало и конец переделаны, - продолжал он, - меня попросили кое-что поправить и в середине.

- Дело за немногим, - вставил тракторист. - Теперь уж что!

- Вот именно. Кое-что - это вот такое, например. У меня там, вы помните, герой мой с женой и свояченицей приходят к реке искупаться. Но купальных костюмов у женщин нет, не захватили они с собой, поэтому купаются просто голышом. Так было в жизни. Меня попросили одеть хотя бы одну из женщин. А то неприлично, мол.

Под общий смех писатель закончил:

- Я одел свояченицу, а жену все-таки оставил в чем мать родила. Так и осталось: в журнале она купается в нижнем белье, а вот в книге я сделал все-таки по-своему: в книге они обе купаются голышом. Ближе к правде.

Когда шумок среди зрителей утих, писатель спросил:

- Ну, как? Ясно, что и почему?

- Все правильно, - сказал тракторист из Соломидина. - Я племяннику стульчик делал... ну, такой, знаете? А у меня работу не приняли: говорят, в эту дырку ребятишек провалится. Говорят, сам на него садись. Пришлось переделывать, - заключил он под общий смех.

- Ну что? Начинаем? - спросил киномеханик.

За все время разговора Сашка не выпускал Любу из виду. Вот она уселась к девочкам; Сашка согнал какого-то пацана и поместился за ее спиной. Она рассеянно оглянулась, он состроил ей рожу.

Началось кино. Сашка не знал покою сам и другим не давал. Если на экране разговаривали парень с девушкой, он негромко говорил:

- Охмуряет. Ох, не верь, деушка, омманет.

Когда там целовались, он приговаривал, недоуменно хлопая глазами:

- Чевой-то это они? Делают-то, а? Да как долго! Свистнуть разве? Девки, подавляя смех, оборачивались к нему, говорили:

- Тише ты, замолчи. Как не стыдно!

- Ну, а если я не понимаю, - резонно отвечал Сашка. - Для чего это, вот объясните мне.

И так весь сеанс.

Когда кино кончилось, в темноте возле клуба Сашка поймал Любу за руку.

- Соседка, - сказал он, - ключ от библиотеки потеряла. Она попробовала выдернуть руку, не тут-то было.

- Саш, - сказала она, - будь человеком.

- А я кто, по-твоему? - удивился он.

Девчата, шедшие с Любой, остановились в ожидании.

- Девки, она ключ повесила на пробой, а замок с собой носит. Там у нее полку из-под книг свистнули. Книжки оставили, а полку увели.

- Сашка, пусти. И не смешно совсем.

Она отбивалась, как могла. За возней он потихоньку отводил ее в сторону.

- Ну, погоди, - сказал он негромко. - Куда тебе спешить. Девки уже кое-что сообразили.

- Наташа, Вера, помогите! - кричала Люба.

- Обойдешься, - сказали они со смехом и пошли.

- Во какие! - сказала Люба будто бы с осуждением.

- Хорошие, - закончил Сашка.

Он уже держал ее за обе руки, и она понимала, что ей не вырваться.

- Ну, пусти, Саша, - попросила она тихо. - Не убегу я.

Едва он отпустил, она сорвалась с места и скрылась в темноте. Сашка кинулся следом, запнулся, но потом быстро догнал. Все это оказалось и к лучшему: теперь, отбежав, они стояли посреди деревни на луговине и здесь уже было безлюдно.

- Еще будешь бегать? - спрашивал Сашка, тяжело дыша. - Будешь, говори?

- Да ну тебя, - сказала она с притворной досадой. - Чего пристал!

- Не ругайся. Все равно не отпущу.

Он держал ее, почти обнимая, а теперь обхватил еще крепче и вдруг поцеловал.

- Сашка! - она охнула. - Да ты пьяный, что ли, нынче!

- Будешь еще бегать? - спросил он и, шалея от ее близости, поцеловал снова.

Она рванулась, но он держал ее крепко.

- Не надо, Саша. Ну, пусти, - сказала она умоляющим голосом.

- Ну и не бегай больше. Ясно? - говорил он первое, что приходило в голову. - Все равно догоню, ты от меня не убежишь Никогда. Ясно?

Он отпустил ее, но на всякий случай держал за руку.

- Пошли, - сказал он.

- Куда?

- Как куда? Не на работу же! Провожу.

Люба больше не вырывалась, и они пошли к ее дому. «Все, - твердил себе Сашка с великим торжеством. - Вот она!.. И - все».

Глава тринадцатая

В полдень загорелась изба Косариковых.

Был тот час полного безлюдья в деревне, когда косцы были в лугах - ворошили сено, старушки ушли на полдни, а ребяташки не вылезали из пруда.

Недели три перед тем стояла жаркая сухая погода, и даже прошедший ночью ливень не смог промочить деревню. К полудню солнце высушило строения, и стали они такими, что хоть на лучину щепай.

Дом занялся разом, словно подожженный со всех четырех углов, и горел весело, с великим шумом и треском.

Первым на пожар приковылял Аверьян. Он посунулся было к крыльцу, но на него пахнуло таким жаром, что затрещала отросшая щетина на подбородке. Дед отступил к палисаднику. Огонь уже выламывал крышу, бушевал внутри, и казалось, что дом накалился докрасна,

как железная печка. Налетел откуда-то взявшийся порыв ветра, затрепетали березы в палисаднике Косариковых, и Аверьян с сожалением глядел, как на глазах сворачивается в трубки и чернеет, обугливается листва.

А сверху, с раскаленного небосвода так же невозмутимо палило горячее солнце.

Дом Косариковых - посреди деревни, но в одиночестве, словно на пустыре. Ближние к нему дома Кустовых да Аверьяна! Но их отделяло от пожара довольно большое расстояние, к тому же ветер дул совсем в другую сторону, и Аверьян, прикинув все это глазом не беспокоился за свое жилье.

Примчался из Забани Сашка, - он там косил осоку на силос, - смешно закрутился на месте, не зная, с чего начать.

- Тащи ведра, дед! - скомандовал он.

- Не замай, - врястяжку сказал Аверьян, глядя слезящимися глазами на пламя.

При всей его медлительности было заметно, что он как-то по-особенному возбужден, словно этот бушующий пожар давал ему подлинное ощущение жизни посреди его долгого сумеречного существования.

- Не замай... Чего уж...

- Людей там нету?

Дед отрицательно покачал головой:

- Глашка на лугу, девчонка ейная купается, а Шура Петра-Васильева на полдни ушла. Это она, дура, наверное, керосинку зажженную оставила в снях. Второй раз у нее такая проруха; в первый-то раз задушили, а теперь вот где уж!..

Дед отступил назад, не выдерживая жара.

- Пожарников надо вызывать, - метался Сашка.

Он не мог стоять на месте, все существо его просило движений, действия.

- Пожарников... В город, что ли, будешь звонить?

- В Спасском пожарная машина есть.

- Пока до Спасского едешь да пока там соберутся. Плюнь! Чай увидят дым, сообразят, приедут.

- Верно, - почесал в затылке Сашка. - Что ж делать-то? Надо же что-то предпринимать.

- Да ничего не надо. Стой вот, смотри. Ишь как полыхает! Ишь ты!

Самое удивительное: дыму было мало. Со страшной силой рвался вверх бездымный огонь, взметая ввысь дранку и всякий обугленный мусор, и только там, в вышине, копился черный столб, и замер он как раз над пожаром, не относимый никуда.

- Даже пожарного сарая у нас нет! Эх!

Сашка от досады бил кулак об кулак.

- Это на три-то с половиной дома да еще пожарный сарай иметь? Эге! И так сойдет, - бубнил свое Аверьян. - Все к одному концу чего уж там! Плюнь. Не надо было керосинку зажигать да уходить. В первый раз потушили - это как предупреждение Шуре было. А вот ить не пошло на пользу. Пушай!

- Не могу стоять, - не выдержал Сашка. - Надо хоть барахло ихнее вытащить.

Он побежал к Кустовым, окунул там в шайку с водой пиджак, накрыл им голову и плечи.

- Не замай, - уговаривал его Аверьян. - Что ты у них спасать будешь? Тряпки-то? Тьфу на эти тряпки! Чай, не старое время, живо обживутся. А за дом страховку получают. В накладе не останутся.

Сашка, не слушая его, ринулся было в огонь, но в это время в доме рухнул потолок. Туча искр взвилась в небо, и огонь забушевал с новой силой. Сашка отступил.

Из-за угла Аверьянова дома выбежали визжащие от восторга ребята, Глашина дочка Галька была с ними.

Потом прибежали с покоса бабы, и Глаша прежде всего кинулась к дочери. Кто-то ударил в набат. Стали таскать воду из колодца и плескать в окна, отчего пламя словно бы разгоралось еще пуще, будто туда плескали бензин.

Мокрый, растрепанный, продымленный насквозь Сашка багром растаскивал бревна двора. Древко багра обуглилось и дымилось.

Прибежавшая с подойником Шура Петра-Васильева заголосила, бабы стали уговаривать ее. А Глаша даже воду не носила, стояла в сто-

роне, держа за руку дочь, и глядела на пожар сухими блестящими глазами. Только и сказала коротко:

- Пес с ним. Пусть пропадает все.

Полгода назад от нее уехал муж, с которым она прожила недолго и не совсем чтобы мирно. Был он из дальних краев, с непривычно частым говорком. Крепко любил выпить, любил похвастать, покуражиться, побузить. Над ним насмеялись и звали, как мальчишку, Сенечкой. Но, несмотря на всю его непутевость, Глаша горевала по нем сильно. Уехал, наверно, на родину, к первой жене, а может, уж третью жену нашел.

Больше всего, пожалуй, страдала Глаша оттого, что не она его, а он ее бросил. Оттого долгое время была она неразговорчивой, замкнутой, злой и только теперь, летом, оттаяла и повеселела.

Ничего ей не было жалко в этом доме, в котором она выросла, жалела только свое девичье платье, которое очень берегла и надевала редко. Еще жалела семейные фотографии, где она снималась маленькой. А больше ничего.

Приехали на грузовике спасские мужики - четверо. Привезли помпу. Один из четверых - Самохин, в замасленной майке, которую распирала могучая грудь. С Сашкой он не поздоровался и даже не глядел на него, будто они даже не знакомы вовсе. «В упор не видит, - подумал Сашка и решил: - Ну, теперь добра не жди. Разозлился Митя не на шутку».

Один из приехавших спасских мужиков, злой отчего-то, матерился негромко:

- Всю вашу деревню запалить со всех четырех концов и не тушить, пока все не прогорит. Только от дела отрываете.

- Где они, концы-то, - со смирением возразил Аверьян. - Нету никаких концов.

- Живут у черта на куличках, на краю болота и горят периодически. Бросай все дела и туши их!

Примчался на велосипеде Сергей Кустов. Пока другие разматывали рукав, он с багром подступил к дому.

Оказалось, что воду качать неоткуда: Ира далеко, а опущенный в колодец рукав оказался короток, не достал до воды. Грузовик с помпой

попятился к колодцу - теперь вода пошла, но струя из брандспойта не доставала до огня.

Бабы с ведрами окружили самостоятельных пожарников:

- Давайте хоть в ведро наливайте из вашего насоса.

С появлением Самохина Сашка стал решительнее и злее. Он первый вытащил бревно из простенка, причем здорово ожег руку, а дом покачнулся и сел на угол. Тут-то на него и накинлись: одни ршат, другие водой поливают.

Пожар стал утихать.

Обугленные бревна растащили по луговине, они шипели бессильно, как живые. Сашка выкатил из углей злосчастную керосинку; она уже успела оплавиться.

- Вот она, виновница! - воскликнул он, поддевая бесформенный комок металла багром.

Митька Самохин гаркнул у него над ухом:

- Горишь!

И одним махом окатил с головы до ног из ведра. Сашка обернулся - ржет Митька, доволен; и все смеются, глядя на них.

Ему, разгоряченному и уставшему, холодный душ в общем-то приятен, однако сам факт, что над ним сотворил шутку Митька Самохин, был оскорбителен.

«Ну ладно...». Сашка кое-как отжал подол рубашки и штаны, с видимым удовольствием похлопал по животу.

Мужики сошлись в кружок, закурили по папироске.

Сашка подошел к ним как ни в чем не бывало, веселый и вроде бы даже довольный.

- Во, дед! Теперь мы с тобой соседи, - сказал он Аверьяну и все засмеялись.

Бабы сгрудились вокруг Косариковых, сочувственно ахали и охали. Только и слышно было:

- Вы не горюйте. Чего горевать! Как говорится: что Бог ни делает, все к лучшему.

Спасские мужики оглядывались в сторону разобранного дома Румянцевых - вместо него теперь лежали аккуратно сложенные штабелем бревна и доски.

- Вот вовремя сделано! Надо было и Косариковых избу также разобрать. Вот что значит мужской ум. А тут одно бабье!

Так что поторапливайся с этим делом, Аверьян Васильич.

Самохин выбрал минуту, хлопнул Сашку по плечу:

- Как живешь, земляк?

Плечо у Сашки онемело. Митька улыбается, а глаза злые; хлопнул - так только лошадей хлопают.

- Ты чего? - спросил Сашка. - Живот болит?

- Нет, почему? При чем тут живот?

- Да так. Ходишь какой-то ненормальный. На людей кидаешься.

- Я ж тебя от смерти спас, голова! Если б я на тебя не плеснул, ты бы сгорел. Верно, мужики? Сгорел бы - одни угольки сейчас от тебя остались.

Сашка потирал плечо.

- Тише ты, дурной! - не без подковырки сказал один из спасских. - Ключицу ему сломаешь.

Митька опять хотел хлопнуть Сашку по плечу, но тот успел отстраниться.

- Сила есть, ума не надо. Ага?

Спасские мужики подтрунивали над овсяниковскими:

- Ты бы, Аверьян Васильич, иван-чай собирал. Вон у вас его сколько по деревне. А он лекарственный, в аптеке принимают. Погоди-ка, скоро его еще больше будет.

- Чего уж, - понуро отвечал тот. - К тому идет.

- Давай отойдем, поговорить надо, - шепнул Самохин Сашке, оглядываясь на стоявших рядом.

- А пошел ты!

- Только не шуми. Потолкуем, и все.

- Давай, - сказал Сашка и не тронулся с места.

- Ну пойдем. Я тебя прошу. Не бойся, я добрый.

- Что это тебе не терпится поговорить-то? Случилось что-нибудь?

Сашка уже догадался, о чем будет разговор. Он прикинул взглядом: народу много, авось не полезет Митька на него при всех-то! А впрочем, кто его знает! Дурная голова рукам покою не дает.

- Там скажу, пойдем.

Самохин чуть-чуть подтолкнул Сашку, и тот пригрозил:

- Я те толкну!

Они отошли немного, остановились возле заброшенного палисаднака.

- Шагай туда, за кустики.

- Что я тебе, девка, что ли? Что ты меня в укромное место заманиваешь! Говори здесь, чего надо?

- Что ж, можно и здесь. Значит, так. Ты чего вчера к Любке-то приставал?

- Я?! - возмутился Сашка. - Приставал?

- Ты дурочку из себя не ломай, понял?

- Зачем я буду к ней приставать?

- Я говорю, не ломай дурочку. Возле клуба вчера что было? Когда после кино все расходились? Кто навязывался ее провожать?

- Не знаю. Я не навязывался, Митя. Я просто предложил свои услуги в смысле провожания одной знакомой. Вот и все.

Самохин оглянулся на стоявших неподалеку людей, и, видимо, только это удержало его от решительных действий.

- Ну вот, а отказываешься. Трясешься, как овца. Значит, было, не отрицаешь?

- Ну, ты говоришь «приставал». А я и не думал приставать, просто сказал, что провожу, а она согласилась. Только и всего. Ты слова подбери. Что это у тебя морду-то повело?

- А ты знаешь, что я делаю вот с такими дист-рофиками, как ты? Может, пустить тебя, как того завклуба, а? В чем мама родила.

- А мне плевать, - сказал Сашка, не слушая его, и тоже оглянулся на толпу. - Жених!.. Ты бы сначала у нее спросил, пойдет она за тебя или не пойдет. Спроси у нее еще разок, хочет она за тебя замуж или нет. Ведь ты же у нее спрашивал однажды. Что она тебе сказала? Спроси, она тебе повторит.

Никто на них не смотрел, и Митька воспользовался моментом: взял Сашку за рубаху, подтянул к себе.

- Эй вы! Петухи! - окликнул со стороны Сергей Кустов и направился к ним.

Он уже давно оглядывался на них, еще когда они только отошли.

Бабы обернулись, спасские мужики, еще не разобрав, что к чему, насторожились, а потом двинулись за Сергеем Кустовым: если разнимать, то с Митькой и овсяниковскому бригадиру не справиться.

- Побалуйте у меня! - сердито сказал бригадир.

- Только появись еще раз у нас в клубе, - пробормотал Самохин, отпуская Сашку. - Я тебе руки-ноги узлом завяжу. Сиди здесь и носа не высовывай.

- Испугался я! - напряженно усмехнулся Сашка. Бригадир подошел к ним:

- Вы что?

- Да так, - Самохин усмехнулся с беззаботным видом. - Пошутили маленько.

- Поговорили, - сказал и Сашка довольно спокойно.

- Девку не поделили? Или отношения выясняете? Нашли время и место.

- А мы чего? Мы ничего, - возмутился Самохин. - Мы по-дружески, хотели узнать, кто кого поборет.

Он обнял Сашку за плечи:

- Верно, Саша? Мы же любя?

- Мы просто так, - Сашка дружески похлопал Самохина по спине.

- Мы с Митей друзья. Ух ты, богатырь ты мой, косая сажень в плечах! На тебе бы горючее возить в цистерне.

- Ух ты, мой дистрофик!

Это любимое словцо Митьки Самохина.

Мужики успокоились, только одна из баб сказала:

- Вот паразиты! Даже днем им покою нет. Так и норовят сцепиться. Тут у людей горе, а они... У них своя забота: как бы подраться.

Глава четырнадцатая

Женька пригнал стадо раньше обычного. Коров во дворы не загоняли, они долго бродили по деревне и все щипали и щипали траву, звучно хрупая и вздыхая. Хозяйкам было явно не до них.

В этот день пастух должен был жить у Косариковых, у них он позавтракал, но обедать уж не пришлось, и теперь Женька не знал, куда

податься. Идти к себе в Спасское ему не хотелось: далековато, а он за день набегался, месту рад.

Он побродил по деревне, подтвердил бабке Дарье, что корова ее действительно вчера обгулялась. Посидел с Иваном Муромцевым, только что пришедшим из леса, послушал, как ругала его Дуняха, как она двигала в сердцах чугунами. Иван сидел как ни в чем не бывало на завалинке и вовсе не слушал жену, ругань которой была для него так же привычна, как тиканье часов. Иван степенно и неторопливо поговорил с пастухом, потом зевнул и пошел спать.

Расставшись с ним, Женька отправился к скотному двору, помог доярке Надежде Игнатьевой свалить с телеги привезенную ей траву, которую она накосила на ночь коровам. От нее он узнал, что Косариковы переночуют у них, у Игнатьевых, а завтра утром уйдут за Волгу к дальним родственникам.

Этой новостью Женька был взволнован и встревожен. Он некоторое время околачивался неподалеку от Игнатьевых, и тут его встретил бригадир.

- Ты теперь бездомный? - усмехнулся он. - Пойдем ко мне ужинать, а то голодный останешься. Косариковым не до тебя. У меня можешь и переночевать. В избе-то спать спокойно да и развал у меня полный перед отъездом, я тебя на сеновале устрою.

- Да ночевать-то я где угодно могу, - сказал Женька. - Ночи теплые, за постель - любой стог сена. Могу и домой уйти, не так уж тут далеко.

- Еще чего! - возразил Сергей. - Поутру вставать рано. Тебе передавали приказ: завтра колхозных коров перегнать в Спасское?

- Передавали.

- В полдни их уже спасские доярки будут доить.

- Знаю. Только Надежда вряд ли им свою группу отдаст.

- Это ее дело.

Сначала-то Женька хотел было отказаться идти ужинать к Кустовым: зачем стеснять людей? Но уж больно есть хотелось, ведь он даже пообедал кое-как. Тут не до церемоний, когда живот подвело.

Пока Анюта собирала ужинать, Сергей все расспрашивал Женьку о Спасском.

- Что ж, магазин там есть, - солидно говорил Женька. - Тут за всякой пустяковиной ездят в такую даль, а у нас под боком.

- Ну, магазин - это само собой, - нетерпеливо перебивал его Сергей. - А вот скажи, вода у вас хорошая? Я про колодезную спрашиваю.

- Вода как вода. Как везде.

- Не скажи. У нас в Овсяникове водичка вкусная. Это все говорят, кто бы через нашу деревню ни проехал. А поди-ка в Мышкине попробуй, и чистая, и все такое, а на вкус - пить не хочется.

- А у нас полсела из родника берут, - защищался Женька. - Не понравится в колодце - бери родниковую. Уж она тебе небось понравится.

- С родника должна быть хорошая.

- Вот то-то!.. Ну, что еще? Кино у нас чуть не каждый день. Опять же, если какое дело к начальству - справку там или еще что - начальство рядом: и сельсовет, и правление колхоза, и сберкасса.

- Ну какое же начальство в сберкассе? выглянула Анюта из кухни. - Скажешь ты тоже, Женька!

- Все равно, - сказал он рассудительно. - У нас все большие люди. Сами знаете: и председатели, и заведующие, и директора. И медпункт, и школа-восемилетка, и все у нас...

Женька любил свое Спасское. Но вот как растолковать Кузовым, какое оно хорошее? Разве объяснишь, отчего бывает так радостно, когда выйдешь утром на крыльцо, и вот оно, твое село: дома поблескивают окнами от только что вставшего солнца, широкие травянистые лужайки серебрятся росой, даже петухи поют как-то по-особенному. И все тебе здесь знакомо до каждой былинки, все мило. А потом пойдешь на реку, когда уже утренний туман стелется над водой, а вода тепла и ласкова - это тебе снова радость, которой не испытаешь вот здесь, в Овсяникове, стоящем на голом месте.

Зачем строят деревни вдали от реки - этого Женька не мог понять.

И красивое, и удобное для житья, и веселое село - Спасское. Но как это объяснишь?

Женька вышел от Кузовых, когда уже смеркалось. Пастух чувствовал, что наступил решительный переломный момент в его жизни, и потому он не сможет сегодня ночью спать. Ему хотелось предпринять

что-то уже сейчас, а для того Глаша должна была появиться на улице и он должен был ее увидеть.

Невдалеке, возле пепелища Косариковых кто-то стоял и говорил вслух. Женька узнал Аверьяна и окликнул:

- Ты чего, Аверьян Васильич?

Тот оглянулся, и только теперь пастух заметил второго человека. Они оба оглянулись на подходившего пастуха, и старик продолжал:

- Да вот, говорю, сгорел дом Косариковых. А знаете ли вы, кто строил этот дом? Строил его плотник Володя, я его еще живым застал. У этого Володи руки были чуть ли не до земли и силы неимоверной даже в старости. Сам он сделал весь дом. Сам деревья пилил, сам бревна ошкуривал, пазы рубил, тропила строгал. Каждый гвоздь вбил сам. Простоял дом лет сто и еще столько стоял бы... У Володи его купил потом Иван Антипов, из пришлых, а у него цыгане купили. Только цыгане недолго жили, одну зиму - это было как раз в японскую. После цыган поселились здесь Савельевы - большая семья. У Марьи Савельевой было тринадцать детей. Когда она овдовела, поехала к матери в Скнятин, а дом у нее купил портной Василий Косариков, от него к Петру Васильеву - старшему сыну - дом-то и перешел. Вот так, дорогой товарищ писатель... Такие дела. Все люди жили, а где они нынче? Нету. Поразъехались, поумирали. И так в каждом доме. Сколько семей пожило!

- И ты всех помнишь, Аверьян Васильич? - спросил незнакомый Женьке человек, которого называли писателем.

- А как же! Вот ты сказал давеча, что отца своего не помнишь, мал был, когда война началась. А ведь когда я со своей Дарьей гулял - я в ваше Ремнево ходил. Ить Дарья-то моя - ремневская. Ее дом - наискосок от вашего родительского. Ваш на черном посаде, а ее - на красном. А твой отец тогда еще парнишкой бегал. Остановишь его: «Ты чей такой?». А он: «Баушкин». Так его и дразнили. Да... Как же, помню я отца твоего Василия Федрыча. В восемнадцать лет бригадирил в Ремневе. Это в то время, когда мужиков-то в деревне много было, и уж в бригадир можно было выбрать самостоятельного человека. Выбрали его. Не знаю, уважают ли тебя так, как его, бывало, уважали в деревне. Так-то, Васильевич. Хотя ты и писатель...

Женька почтительно посмотрел на незнакомца. Ему хотелось постоять, послушать разговор. Но - другая забота властно толкала пастуха. Уходя, он слышал Аверьянову просьбу:

- Ты бы, Васильевич, поехал в город, попросил бы у начальства, чтоб людей сюда прислали на жительство. Сказал бы им: пропадает, мол, деревня Овсяниково. Или давай мы с тобой такую бумагу в Москву составим: так и так, мол, жители нужны. А?

Женька не расслышал, что ответил на это ему писатель.

Пастух прошелся по деревне, постоял у дома Игнатьевых. В окнах у них горел свет. Слышался разговор - сразу вперебой несколько женских голосов. Во дворе беспокойно ходили, стучая рогами о стены, коровы Косариковых и хозяйская.

«Если тебе так нравится твое Спасское, то чего ты пришел сюда?» - вспомнил Женька слова Анюты. Не то людям удивительно, что стал Женька пастухом, - он и раньше пас. А то непонятно, что он подрядился пасти именно в Овсяниково, где заработок не велик: семь коров частных да три десятка колхозных. Вот и все стадо.

А он пришел сюда из-за Глаши. Уж очень хотелось видеть ее почаще. Тут, в пастухах, мало того, что просто увидишь, еще и поживешь под одной крышей. Как придет черед у Косариковых жить, так вот она, Глаша, собирает тебе на стол, сидит с тобой вместе за столом, дышит одним с тобой воздухом. Можно даже поиграть с потешной девчонкой Галькой... И утром Глаша выпускает корову со двора, можно поздороваться, перекинуться словом, и на полдни придет, и вечером встретит - так каждый день!

До службы в армии Женька совсем не знал Глашу. Может, встречал, но как-то не заметил, не выделил среди других.

Весной он вернулся из армии и, некоторое время спустя, честь честью подружился с одной из девчат в Панютине. Хорошая девушка; не очень красивая, но тихая, скромная. Она нравилась Женьке, и он с охотой ходил в Панютино. Хотел было, не откладывая в долгий ящик, жениться на ней. А встретил Глашу, и по-иному пошла Женькина жизнь.

То было летом, и день этот запечатлелся в его памяти очень ярко.

Пришел он купаться в Сад. Был полдень. Солнечные блики водной

ряби слепили глаза, на небо было тоже больно смотреть: оно побелело от зноя, и казалось, от него, как от раскаленной плиты, тоже веет жаром. Он подвернул брюки и зачем-то побрел по узкому мелководью вдоль берега. Обходя склонившиеся кусты, забредал глубже, и тогда скользкие водоросли касались его ног и было щекотно. Жмурясь от солнца, он смотрел на противоположный берег реки. Там, над полем поспевающей ржи, звенели невидимые жаворонки. Ветер волнами будоражил это желтое море от края поля у реки и до дальней деревни, до леса.

Очень хорошо было. Женька наслаждался покоем, тишиной, прохладой речной воды. Даже некоторая оторопь взяла, разморило.

Выйдя из-за кустов, он наткнулся на девочку лет трех или четырех, белокурую, с подвижными пятнами солнечных бликов на всем обнаженном маленьком тельце. Она стояла, наклонясь к воде, и, уперев руки в полусогнутые колени, за чем-то следила. На звук его шагов она обернулась, с негодованием сдвинула белесые бровки:

- Ты рыбок испугал!

Розовые губешки ее собрались в колечко и недовольно вытянулись. Женька замер. Солнечный свет, казалось, пронизывал девочку насквозь.

- Ты откуда взялась? - спросил он. - Кто тебя сюда пустил? Еще утонешь!

Она убежденно помотала головой: нет, мол, не утону.

- Может, ты русалкина дочь?

- Нет. Мамина. Зачем ты испугал рыбок?

- Я ненарошно. Ты их ловила?

- Они бегали мимо. Шустро-шустро! - девочка засмеялась. - Было так хорошо! Они совсем меня не боялись!

- Галька, ты с кем это там разговариваешь? - послышался женский голос.

Из-за кустов вышла молодая женщина в халатике, показавшемся Женьке очень нарядным. Закинув руки за голову, она на ходу закручивала мокрые волосы в узел. Солнце слепило ее, она щурилась, словно шла с закрытыми глазами.

- Он рыбок моих испугал, - печально сказала девочка. - Они все шмыгали, шмыгали.

- А ты, бесстыдница, что голышом-то гуляешь? - рассмеялась

мать, принимаясь тормошить девочку. - Ты зачем же разгуливаешь в чем мать-то родила?

Девочка заливисто смеялась, бултыхала ножкой и все пыталась вырваться из рук матери. С минуту продолжалась эта возня, а Женька не мог сдвинуться с места. Наконец женщина подняла смеющуюся девочку на руки и, целуя, пошла, не оглядываясь, по берегу.

Вот после этой встречи Женька ходил сам не свой. Он стал немного блаженный, немного «чокнутый»: ни на что не сердился, не обижался и в разгаре самого серьезного разговора мог как-то странно улыбнуться и отойти.

Он узнал, что женщина, которая встретила его на реке, - Глаша Косарикова; что она недавно приехала в Овсяниково вместе с мужем и поселилась у матери. Муж этот не отец дочки - Глаша ее «пригуляла», когда еще работала дояркой в Овсяникове, после чего уехала куда-то по вербовке, а теперь вот вернулась замужняя.

После той встречи он видел ее довольно редко. То Глаша придет в магазин или в кино с мужем, то сам Женька окажется в Овсяникове и нарочно попадетс ей навстречу. И чем больше он приглядывался к ней, тем больше она ему нравилась и тем сильнее тянуло его в Овсяниково. Он уже не гулял в Панютине; с милахой его ходил другой парень, и дело у них явно двигалось к свадьбе; однако это не интересовало пастуха.

Нынешней весной он узнал, что Сенечка - муж Глашин - уехал куда-то, и уехал насовсем, оставив жену. А тут Толя Васильевич кстати обмолвился, что в Овсяникове со скотом замучились - пасут бабы по очереди. Тут-то Женька и предложил в пастухи...

Далеко за полночь он продежурил у дома Игнатьевых. Бабы, собравшиеся там посудачить о случившемся пожаре, расходиться по домам стали не скоро. Долго у них там шел громкий разговор, а о чем - не разобрать.

«Только бы она вышла, - думал Женька, - а уж я бы ей сказал! Сказал бы: иди замуж за меня... И все. Так прямо и сказал бы».

Но Глаша на улицу не показалась; она крепко спала в эту ночь.

А ночь стояла теплая, душная. В Забане сонно поскрипывал одинокий коростель. Отсюда, из Овсяникова, было слышно, как в Спасском гомонило гулянье, и оттого Женька тосковал еще сильнее.

Глава пятнадцатая

У крайних сараев, которыми со стороны Овсяникова начиналось Спасское, Сашку встретили трое парней. Вперед выдвинулся Самохин, а двое его друзей держались позади.

«Бить будут», - сообразил Сашка и струхнул. То, что сегодняшний поход в клуб не кончится для него благополучно, Сашка знал. Но все на что-то надеялся.

- Здорово, - сказал Митька вполне добродушно и протянул руку. - Давно не виделись.

Это он так пошутил.

Рука Самохина против Сашкиной была велика.

- Давай закурим, - сказал Самохин, - раз уж встретились. Да?

У Сашки немного отлегло: «Может, не будут?».

Он достал пачку «Беломора». Закурили. Наступило напряженное молчание. Когда Самохин затягивался и разгоревшийся огонек папиросы освещал его широкое лицо, Сашка видел неотрывно смотрящие на него глаза. Минута была щекотливая: того и гляди или в морду дадут, или еще что. Сашка готов был ко всему.

«Только бы не закрыли путь к отступлению».

Сашка ждал, что те двое зайдут сзади, но пока что они просто стояли и посмеивались.

- Он свой парень, - сказал Самохин друзьям и кивнул на него. - Свой в доску, ей-богу.

Те, двое, стояли и ухмылялись.

Нынче он видел их днем, когда приезжал в мастерские: они ухмылялись точно так же, словно бы в предвкушении большого удовольствия.

- У него сейчас чего ни попроси, все отдаст, - продолжал Митька. - Хоть «Беломорину», хоть - собственные штаны. И что ему ни прикажи, он все сделает. Верно, дистрофик?

«Нет, уж лучше пусть бьют, чем вот так изгаляются», - решил Сашка и поторопил события.

- Мить, а что такое дистрофик?

- А это то же, что и ханырик.

Все трое спасских парней заржали.

- Три богатыря, - сказал Сашка, отступая на шаг, чтоб иметь при случае возможность для маневра, - на страже границ родного села.

Не докурив папиросы, Самохин бросил ее в сторону и подвинулся к Сашке:

- Ну вот что: чем короче разговор, тем ближе к делу, верно?

- Это точно, - подтвердил Сашка.

- Ну вот. Значит, тебе днем что было сказано? Чтоб ты к нам сюда ни ногой. Поворачивайся и дуй домой, к маме. Не повернешься?

- Почему же! - сказал Сашка. - Повернусь.

- Молодец. Послушный мальчик. И к нам в Спасское больше не показывайся. Последний раз тебя предупреждаю. Больше говорить не буду, увижу - сразу же завяжу руки-ноги морским узлом. Понял?

- Понял, - кивнул Сашка.

Самохин стоял перед ним горой, заложив руки за спину, отчего его могучая грудь выпирала вперед.

«Зачем он этих с собой взял? - подумал Сашка. - Ведь он и один со мной справится!».

Предположить, что Самохин трусит, он не мог. Тот был не из таковых. Прежний завклубом был довольно дюжий парень, но Митька с ним справился запросто, почти шутя. Погорел завклубом на том же самом, на чем горел сейчас и Сашка: вздумал ухлестнуть за Любой. До провожання у них дело не дошло - на танцах возле нее покрутился.

Но зачем Митька взял своих приятелей?

«Это они как спектакль пришли посмотреть», - сообразил Сашка, и ему стало жарко от прихлынувшей злости. Один из тех двоих был Славка-шофер - это неплохой парень. А второй - Кругликов, первый подпевала Самохина. Он ходит за ним тенью, хохочет, когда тот какую-нибудь шутку отпустит, к месту и не к месту поддакивает и то и дело повторяет: «Мы с Самохиным» да «Мы с Самохиным».

- Иди, - сказал Митька жестко. - И помни: я тебя нынче пожалел. Появишься у нас еще раз, рассусоливать с тобой не буду.

- Сейчас докурю, - кивнул Сашка и подумал: «Может, дать ему раза?».

Он уже перестал трусить, и «дать раза» очень хотелось. Но он видел, как после его ответа Митька, заподозривший недоброе, напрягся

весь, насторожился. И Сашка не решился: «Ладно... Умный в гору не пойдет, умный гору обойдет». Он бросил окурочек и пошел назад.

- Смотри, догонят, - ехидно сказал Кругликов. Сашка остановился, обернулся:

- Вот с тобой-то я потолковал бы. Один на один. Хочешь?

- Иди-иди, - угрожающе сказал Кругликов, но сам с места не двинулся.

Сашка пошел.

- Я же говорил, что он свойский парень, - насмешливо сказал Самохин, и они вновь захохотали. Из трех голосов самый громкий у Кругликова.

Уже отойдя довольно далеко, Сашка оглянулся: три тени стояли у сарая и, видно, наблюдали за ним. Он шел, пока они не исчезли в сумерках, потом свернул с дороги и сел под копну клевера.

«Труса я спраздновал, - подумал Сашка с неудовольствием и тотчас стал оправдываться, словно кто-то его упрекал: - А что я мог сделать! Против такой силы не попрешь... Теперь они расскажут все девахе моей. Еще и приукрасят... Да она, наверно, и не удивится. Не меня первого Самохин этак-то. Я еще легко отделался».

Он знал, как упорно Самохин добивается Любы, даже Ивана Матвейча, секретаря парткома, засылал к ней сватом - уговаривать выйти за него замуж. А со своими соперниками Митька поступал очень решительно и круто. Одного городского, приехавшего в Спасское в отпуск и вздумавшего проводить Любу, за уши отодрал при всем народе. Заведующего клубом из соседнего села раздел донага и так отправил «к маме». Что ты с ним сделаешь? Вот Митька и сейчас мог бы такого «фонаря» повесить Сашке Злобину! Очень даже просто. Это же дикой силы человек!

Вчера Люба своей строгостью словно говорила ему: уж ты лучше уходи сейчас, чем потом. Но Сашка не пустил ее домой, сказав полушутливо-полусерьезно:

- А ты за меня-то не переживай. Я тоже не узок в плечах.

Не больно-то испугался!

Перед ней-то петушился, а нынче оказался слаб в поджилках.

Драться Сашке приходилось, и драться он умел. Нынче шел в

Спасское, даже подумал молодцевато: «Что ж, цокнемся, посмотрим, кто кого...». А встретил Самохина - нет, брат, все-таки это не тот случай, когда можно помахать кулаками. Совсем разные весовые категории.

«Дурак большой! - злился теперь Сашка. - Караулит девку: ни себе, ни людям. Что ж, ты и будешь ее стеречь до старости? Дубина, больше ты никто».

Закрываясь полою пиджака от ветра, он закурил. Поудобнее устроился под копной, словно собирался здесь ночевать. Стало уютно и хорошо, и мысли как-то незаметно перекинулись на другое.

Вспомнилось ему, что завтра ферму из Овсяникова переводят - коровник будут ломать, а вместе с ним и молоканку, и силосную башню. Кустовы и Игнатовы переедут в Спасское, Косариковы погорели, дом Румянцевых разобрали.

«Гляди-ко, а что остается-то!» - Сашка тихонько присвистнул.

Надо и им с матерью что-то решать.

«Пора тебе что-то решать, парень», - сказал ему однажды Толя Васильевич.

Разговор происходил нынешней весной. В тот день в Овсяниково приехало сразу несколько тракторов: два с плугами и культиваторами, два с сеялками да один с катком. Выстроились они все в ряд за деревней, а механизаторы ушли обедать - каждую посевную столовались они у Аверьяна. Воспользовавшись их отсутствием, Сашка все ходил вокруг машин, трогал, разглядывал, с удовольствием вдыхая душноватые запахи, источаемые промасленными, продымленными машинами.

Он подумал тогда, что вот дали бы ему пару тракторов, а к ним все, что необходимо, - все эти сеялки, культиваторы и прочее - тогда он один смог бы справиться с работой, которой раньше, лет тридцать назад, хватало на целую бригаду. Это показалось ему забавным. Один человек - все равно что прежняя деревня Овсяниково, в которой было когда-то довольно многолюдно. Теперь людей почти нет, а пахотные земли те же, даже побольше их стало, и вот он, Сашка Злобин, мог бы...

Пока он ходил, так размышляя, появился Толя Васильевич:

- Ну что ты тут ходишь? Что ты принимаешься да присматриваешься?

Оказывается, он за ним давненько уже наблюдает. Когда он успел

подъехать, да еще так незаметно, словно подкрался? Сашка с видимым безразличием пожал плечами:

- Просто так.

- Да не просто так. Ведь нравится тебе это все?

- Что нравится?

- А вся эта техника.

- Интересно посмотреть, - уклончиво сказал Сашка.

- Смотреть надо в музей. Вот там интересно. А в колхозе надо работать.

Вот так и начался тот разговор.

- Знаешь трактор - сдавай экзамен на тракториста, получай права, - говорил Толя Васильевич. - Не знаешь - давай учиться. За дело берись, вот что. Ты уже взрослый человек, не мальчик!

- А куда спешить? Дело от меня не уйдет. Я без работы не сижу. А так как-то свободнее.

Сашка улыбнулся.

Вот тогда-то Толя Васильевич рассердился и сказал ему:

- Ты не отшучивайся. Пора тебе что-то решать, парень. Так дальше нельзя. Вот сегодня ты мешки с зерном грузишь, завтра пойдешь коровник ремонтировать, послезавтра опять что-нибудь вроде этого. Так и будешь? А ты же человек со способностями. При твоих-то данных глупо жить просто так. У тебя во главе жизни должна быть высокая идея, увлечение делом, страсть...

Вспоминая этот разговор, Сашка осторожно стряхивал пепел, прислушивался к звукам, доносившимся из Спасского. Что-то нынче там тихо. Гулять собираются или нет? Кино вчера было, нынче должны быть танцы. Но не слышно музыки.

Выкурив одну папироску, Сашка зажег другую.

- Надо жениться, - сказал он вслух. - Для начала.

И в самом деле, сколько же можно гулять! И пора браться за дело... «Толя Васильевич тут, пожалуй, прав. Надо прибиваться к берегу...».

Сашке видно было небо с редкими белесоватыми облаками, звезды, село, в котором дома и деревья слились в единую черную массу, поле клевера с расплывшимися контурами копен. В старых тополях по-

госта сонно ссорились грачи. Мимо Сашки, тяжело шлепая, проскакала лягушка...

Хорошо было сидеть так, не шевелясь, и неторопливо думать о жизни, о себе, о Любе.

Выкурив две или три папиросы, Сашка решительно встал и направился в Спасское.

Глава шестнадцатая

Сашка вышел в прогон, перебрался через ручей, постоял, разглядывая, который же из домов Любин. Дома стояли к нему задворками, огородами, и потому он не сразу узнал его.

Дверца изгороди была заперта на крючок, но отперлась без труда. Сашка пошел по тропинке между грядками, через которую тут и там протянулись плети тыкв с колючими и большими, как лопухи, листьями.

«Не раздавить бы! - опасливо подумал Сашка. - А то потом мне теща тыквой по голове».

Страшновато было идти по чужому огороду. Того и гляди, на кого-нибудь нарвешься.

«Вот поймают меня здесь, за вора сочтут, - подумал Сашка и усмехнулся. - Скажут: за яблоками залез. Ха! Вот смеху было бы!».

Возле изгороди притулился большой стог сена, сложенный, видно, уже на зиму. В картошке стояло чучело, в темноте очень похожее на человека. У самого двора росло несколько кустов. Сашка протянул руку, укололся - крыжовник.

У клуба, видно, танцевали под радиолу. Оттуда доносился смех и говор.

«Весело им, чертям!» - чуть не вслух сказал Сашка.

Он нащипал крыжовнику и вдруг замер: по улице к дому шли двое.

- Ну, не сердись, Люб, - бубнил густой бас Самохина. - Ну, что ты!

- Я не сержусь, Митя. Иди домой.

Люба сказала так, что он опять загудел:

- Да не сердись ты, Люб. Что я такого сделал?

- Ничего особенного. Иди и спи.

- Что этого дистрофика пугнул, да? Подумаешь! Есть из-за чего злиться!

- Да не нуждаюсь я в твоём провожании! Уходи! - почти закричала Люба, и Самохин - слышно было - повернул назад.

- Тебя не трону, а ему башку откручу, - угрюмо пообещал он.

«Какие нежности при нашей бедности», - хмыкнул Сашка. Люба подходила к крыльцу, когда он через калитку огорода вышел к ней.

- Ягодки у вас ничего, - сказал он, щелкая крыжовником и не замечая его свирепой кислоты. - Немного рожу на сторону от них воротит, а так ничего.

Люба испуганно приложила руки к груди и остановилась, а потом залилась тихим смехом.

- Здравсьте, - сказал Сашка.

- Здравсьте, - отвечала она, все еще чему-то смеясь. - Что ж ты там прячешься?

- Я прячусь? - удивился Сашка. - Я не пошел по дороге, потому что через огород мне показалось ближе...

- Так ты в обход?

- А ты что, не знаешь, что в обход самый короткий путь? Умный в гору не пойдет.

Он не видел ее лица - темно было - и только по голосу мог судить, как ей понравилось его внезапное появление.

- Ягодки у тебя хороши. Давай посидим.

- Давай - согласилась она. - Только если Митька увидит тебя со мной, за уши выдерет.

- А я его, - невозмутимо сказал Сашка.

- То-то ты не испугался его давеча, - заметила она, и Сашка понял, что Люба все знает.

- Эх, рука у меня... Черт! - Сашка скривился, словно от боли, и поправил бинт на руке. - А то бы, может, разговор с некоторыми плечистыми был бы другой...

- Что это у тебя с рукой? - встревожилась она.

- Ожег... Пожар у нас был.

- Ах да! Мы видели. Копны клали - глядим, дым над Овсяниковым. Я подумала, это твой дом горит.

- Обрадовалась?
- Угу.
- Нет, не мой.
- Шибко сгорел?
- Дотла.

Они сели на ступеньке крыльца. Неудачно сели, как считал Сашка: Люба прислонилась спиной к стене, плечом к балясине - этак к ней не подступишься.

Люба пустилась что-то рассказывать, а Сашке было не до того. Он кое-как поддерживал разговор, выжидая какого-то ему одному ведомого момента. Комары вокруг них летали, и он принес от ветлы две веточки - отмахиваться.

- Слушай, - сказал Сашка наконец, - у меня разговор к тебе.
- Какой?

Наверное, с таким выражением лица ныряют в прорубь, с каким он выговорил медленно:

- Выходи замуж за меня.

Она ему приглушенно:

- Долго думал?
- Да ладно тебе, - нахмурился Сашка. - Нашла время смеяться...

Люба и с удивлением, и с недоумением спросила:

- Да ты и впрямь серьезно, что ли?
- Ну! Какие шутки!

Сашка, говоря это, даже вроде бы рассердился.

Он видел, как она стала мять и комкать в руках платок.

- И завтра же в сельсовет, а? - сказал он.

Она не сказала ни слова. Сашка забеспокоился, но ждал.

«Да что же она молчит-то!» - запаниковал он, чуть погодя.

- Ну, что молчишь?
- Я не могу так сразу, Саш, - она тоже отвечала довольно рассерженно. - Разве так делают? Явился - здрастье! - замуж пожалуйста.
- Ты от меня красивых слов не жди, я тебе не писатель какой-нибудь. Я тебя просто... люблю, понимаешь? И все. А красивые слова придумал бы, если б хотел охмурить. Я же говорю тебе: давай поженимся. И все. А?

Голос Сашки чем далее, тем становился неуверенней.

- Если ты согласна, завтра - в сельсовет, - заключил он свою речь.

- Зачем так спешно, Саш? - сказала Люба укоризненно. Он понял, что она согласна.

«Ну и все», - подумал Сашка. Он повернул ее лицом к себе - поцеловать.

- Ой, нет! - вскрикнула она. - Не надо, Саш.

- Ты чего? Все равно теперь ты мне жена. Раз согласилась - все.

- Нет, еще не жена, - усмехнулась она. - Я еще, может, передумаю.

Она сказала вроде бы в шутку, но это не понравилось Сашке. Он забеспокоился снова. Он почувствовал, как непрочен его успех, и захотелось поскорее закрепить его сельсоветовской печатью в паспорте. «Все, завтра же!»

Он стал настойчивее.

- Да ну тебя, Саш! Что пристаешь! - возмутилась она. - Жених тоже мне! Будь ты посерьезнее. Лучше давай поговорим.

- Ладно, - согласился он. - Так и быть, подчиняюсь. Жены надо слушаться. Видишь, какой я сговорчивый.

Это была длинная-длинная ночь. Петухи прокричали раз, и другой, и третий. А они все говорили, говорили... Прежде всего о том, где жить будут. В Спасском продавался один дом - это было кстати. Еще о том, что устраивать большую свадьбу, по-жалуй, не стоит, а надо только вечеринку. О том, кого пригласить на нее, - Самохина решено было пригласить, на этом настоял Сашка. О том, как отнесутся родители к их скороспелой женитьбе. Обсудили, какие покупки надо сделать к вечеринке и в новый дом. И о том еще было решено, сколько детей у них будет, - это была Сашкина затея, такое обсуждение.

Ему страшно понравилось, что Люба не стала краснеть и смущенно отворачиваться в сторону при разговоре о детях, как ожидал он. Она только улыбнулась и сказала, что больше двоих не надо, а Сашка озорства ради, настаивал на четверых. Уже светало, а они все сидели и не собирались расходиться. Любина мать, слышно, хлопала дверями внутри дома, вышла во двор доить корову.

Мать наливала молоко в кринку, процеживая его через марлю. Она

глянула на вошедших и словно бы не удивилась их появлению.

- Здравствуйте, - сказал Сашка тихо, чтобы не разбудить двух Любиных младших сестренек, спавших на кровати.

«Теща» выглядела моложавой, невысока ростом. Лицо у нее бурое от загара, спокойное.

- Проходите, хвастайте, - сказала она приветливо. - Да проходите, проходите. Садитесь.

Она ушла на кухню, а Люба и Сашка сели на переднюю лавку. Люба весело улыбалась, но была взволнована очень. Румянцем полыхало все ее лицо. Сашка покосился на нее, и у него сладко заныло сердце: больно уж хороша была его будущая жена. И он еще раз утвердился в мысли, что с женитьбой медлить нельзя, а то как бы не сорвалось.

Мать принесла две чашки, налила молока и подвинула им, а сама села к столу, переводя взгляд с одного на другого. Кажется, она догадывалась, зачем привела Люба парня.

- Что скажете? - спросила она, не подавая вида. Сашка посмотрел на Любу, и та начала запинаясь:

- Вот... мама. Мы решили пожениться.

- Да, мы хотим пожениться, - сказал и Сашка.

Мать опустила глаза, погладила рукой скатерть на столе, опять посмотрела на них.

- Ты знаешь, дочка, я тебе в этом деле не противница, - сказала она тихо.

- Знаю, мама.

- Коли люб он тебе, живите в счастье... Меня не забывайте, - добавила она и приложила к глазам край передника.

- Не надо, мамочка, - сказала дрогнувшим голосом Люба.

- Я ее далеко от вас не увезу, - смущенно сказал Сашка.

- Да что ж теперь... Хотя и далеко. Не век же ей со мной жить. И я тоже замуж выходила, родителей оставляла. Так уж заведено, всему свое время наступает... Ты, дочка, расскажи, кто зятем-то у меня будет.

Она улыбнулась Сашке ласково.

Люба сказала, кто такой и откуда ее жених, сказала очень кратко, и Сашка понял: у них уже был разговор о нем и вопрос матери был просто так, формы ради.

- Как же, знаю я вашу природу, - сказала «теща» задумчиво, - и с материной стороны, и с отцовой. - Она вдруг усмехнулась: - Степан-то Злобин, отец твой, одно время даже приударял за мной, когда в девках я была.

Молодые переглянулись, улыбнулись, и Сашка подтолкнул невесту плечом.

- Ну, значит, судьба... Сама понимаешь, надо отцово дело продолжать и довести до победного конца.

Они засмеялись оба, улыбнулась и мать. Ей нравился этот белобрысый кудрявый парень, такой простецкий и, как видно, ласковый.

- Ты устрой его где-нибудь поспать, мама, — сказала Люба, - а потом мы с ним к его матери ходим... и в сельсовет.

Та помолчала, потом сказала:

- Смотрите, вам видней. Только что-то спешите очень. Погуляйте-ка еще полгодика, приглядитесь друг к дружке получше.

- Пригляделись уже! - уверенно сказал Сашка и толкнул невесту локтем.

- Пригляделись, - эхом отозвалась та.

- Не спешите. А то нынче то и дело, глядишь: жили-жили - и развелись.

- Дело торопит, - вступил опять Сашка. - Деревня наша кончается, надо определяться как-то.

Он боялся, что «теща» станет их отговаривать от скорой свадьбы, а там и Люба, чего доброго, раздумает. Обоих-то их и не сдвинешь. Но мать ничего не сказала больше, только вздохнула.

Она постелила ему на крылечке. Крылечко в Любином доме было для Сашки непривычно маленькое, но с большим окном на манер дачной террасы. Огромный красный диск солнца уже высовывался из-за крыш, красноватый прямоугольник окна лежал на бревнах стены. Сашка лег, успел подумать, что ему сейчас, наверно, не заснуть, и - тотчас уснул.

А мать с дочерью долго сидели за столом, тихо переговаривались. Потом Люба ушла в горницу и тоже скоро уснула. Снился ей пестрый, цветистый сон, в котором все было удивительно ярко: деревья неправ-

доподобно синие и стадо сплошь из розовых коров... Все перемещалось, сверкало, играло, отчего было очень весело и радостно.

Глава семнадцатая

Солнце еще не взошло, когда измученный ночью и волнениями Женька вышел сгонять стадо.

Аверьян, как и вчера, сидел на скамейке под окнами своего дома. «Что-то плох стал дед в последнее время, - подумал пастух. - Глаза у него открыты, и смотрит на тебя, а словно бы не видит. Как будто внутрь себя смотрит, и зрачки будто туда повернуты».

- Чего не спишь, Аверьян Васильич? Тот слабо махнул рукой:

- Какой тут сон... Нету сна. А по правде сказать, у меня все время сон. Сiju вот - дремлю, хожу - сплю, остановился - снова заснул. Вроде сон и вроде не сон, не поймешь... Вот жизнь какая у меня пошла.

- Грозы не будет сегодня?

- Нет, куда там! Сушь будет, как вчера... А ты, парень, это... рожок бы себе сделал, право. Очень даже просто этот рожок делать. Возьми рог коровий, вставь в него катушку из-под ниток да резиночкой дырку-то прихвати. Вот и дудел бы, чем хлопать-то.

- Да все, Аверьян Васильич. Сегодня в последний раз стадо сгоняю. Завтра я уж не пастух.

- Да, да... - вспомнил Аверьян. - Верно-верно...

И покачал головой.

«Сейчас хлопну так, чтоб разлетелся этот кнут к такой матери!» - думал Женька с ожесточением.

В это время вышла Аня. Чего ж теперь хлопать, кому знать давать, если Аня ворота двора своего растворяет, а корова сестер Игнатевых уже вышла и пасется на луговине. Остальные будут держать своих бурунок на привязи.

- Жень, ты ее вместе с колхозными так и гони в Спасское, - еще раз наказала Аня. - В полдни я уж там ее встречу.

- Ладно, - сказал Женька.

Коровы во дворах Рыбиных, Муромцевых, Зыбиных замычали, услышав Женьку, словно прощались.

Женька брел по деревенской улице нехотя. Замедлил шаги у дома Игнатьевых, но Глаши все не было видно. «Наверно, спит еще», - подумал Женька.

- Ишь, говорит, почему не сплю, - глядя ему вслед, рассуждал Аверьян. - Сам небось дрых как убитый... Я, бывало, молодой-то был, хоть из пушки стреляй над ухом, не разбудишь. А нынче сплю и все слышу. Разве это сон?

Немного времени спустя после того, как Женька выгнал стадо, из дома Игнатьевых вышла Шура Петра-Васильева, выгнала со двора свою корову и повела ее за накинутую на рога веревку. Вслед за ней вышла Глаша за руку с хныкающей Галькой. Девчонка не выпалась, терла кулаком глаза.

Растворялись двери и в других домах, и выходили на улицу почти все жители Овсяникова попрощаться с семьей Петра-Васильева, убитого в Великую Отечественную. Совали в карман Шуре деньжонок кто сколько мог, совали Гальке в руку теплые оладышки, гладили по голове.

Настасья Злобина с Шурой обнялись и всплакнули обе: как-никак были они подругами, в девках вместе гуляли.

Когда шли Косариковы мимо Аверьяна, Шура крикнула ему:

- Прощай, Аверьян Васильич! Больше нам с тобой уж не плясать.

Он встал, поклонился молча ей, потом сказал:

- Прощаю, прощаю...

- И ты меня прощай.

Косариковы вышли за деревню, оглянулись, и тут впервые почувствовала Глаша, что жаль ей покидать родное Овсяниково. Было ей и в тот раз грустно, когда уезжала она в Сибирь по вербовке, но тогда была иная грусть. Тогда в деревне оставалась мать, и она, Глаша, знала, что в любой день может сюда вернуться, стоит только захотеть. Теперь же она покидала родные места навсегда.

Сама же Шура Петра-Васильева, прожившая в Овсяникове всю жизнь, заплакала в голос.

Они миновали картофельное поле, а дальше начался кочковатый луг, на котором паслось стадо. Коровы подняли головы и, жуя, смотрели на свою подругу, которую вели по дороге. Женька сидел на обочине и колотил по земле рукояткой кнута. Когда Косариковы приблизились, он встал. Галька тотчас подбежала к нему.

- Смотри, что я тебе нашел, - он протянул Гальке букетик земляники, густо увешанный крупными красными ягодами.

Галька завизжала от восторга, затараторила.

- До свиданья, Женя! - сказала Шура, проходя мимо.

В голосе ее еще слышны были слезы.

- Бывайте здоровы, - отозвался Женька, а сам, бледнея, смотрел на подходившую Глашу.

И лицо ее с грубоватым мужским носом, и высокая, сильная, желоватая фигура казались сейчас Женьке удивительно красивыми. Он облизнул сухие губы, на обветренные буроватые щеки его снова напал румянец.

- Мама, смотри! - кричала Галька, показывая букетик.

- Ну-ну, не кричи. Скажи дяде Жене спасибо.

- Уходишь, значит? - спросил Женька изменившимся голосом.

- А что же нам остается делать? Теперь у нас ни кола ни двора. Приткнуться негде.

Глаша видела, что Женька хочет что-то сказать ей. Она давно замечала, что нравится ему, еще с тех пор, как, встретившись тогда, в первый раз, он смотрел на нее такими восхищенными глазами, словно она была красавица из красавиц. Но Глашу мало трогало Женькино обожание, хотя где-то в глубине души оно было приятно ей.

- Отдохните, - сказал Женька. - Галя устала.

- Много ли еще прошли! А идти-то сколько!

Она испытующе посмотрела на него, заметила его волнение.

- Я устала, устала! - захныкала Галька.

- Не капризничай. Ладно. Давай посидим немного, отдохнем.

Они сели вдвоем на недавно обсохшую от росы траву. Галька принялась отщипывать от букетика по ягодке и класть их в рот, жмурясь от наслаждения.

- Где жить-то будешь, Глаш?

- Да проживу. Не пропаду небось.

Шура оглянулась на них, и Глаша помахала ей рукой: ты, мол, иди, мы сейчас тебя догоним. Женька понял, что присела она ненадолго и сейчас встанет, уйдет. Тогда - все. Он заторопился:

- А то не уезжала бы, - попросил он, запинаясь.

Она посмотрела на него, ожидая, но Женька молчал. Тогда Глаша сказала:

- Чудак-человек! Где же я жить-то буду!

- У меня, - сказал Женька глухо и принялся в волнении стучать о землю рукояткой кнута.

Глаша усмехнулась:

- Это ты мне замуж, что ли, предлагаешь?

- А что ж? Я, если хочешь знать, и в пастухи-то пошел из-за тебя.

Она долго молчала, потом нахмурилась, сказала с горькой усмешкой:

- Как же мы с тобой жить-то будем, если ты вот даже объясниться-то попутному не можешь? Взрослый ты парень, а все у тебя... по-мальчишьи.

- Что ж толку, что твой Сенечка говорлив был? - багровея от стыда, сказал Женька и тотчас ужаснулся своему попреку Сенечкой. «Сейчас встанет и уйдет», - подумал он и поспешно добавил: - Я бы с тобой так не сделал... Никогда не сделал бы.

Глаша сидела неподвижно и смотрела в сторону.

- Я все по-твоему делал бы! — продолжал Женька с отчаянием. - И пол бы мыл, и стирал, и корову доил...

Она все молчала.

«Вот возьму и выйду замуж за Женьку, - думала она с тоской. - Чем не муж! Смирный, работающий, не пьет... Ишь, говорит, даже корову сам доить будет».

А он напряженно следил за ней, все боясь, что она вот-вот поднимется с травы, возьмет Гальку за руку и... уйдет из его, Женькиной, жизни. Навсегда.

- И Галю я люблю. И она меня любит.

Женька понимал, что теперешний миг решит все. Сумеет он ее убедить - она станет его женой, а не сумеет - кусай тогда локти всю жизнь.

- Нет, Женя, - покачала она головой. - Не пара мы с тобой. Да и старше я тебя... Сейчас еще ничего, а потом попрекать этим будешь.

Он сразу обмяк и отвернулся.

- Как-то жизнь неладно у меня складывается, - сказала Глаша грустно, словно желая загладить свою вину перед Женькой. - Я знаю, ты парень хороший... Но вот ожглась я на замужестве и теперь боюсь.

Про меня плохое говорят в деревне - это я знаю. За то, что Галька без отца родилась. А я не гулящая какая, просто доверчивая. Добрая я, Женя, в этом моя и беда. Мне очень хочется, чтоб все у меня было, как у людей. Чтоб был муж, дом, хозяйство, дети. Чтоб было во что принарядиться, чем гостей угостить-приветить... А не получается это у меня никак. Неудачница я... Да и тебе, знать, не шибко-то везет в жизни. Полюбил меня, а я-то тебя и не люблю. Сойдемся мы, два неудачника, что получится? Горе одно...

Женька с горящими глазами, проглатывая от торопливости слова, приподнявшись и невольно встав на колени, заговорил:

- Глаш! Да я буду работать день и ночь! Я тебе ведра воды не позволю принести. Я капли вина в рот не возьму никогда.

И мы заживем знаешь как! Все люди завидовать будут. Все у нас будет: и дом и хозяйство. Только не уходи! Не надо уходить.

Галька заплакала:

- Мамочка, куда ты уходишь? И я с тобой.

Глаша смахнула с глаз выступившие вдруг слезы:

- Ну ладно, Женя. Успокойся. Давай подумаем.

Женька сел, вздрагивая всем телом и шумно дыша.

- Говорить-то я не умею! - сказал он с досадой и ударил деревянной рукояткой кнута по земле.

- Давай подумаем, - повторила Глаша.

- Что уж думать? Не знаю я, как жить буду, если ты уйдешь. Не знаю.

- Ладно, Женя, - взволнованно сказала Глаша. - Давай сделаем так: я подумаю два денька, а потом мне надо быть у вас в Спасском в правлении, документы выправить. Я приеду в обед, ты и постарайся меня встретить. Тогда я скажу окончательно. Уговорились?

- Ты обманешь. - Женька не смел верить в то, что у него появилась реальная надежда.

- Ну зачем же! Я не девочка обманывать-то... Завтра и послезавтра, а на третий день я приеду. В обед.

- Ты скажи все-таки, какого мне ответа ждать? - шепотом спросил он, а сам светился весь.

- Не знаю. Я подумаю...

- А то я приготовил бы кое-что, - робко сказал он и уставился ей в глаза.

- Ну, мы свадьбу-то не станем закатывать, - улыбнулась она.

- Как ты захочешь, - быстро сказал Женька, поняв, что она уже решилась.

- Сестра твоя не будет возражать, коли ты меня в дом приведешь?

- Нет, она даже обрадуется, - не задумываясь, соврал Женька.

- Вот и договорились, - Глаша невесело усмехнулась. - Ну, до свиданья.

- До свиданья, Глаша.

Шура поджидала ее у леска впереди. Женька смотрел ей вслед. Галька оглядывалась, махала ему рукой.

В это время из Овсяникова выехал председательский «Москвич» и, пыля, приближался к ним. Когда он промчался мимо Женьки, тот увидел за рулем Толю Васильевича, а рядом с ним человека, что разговаривал вчера с Аверьяном на пепелище дома Косариковых и которого Аверьян называл писателем.

«Москвич» затормозил рядом с Глашей, не успевшей еще догнать мать; дверца его распахнулась, и голос Толи Васильевича сказал:

- Ну-ка, мама с дочкой, садитесь. Мы вас подвезем.

- Нам не по пути, - смущенно сказала Глаша. - Нам в Василево, к автобусу.

- Садись, садись! - строго прикрикнул Толя Васильевич. - Откуда тебе знать, по пути или нет?

Писатель тоже вышел из машины.

- Здравствуй, Глаша, - сказал он, испытующе глядя на нее.

- Здравствуйте, - отвечала та. - Вас и не узнать.

- Надо говорить «тебя», - поправил он. - Ишь она, величает, как чужого! А я, между прочим, вчера зашел в Спасскую школу, походил по классам и вспомнил тебя, как мы с тобой в первом классе задрались из-за места возле печки. Зима была, в школе холодно, а возле печки - рай.

- Надо же! - улыбалась Глаша. - И я помню.

- Садитесь! - скомандовал председатель. - С воспоминаниями потом. Сначала дело.

Они сели и «Москвич» запыхтел дальше.

Возле Шуры машина опять остановилась, из нее вышел Толя Васильевич.

Как ни заинтересован был Женька происходящим, но он окинул взглядом стадо: две коровы зашли на картофельное поле. Он побежал вернуть их, поминутно оглядываясь...

Председатель что-то объяснял Шуру, а его спутник тоже вышел из машины и стоял, слушая разговор. Шура Петра-Васильева что-то говорила, разводя руками и отрицательно качая головой. Тогда председатель взял ее под локоть, предлагая, видно, сесть в машину, но Шура упиралась. Толя Васильевич отобрал у нее конец веревки, на которой она держала корову, снял петлю с рогов и взмахнул ею. Корова весело побежала к стаду. После этого все сели в машину и поехали обратно. Недалеко от Женьки они остановились, вышел Толя Васильевич и направился к нему.

- Мы с тобой оба никудышные пастухи, - сказал он, весело улыбаясь. - У тебя стадо разбрелось, а у меня люди разбегаются. У тебя две коровы в картошку ушли, а у меня две колхозницы чуть не убежали.

Он поздоровался с Женькой за руку и продолжал:

- Мы плачем: рабочих рук не хватает, а они уезжать надумали к черту на кулички! Погорели, видите ли... Почему ко мне не пришли: как, мол, быть, Анатолий Васильевич? Удирают втихомолку. Хорошо еще Кустов предупредил, а то бы ищи их потом!

Женька охотно улыбался.

- Тебе передали, чтоб пригонял стадо в Спасское? - спросил председатель, становясь серьезным.

- Передали.

- Ну, так вот прихвати еще корову Косариковых. После обеда зайди ко мне. Поговорим, где теперь тебе работать. А пока сам подумай, прикинь.

- Куда пошлете, - весело махнул рукой Женька, обрадованный неслухом всем происшедшим. - Везде буду работать.

- Везде не успеть, - заметил председатель.

Женька улыбнулся.

- Я теперь еще лучше работать буду, - добавил он, намекая на изменения в своей жизни. - В охотку! Куда пошлете.

- Ну и отлично.

Председатель хотел уже повернуть назад, к машине.

- Анатолий Васильевич, а их куда? - кивнул пастух на машину.

- Да в Спасское.

- А где они жить-то там будут?

- В новые дома нельзя, - хмурясь сказал председатель. - Там мы специалистов поселим. Это уж правление решило, и перерешать нечего. А им пока частную квартиру подыщем. Теперь вот еще три коттеджа будем закладывать. Построим там и им дадим. В общем, найдем выход!

- Анатолий Васильевич, - несмело проговорил Женька, - поселите их в моем доме. У меня же пятистенки. Я пока на половине сестры живу, а они на моей половине. А, Анатолий Васильевич?

Председатель внимательно глянул на Женьку, что-то мгновенно сообразил, но виду не подал, только улыбнулся:

- Ну вот, ты с меня лишнюю заботу снял. Как мне сразу в голову не пришло. Верно, у тебя же дом большой! Небось найдется им угол!

- Да что ж я, не понимаю, что ли! - Женька весь загордился от собственного благородства. - Да мне для них ничего не жалко.

- Спасибо, - сказал председатель и широко зашагал к машине.

Женька стоял и смотрел им вслед, пока не улеглась за ними пыль на дороге. Потом стал собирать стадо, чтобы постепенно перегонять его опушкой Маленького Родионова к Спасскому.

Улыбка не покидала его лица.

Вот этот треугольник земли между большаком, рекой Нерлью и речушкой Ирой исхожен мною когда-то вдоль и поперек. Я ходил по этой земле и с ученическим портфелем, полным книг, и с корзинкой, полной грибами; шагал за бороной, держа в руках вожжи, и гулял с девушкой, держа ее за руку; я тонул в этой реке дважды - в горячий летний полдень возле деревни Соломидино и на Поречском перевозе в холодной, стекленеющей на морозе воде, - и оба раза выплыл, и падал с тополя от грачиного гнезда и не разбился; я измерил этот пятачок земли и босыми ногами, и валенками в калошах-тянучках, и кирзовыми сапогами; я таскал по ней по-бурлачьи санки с хворостом и обдирал детскую кожу с плеч, волоча вязку ольховых кольев для огорода...

А впрочем, что это я стал перечислять? Разве все перечислишь, если тут прошла лучшая половина моей жизни!

На этом треугольнике земли когда-то помещались семь деревень и четыре колхоза. Осталось пять деревень и поля двух колхозов: не все их земли, а лишь части земель.

Здесь уместились три больших леса, и рощи, и рощицы, холмы и низины, окопы последней войны (был запасной военный аэродром, когда фронт стал приближаться), россыпи могучих камней-валунов, дороги, тропинки, луга и поля. И все это, вместе взятое, и каждое в отдельности так или иначе причастно к моей жизни, а сам я причастен к ним.

По берегу Нерли - деревни, деревни...

Берегово - дома лицом к реке, почти в один посад. Тропинки к воде по крутому береговому спуску, мосточки меж зарослей камыша...

Соломидино... Как хорош здесь противоположный берег: обрывистый, высокий, поросший кустами. Недаром туристские палаточки стоят. А меж деревней и рекой - огороды, низинный луг и стреноженные кони пасутся. (Черномазый механизатор с побряхтыванием умывается в реке, говорит: «Держим вот их, не работают, а только гуляют. Посмотрите: отъелись как!») Красивые, откормленные кони, не чета прежним.

В Соломидине дома покрашены в одинаковый бурый цвет: где-то нашли такую глину, размалевали бревенчатые стены - красиво!

Но живописней всех - Спасское. Церковь на холме и широкий плес Нерли строго сориентирован на нее, как Невский проспект на шпиль Адмиралтейства. Село разбросано вольготно, так и сяк - на разных уровнях, как нынче говорят.

По этим деревням тут и там новые дома или обновки на старых домах: то крыша, то терраска. И городская детская колясочка не в удивленье, и «Жигули», и все прочее.

Поречные деревни живут деятельно, полнокровно. Другое дело - подальше от реки. У меня щемит сердце, когда иду по Ремневу или Хонину: тут все признаки запустения, старости, упадка. Вот дом ухоженный, с палисадничком, а рядом - заросли крапивы, лопуха, иван-чая... Что будет здесь через несколько лет?

Некогда сильно опечалила меня весть, что вырублены, сведены леса - Маленькое Родионово и Большое Родионово. И как же я рад был,

увидев, что это не так. Леса живы почти в том же виде, как я их помню с детства. Есть вырубленные участки, но не так их много. А самое отрадное - по опушкам, по полянам дружно поднимаются молодые елочки. Целые заросли молодого ельника - на Спасских Горках.

Идя по дороге из Спасского к Ремневу, я сворачиваю в сторону и вхожу в лес. Не вхожу - вламываюсь, ввинчиваюсь, вдавливаюсь: так тесно, так жадно растут на опушке деревья. Зато пройдешь этот заслон и очутишься... в храме. Недаром соседний лес называется странным на первый взгляд именем - Божий Дом. Хоть и невелики, но торжественны, величавы леса моей родины.

Ели стоят в обхват и нечасто, опустив долу толстые ветки. Под каждой елью - комната, десяток таких елей - и вот вам колонный зал.

Малое Родионово тянется неширокой полосой. Чащоба сменяется светлым лесом, где каждое дерево - наособицу, потом снова стволы стоят стеной. Справа красные клевера, слева цветущие льны, а в самом лесу то малинник на полянах, то нежно-зеленые мхи меж молодыми елями, то лакированный брусничник, а посреди всего этого - тут и там мелькают рдяные капельки земляники.

Большое Родионово не так уж и велико, а заблудиться можно. Местами ровный строевой лес, на вырубках молодой ельник, дороги, дороги, дороги...

Вот тут целым городом селятся дрозды, и весной их картавые крики наполняют эту часть леса...

Вот тут, в холмашках, между корнями подзолистая земля чрезвычайно рыхла, и потому растут удивительные белые грибы: их надо искать на ощупь, совать руку в каждую нору, а вытащишь белый - он уродец: корявый, витой, не выдавший света и - без единой червоточки!..

Вот тут стоят совершенно голые стволы, стройные, высоченные, туго натянутые между небом и землей, и гудят; от этого гуда немного страшно и в то же время почему-то радостно...

Вот тут муравейники - выше человеческого роста и - один к одному, как грибы-великаны. Сначала покажется, что их не больше четырех-пяти, но идешь, - а меж деревьев то один проглянет, то другой, и еще, и еще...

Нет на свете леса красивей, чем мое Родионово. Живописны,

укромны его поляны, гостеприимна его опушка, мелодичен его голос, ароматно его дыхание. И выходят из Родионова дороги на все четыре стороны света: по одной пойдешь - в Загорск придешь, а там и в Москву, по другой - в Ярославль, по третьей - в Суздаль и Владимир, по четвертой - в Великий Новгород...

Глава восемнадцатая

«Вечная» бабушка затворила хлипкую дверь крыльца, наложила накладку, вместо замка сунула в ушко щепку, потом приперла еще палочкой и вышла на дорогу.

Дом ее даже от крайних домов Кустовых и Аверьяна стоит на отшибе - маленький, словно бы споткнувшийся обо что-то и потому завалившийся наперед. Ни огорода возле него, ни двора, ни деревца, только густо зарос он крапивой. Из-за крапивы не подступишься к домику, кроме как по узкому проходу к крыльцу.

В окнах и зимой и летом двойные рамы. Стекла в них - ни одного целого, все наставные, и там, где прилегает стекло к стеклу, за долгие годы накопилась и окаменела пыль и грязь. Потому ничего не видно, что там, внутри бабушкиной избушки.

Бабушка вышла на тропинку и привычно огляделась.

- А ты чей же будешь? - спросила она, посмотрев из-под руки на первого встречного, который почтительно поздоровался с нею.

- Не узнаешь меня, бабушка? - сказал тот.

- Тут ныне много дачников да шатающих, - бабушка строго пожевала губами. - Все городские... Чево шататься, чево глядеть... Небось сенокос, работать надо людям. А ты, гляди-ко, не Ньюшин ли?

- Ньюшин, - подтвердил тот.

- Жива Ньюша-то?

- Жива.

- Ить она мне молочка обещала криночку...

- Давно, наверно, обещала?

- Как давно... На той неделе. Ан нет, пораньше. К троицыному дню, да.

- Она ж уехала отсюда лет десять как.

- Уехала Ньюша-то! Ишь ты. Что ж она. А ить обещала молочка принести. А вот забыла, значит. Уехала.

- Я принесу вам сегодня, бабушка.

- Спаси Христос, мне ничего не надо. Ухожу, ишь, я. Насовсем ухожу. При церкви буду жить, родимой. При церкви.

Она пошла было, да обернулась:

- А отца-то у тебя, гляди-ко, как зовут? Не Михаил Левонтьич?

- Нет, бабушка. Его звали Василий Федорович.

- Это из какой же природы?

- Да мы, как сказать... По-уличному мы Егоровы.

- А-а-а, ну-ну. А я его третьеводни встретила, говорю...

- Нет, бабушка. Отец-то у меня погиб. Не вернулся с войны.

- Ишь ты. Царство небесное убиенному Василию. Как же, как же, знала я Василия-то. Хороший был мужик, работающий, и пел хорошо. Бывало, куда ни шел, что бы ни делал, все с песенкой. И хворосту мне привез. Хорошева хворосту ольховова. Ну, кланяйся ему от меня. Скажи: бабушка, мол, Прохорова, кланяться велела...

И она зашагала по дороге, крепко ставя в пыль палку, и как всегда, было в ее походке что-то торжественное, словно она исполняла священный ритуал.

Без палки она уже не могла обходиться. Так согнуло ее в пояснице, что ходила она в вечном поклоне. С палкой она не расставалась: шла ли, стояла ли и даже когда сидела, опиралась на нее.

Ходила же она споро. В длинной, до земли, юбке, в черном платке, в мужском пиджаке шла она, покачивая головой в такт ходьбе и отмахивая палкой, и в Спасское в церковь, и за десять верст в Микулкино к дальней родственнице, а то и еще никому неизвестно куда и зачем.

Это была поистине вечная бабушка. Никто в Овсянникове не помнил ее молодой. Только Аверьян припоминал ее моложавой старушкой, но не более того. Тогда и дом ее был поновее, и жила в нем бабушка не одна, а с дедушкой Прохором. В ту пору и Прохор был такой же, как и она, румяный, кругленький, говорливый. Аверьян не мог сказать уверенно, откуда он взялся тогда, этот дедушка Прохор, но именно он появился откуда-то. Они поженились, уже будучи стариками, удивив и насмешив всю округу, и была у них прямо-таки голубиная любовь.

Как ухаживал дед Прохор за своей бабушкой! Всегда-то и везде они были вдвоем: вместе на огороде копают, вместе вечерком на лавочке сидят. Полоскать она белье пойдет - и он с нею; остановится с бабами посудачить - и он тут как тут.

Аверьяну вспомнилось, как деревенские девчонки и мальчишки бегали зимой смотреть на влюбленных старичков: занавесок тогда на окна не вешали, все видать, «как в кине». Бывало, и взрослые останавливаются посмотреть. Вечер-то зимой длинный: вот сидят они, бабушка с дедушкой, за столом, а на столе коптилка маленькая и самовар. Сидят и пьют чай из блюдец. Пьют его с сушеной свеклой: сахар тогда только по большим праздникам водился. На дедушке домотканая рубаха, вышитая крестиками, на бабушке латаная-перелатаная кофта и веселенький платочек на голове - верно, дедушкин подарок.

Сидят друг против друга и глаз не сводят один с другого.

Прожили они в любви да согласии года три.

Потом дедушка Прохор замерз, возвращаясь однажды из Калязина с базара. Это было в тот год, когда в Овсянникове начали организовывать колхоз.

С тех пор бабушка Прохорова живет одна. После смерти деда она как-то сразу постарела лет на десять и с тех пор всегда ходит в черном - то ли траур носит все эти годы, то ли просто такое у нее старушечье одеянье. За несколько десятилетий время и согнуло и высушило ее, но она вроде бы уже не старится больше, словно переступила ту черту, за которой глубокая старость равняет всех. Она по-прежнему приветлива, ласкова, даже блаженна, потому все ее любят. Носят ей молоко, теплых ватрушек, кушаний с праздничного стола, городских гостинцев, и за все она благодарит именем Бога:

- Пошли вам Господи... Господь спасет... Господи благослови.

Она не пропускает ни одной службы в спасской церкви. Пережившая свое время на полвека, бабушка Прохорова лепится к церкви, как к единственному пристанищу, где ей все привычно, знакомо, где она нужна. «Вечная» бабушка ходила туда, как ходят на работу...

Настасья Злобина разговаривала с Аверьяном о пропавшем куда-то Сашке. Они оба провожали бабушку Прохорову глазами.

- В церковь пошла, - сказала Настасья. - Нынче не воскресенье... Значит, праздник какой-то. Что за праздник, Васильич?

Дед поморгал, соображая: - Какое у нас нынче число-то?

Бабушка Прохорова замедлила шаг, а потом свернула с дороги и по тропинке направилась к Аверьянову дому.

- К нам, - неопределенно сказала Настасья, глядя ожидающе.

Старушка подошла, остановилась, поглядела на них обоих часто моргающими глазами, словно бы узнавая.

- Здравствуй, бабушка, - сказала Настасья, не выдержав ее молчания.

Старушка перевела взгляд с одного на другого и вдруг легко, заученно поклонилась им в пояс, отмахнув свободной рукой.

- А дай вам Бог всякого добра, - проговорила она неожиданно ясно и громко. - И тебе, Настя, и тебе, Аверьян Васильич. И здоровья, и всякого счастья пошли Господи. Нечем мне вас будет помянуть, кроме хохоме. Ухожу ить я от вас. Прощайте.

И она опять отмахнула чуть ли не земной поклон, отставив клюшку.

- Как уходишь? - не поняла Настасья. - Куда?

И Аверьян насторожился. Как на грех, он сейчас вовсе запомнил, как зовут богомольную бабку. Никогда ее никак не называли, кроме как «бабушка». И в глаза, и за глаза, а тут не грех было бы вспомнить и ее имя-отчество. Аверьян уж открыл рот, чтоб выразить свое удивление бабкиным словам да поделикатней спросить, не рехнулась ли старушка, что собралась уходить куда-то. И на ж тебе, дырявая память! Как же ее звать-величать?

Настасья подвыручила:

- Ты, Григорьевна, от нас всегда уходишь. Мы только и видим тебя в спину - вечно в свою церковь спешить. Выглянешь в окно - эн бабка пошла. Мы к твоим уходам уж привыкли.

-А теперь насовсем ухожу, родимые. В Спасском буду жить при церкви. При церкви, милые, при церкви. При храме Божьем.

Вид у старушки был этакий блаженненький.

- Ты, Григорьевна, что это? - с притворной строгостью сказал Аверьян. - Мы тебя не отпустим. Ты наша, овсяниковская, а не спасская.

- Ухожу, Васильич, наовсе. Да. Я и так тут у вас стала редкая гостя. Тяжело ходить-то, не близкий путь. Идешь, идешь - дух вон. Пока бреду, сколько раз посижу! А теперь полно, хватит ходить. Останусь там.

- Так ты наовсе! - только теперь уразумел Аверьян, что бабушка Прохорова не просто заговорила, а и впрямь покидает Овсяниково.

- Насовсем, Васильич, наовсем. Больше уж не приду. Не судите и не ругайте, не приду. Стара стала бабушка Прохорова, слаба, все ноги износила.

- Где ж ты пристроишься? Не в самой же церкви?

- Угол мне дали в церковной сторожке. Много ли мне и надо! Вон как скорчило. На табуретке могу спать устроиться. А мне целу комнату отвели. И окошечко есть, а в окошко церковь видна. Ухожу, родные мои, не осудите. Больше не приду к вам.

- Что же ты так вот и собралась? - спросил Аверьян с недоумением... - А имущество-то! Али кто приедет за ним? Ничего не понимаю.

Он посмотрел на Настасью и пожал плечами.

- Какое у меня имущество, Васильич, Бог с тобой - бабушка переложила клюшку из руки в руку. - Христос ничего не имел: ни земли, ни скота, ни шелков-бархатов. И нам так велел. Все богатство мое со мной. Все на мне.

- Да ты сядь, Григорьевна! - сказала Настасья. - Что ты стоишь. Побудь с нами, поговори.

- Прощайте, родимые, чего мне рассиживаться! Заутреню пропустила, к обедне успеть бы мне...

И в третий раз поклонилась поясно бабушка Прохорова.

- Да ты погоди-ка, Григорьевна! - вскричал Аверьян. - А дом твой, что же, будет стоять пустой?

Бабушка не успела взять в толк, что он говорит, не успела ответить, а Аверьян уже с жаром продолжал:

- Я тебе вот что посоветую: ты его продай. Ты продай его кому-нибудь, хорошему семейству, чтоб молодые были. У нас работоспособных-то в Овсяникове - во! На одной руке по пальцам всех пересчитаю. А как поселятся в твоём доме трое-четверо молодых да здоровых...

- Я, Васильич, дом свой двоюродной золовке отписала, - тихо ска-

зала старушка. - Она меня ить навещала, за мной ухаживала. А продавать - что ты, Аверьян! Кто его купит! Он, если рассудить, сколько лет нежилой стоит. Войдешь, жилым не пахнет. А дом уход любит, как и скотина. Нет, Васильич, кому он нужен! Никто в нем жить не станет. А золовка моя его уж, чай, на дрова продала. Там же, где она живет, в Кузярине, у нее торговали мой домишко на дрова. Покупатели нашлись. Хотели купить его в складчину двое или трое хозяев. Небось уж продала.

Ясно и толково говорила старуха. Все у нее было решено, все она обдумала и рассудила.

- Эх, Григорьевна, зря ты так! - Аверьян даже прикрикнул от огорчения. - Обмишурилась ты и продешевила, вот что я тебе скажу. Если б на жилье - дороже дали бы.

- А полно, Васильич! Что мне надо? В мои ли годы домами торговать. Был бы угол поближе к печке да покой - больше ничего. Прощайте, родимые. Будете в Спасском, заходите в церковь-ту. Что-то не вижу вас там.

- Соберемся как-нибудь, бабушка, - любезно сказала Настасья.

- Как же... не забывайте Бога-то. Грех. Она бойко поклонилась и зашагала прочь.

И Аверьян и Настасья молча провожали ее глазами.

- Ой! - сказала вдруг Настасья и хлопнула себя по бокам. - Чтой-то мы ее Григорьевной величали! Ить она Гавриловна!

И у Аверьяна как раз прояснело в голове:

- А верно. Гавриловна она, ей-богу!

Настасья зашлась беззвучным смехом.

- Ай, молодцы мы с тобой, Васильич! всю жизнь со старухой прожили в одной деревне и не знаем, как ее звать-величать.

Аверьян не смеялся.

- Вот Христова угодница! - выговорил он неодобрительно. - И эта тоже... Тьфу ты, пропасть!.. Еще один дом без людей.

Глава девятнадцатая

Просто так ли, с досады ли Аверьянова память просветлела еще более. Он стукнул себя кулаком по коленке:

- Ох, дурни мы! А, Настасья? Ить Иванов день нынче! Наш праздник престольный.

- А верно, - удивилась Настасья. - Вот дьяволова порода! Все забыли: и Бога и праздники. Я никакой стряпни не затеяла. С этим пожаром вчерашним... Да тут еще охламон мой куда-то запропал!

Дед ухмыльнулся:

- Чай, у вдовы какой-нибудь ночует.

- Когда это он ночевал у вдовы! - обиделась Настасья.

- Чтой-то ты! Да вот вчера явился уж на рассвете. Где он был? Ты, мать, знаешь?

- Пес его знает, где он шлялся! Бегать я за ним, что ли, буду!

- То-то!.. Попомни мои слова: приведет он тебе в снохи бабу с ребенком.

- А вот пусть явится! - разгорячилась Настасья. - Я ему покажу, как по вдовам шастать! Я его огрею чем попадя! Эку моду взял! Всю ночь неизвестно где.

И она заторопилась домой. Аверьян покачал головой:

- Огрею... Раньше надо было гревать...

Он встал, потоптался возле дома. В одну сторону хоть не гляди: вместо румянцевской избы лежат штабелями бревна да доски, а между ними - россыпь битого кирпича да глины. В другую сторону - тоже не легче: ворота двора у Кустовых распахнуты и так оставлены. Старший парнишка Кустовых сидит на луговинке и целит камнем в окошко, норовя разбить теперь уже ненужное стекло. Аверьян хотел прикрикнуть на него, одернуть, но раздумал: «Тьфу ты!.. Да и черт с ним, пушай бьет».

- Эх, мать честная! Ить престол нынче! Дарья! - крикнул он и постучал в окно. - Даш!

- Чего тебе? - отозвалась та из избы.

- Ить престол нынче! Ты хоть что-нибудь затей.

- Сиди уж, «затей», - сказала она. - Затейла.

- Ну, у меня баба не промах, - удовлетворенно сказал себе Аверьян. - Моя про праздник не забудет. Это молодые не помнят... Эх, бывало, праздника этого ждали!.. С нетерпением великим ждали и готовились к нему с зимы. Приберегали все. То медку баночка заведется в хозяйстве - к празднику на пироги, то конфетишки какие, то еще с самой зимы спрячут - к празднику... И чем ближе он, праздник этот, тем хлопот больше. Сметанки копят, яичек, масло сбивают и топят... Пиво варят. Да-а... А перед праздником все полы вымоют, все половички выстирают, занавесочки белые повесят, рушники вышитые к иконам, к фотокарточкам на стену - красота! Накануне вечером подметут вокруг каждого дома до самой дороги - вся лужайка станет чистая, зеленая, словно травка на ней заново вырастет... Бывало, как выйду луговину мести... в сумерках уж, после работы... с той стороны сосед Иван Матвеич Кустов, царство ему небесное, а с этой стороны Григорий Беспалов. Метем да пошучиваем. Ти-и-ихо в деревне. Бабенки хлопочут, бегают... У той чесноку не хватило, у этой перчику, бегут занимать, одна с другой советуются, что и как лучше... А мы сядем где-нибудь, покуриваем и толкуем, кто завтра кого в гости ждет...

Вышла бабка Дарья, села рядом с Аверьяном:

- Чего ты тут сидишь да бормочешь? Поговорить не с кем? Сейчас завтракать пойдем...

Аверьян ей:

- Я вот сижу да вспоминаю, как, бывало, мы этот Иванов день праздновали. Последнюю-то ночь, говорю, у вас, баб, больно хлопот много: студень готовить да ставить куда-то надо, чтоб застыл хорошенько... Тесто надо разводить, картошку заранее чистить, чтоб потом с ней не путаться.

- Хлопот много, чего говорить, - сказала Дарья. - А любила я, грешница, эти хлопоты. Вот как любила...

К Аверьяну приезжали в гости два брата старших, что теперь уж умерли. Оба с семьями. Да еще бездетная сестра с мужем из Суздали.

Утром в Иванов день собираются в гости. Приезжают на тележках рессорных, приходят с большака - на попутных доехали, добираются пешком.

Тут хорошо пройти по деревне, повстречаться со старыми знако-

мыми, кого давно не видел, поговорить, порасспросить, кто как живет.

Около полудня все садятся за стол, и на деревенской улице не остается никого, кроме ребятишек в новых рубашках да разве еще гость запоздалый покажется.

В каждом доме окна раскрыты настежь, в каждом доме гомонит застолье. А потом запоют - то там, то тут. Пели «Коробочку», «Шумел камыш», «Когда б имел златые горы», «Хаз-Булат удалой» и еще много других песен, незамысловатых, известных каждому.

А через полчаса, смотришь, то из того, то из этого дома вывалият гости гурьбой, грянут вперебой гармошки - и пошла пляска. Пошло веселье!

Пляшут в основном бабы, а девки пока только ходят по деревне из конца в конец, песни поют. Мальчишки носятся. Перед каждым домом сидят люди постепеннее, неторопливый разговор ведут.

И ни один праздник не обходился без драки. Что за притча - никогда не дрались по будням. Повздорят и таят обиду до праздника. А там выпьют и ну счета сводить. Смотришь, всё плясали, всё плясали, и вдруг бегут все куда-нибудь в одно место, а там из толпы вздымаются кулаки. Через минуту оружие бабы растаскивают своих мужей, сыновей с разбитыми носами, в разорванных рубашках.

Вспомнил Аверьян, как однажды, после войны, подрались Иван Муромцев с Иваном Овсеевым. Один безрукий, а другой на деревянной ноге, два инвалида. И смех и грех. Но дрались они по-ударному, едва разнялись...

Чем ближе к вечеру, тем веселее гулянье. Съедутся к этому времени парни со всей округи, и до самого рассвета гудит праздничная деревня.

А на другой день веселье начиналось с раннего утра и продолжалось до поздней ночи, а то и до следующего утра.

Вот как гуляли раньше.

А нынче тихо, одна бабушка Прохорова да вот Дарья и помнят про тот праздник. Нынче другие праздники и гуляют иначе. Пластинки крутят, танцуют. И одеты не так. Даже за столом все иначе.

- Раньше чего только не готовили! - вспоминает Дарья. - И щи мясные, наваристые, и лапшу домашнюю с курицей, и сладкий суп. Это

вроде бы как на первое. Только сладкий суп ставили уж под конец. Нынче он компот называется, и подай-ка его по-бывалошнему, в мисках, - гости засмеют. Надо, вишь ты, в стаканах. А тогда проще было. Поставят миску посередь стола - вот и хлебают ложками... На столе места живого нет: тут тебе и мясо в большом блюде, и кисель на тарелочках кубиками нарезан, и крупеник, и оладьи с медом, с вареньем, с маслом коровьим топленным - каких хочешь. Тут тебе и пироги, и ватрушки, и лепешки сдобные. Картошку, тушенную со свининой, едва успевай подавать. А к ней грибки соленые, и селедка, и студень... Чего-чего только нет!

- Так раньше норовили, чтоб побольше да посытней, - вторит Аверьян. - А нынче все чтоб покрасивше. Вон приехала в прошлом году наша старшая-то, Антонида, - она так стол убрала, что и трогать нам ничего не хочется. Только фотографировать такой стол да любоваться. Уж чего-чего, селедку - по рушь пятьдесят кило! Так тебе разукрасила: головку лука разрежала как-то мудрено - как цветок... Лучком зеленым обклала... яйцами вареными, морковки, огурчиков положила. Страсть мне хотелось тогда соленьенького, а тронуть жалко...

- Была у Арсентьевых в гостях - там уж своей вилкой в общую тарелку не полезешь. А вот накладывай себе на маленькую тарелочку и клуй. Ушла я оттуда голодная.

- И самогон уж вроде бы неудобно подавать, - подхватил Аверьян. - Ставят водку с красивыми этикетками. В vine-то кто раньше разбирался? Знали: есть белое вино, есть красное. Белое - это водка, а красное - все другое. А нынче - нет. Взять бы хошь и тебя: я, грит, этот портвейн пить не буду, подавай мне кагор или ликер!

- Ладно уж, - засмеялась Дарья. - Пойдем завтракать.

- Погоди, вот еще немного погуляю. Не хочу я что-то есть, мать... Дворянский сын гуляньем сыт.

Аверьян сидел и ждал чего-то, во всяком случае поза его выражала ожидание; он не дремал, сидя, как обычно. Дожидался. Немного времени спустя в деревню въехала целая колонна: два трактора с тележками и еще один трактор, который тащил за собой ту странную машину с высокой изогнутой трубой, которая когда-то так удивила Аверьяна. Теперь-то уж он привык, есть и почуднее.

Передний тракторист притормозил, крикнул Аверьяну:

- Дед, где бригадир?

- Где... - проворчал Аверьян. - Он небось теперь в Спасском живет, у вас.

- Сказали, сюда поехал.

Тракторист был в майке со свежим масляным пятном на животе. «Майка-то новая, - отметил про себя Аверьян. - Ишь, не бережет».

Он спрыгнул на траву и побежал к дому Сергея Кустова, постучал в окно.

«Черт-те чего не наделают! - думал Аверьян, глядя на силосоуборочный комбайн. - Вчера провезли на прицепе этукую... как бункер, или вроде силосной башни, только поменьше. Спрашиваю: что за агрегат. Говорят: копны класть. Подбирает с земли валки, складывает в бункер, потом он поднимается - и копна готова. Поглядеть бы, как она работает. Не сразу и разберешься. Иной раз проедет такая уродина, не знаешь, для чего сделана, к чему ее и приспособили».

Сергей Кустов вышел из дому, на ходу дожевывая что-то и надевая пиджак.

- Две тележки мало! Вы что! - сказал он.

- Сейчас приедут еще самосвалы.

- Вот это куда ни шло. Поехали!

Сергей с трактористом влезли на передний колесник. Трактора взревели и тронулись.

Аверьян поплелся вслед за ними. Он вышел за деревню и стоял там долго. Колонна подъехала к клеверному полю, красная машина с высокой «гусиной шеей» застрекотала и пошла краем. Вместо дыма из трубы повалило зеленое крошево прямо в тракторную тележку, которая пристроилась за ней следом.

«Ишь ты! - подивился Аверьян. - Значит, эва как! Словно капусту шинкуют. Придумали...».

Пока он ковылял назад к дому, его уже нагнал один из приехавших трактористов - промчался мимо с прицепной тележкой, в которой стогом была навалена зеленая сочная клеверная масса. Аверьян отступил на обочину, поцокал языком, провожая первый воз, как нечто очень вкусное, что и он не прочь бы отведать.

И Сергей Кустов скоро вернулся с поля, но тут же сел на велосипед и умчался. Аверьян посмотрел ему вслед, покачал головой:

- Совсем забежался парень. Ишь как его! Словно ветром носит. Обрадовался. А чему радоваться?

- Старик! - окликнула Дарья. - Да ты идешь ли? Что за неслух! Чем старее, тем упрямей. Не до вечера же голодный бу-дешь бродить?!

- Иду, иду.

- Почайпий, а потом гуляй, - слышно ворчала она, пока Аверьян шел мимо окон к крыльцу.

Он шел, глядя себе под ноги. Он старался не смотреть в ту сторону, где стоял недавно соседский дом; безобразная пустота этого места угнетала и бредила его. Теперь и с другой стороны будет такой же пустырь. Ай-яй-яй!..

Старик сидел за столом, а мимо дома теперь то и дело проезжали туда и обратно самосвалы или тракторы с тележками.

- Велико ли там клеверище-то? - спросила Дарья.

- За день небось управятся, - нехотя ответил Аверьян, прислушиваясь к гудению очередного трактора.

За их шумом Аверьян не услышал, как подъехала еще одна машина, но не из тех, что возили зеленый клевер. Она попятилась с дороги и остановилась как раз на том месте, где стоял дом Румянцевых, вплотную к одному из штабелей бревен.

Когда Аверьян выглянул в окно, Борис Степанов со свояком уже укладывали бревна одним концом к кабине, вторым на прицеп.

- Воронье, - сказал старик. - Прилетели...

Некоторое время спустя его можно было видеть на задворках своего дома: он усердно выстругивал рубанком доску, потом старательно примерял ее на ворота, взамен прогнившей. Можно было разобрать, как он напевает:

Черный ворон, что ты вьешься

Над моею головой?

Ты добычи не дождешься.

Черный ворон, я не твой.

И при этом свирепо посматривал на Бориса Степанова, грузившего бревна со свояком.

Глава двадцатая

С двумя кусками поломанного ножа от косилки Митька Самохин возвращался с луга. Еще одна неудача... Не клеилось у него сегодня ни одно дело. Плохо начался день.

Вчера Сашка Злобин не послушался доброго Митькиного совета идти «к маме», вернулся...

«Пролопушил я, - Митька с досады сплюнул. - Ну, лопух!». Никак не ожидал Самохин, что Сашка вернется. Тот так явно струсил вчера. Еще Кругликов смеялся: «Ну, он теперь трусцой до самого Овсяникова!...». Вот тебе и трусцой...

Видели Сашку Злобина и Любу доярки, шедшие рано утром доить коров. Будто бы сидели они на крыльце, обнявшись, и очень мило ворковали.

«Тут я прошляпил. Ох, прошляпил и пролопушил. Договорились они, что ли? Да нет, не может быть! Когда б они успели! Просто где-то он ее поджидал».

Доярки осмеяли Митьку:

- Проворонил девку, сторож! Столько лет караулил, и на ж тебе! Эх ты, недотепа!..

Теперь Митька клял себя за то, что не засветил вчера для порядку «фонарь» Сашке Злобину. С «фонарем» тот не стал бы разгуливать, а пошел бы смирно спать и просидел бы дома недельку.

«Пусть сегодня появится, - злобился Митька. - Я ему устрою!».

Он еще не придумал, что именно устроит «дистрофику». А надо было что-то такое придумать, чтоб милиция потом не придиралась и чтоб над ним, над глупым овсяниковским карасем, потешались бы все кому не лень. Просто морду побить - это ему много чести.

«Только бы он появился!» - жаждал Митька.

И желание сбылось.

У тех самых сараев, где вчера он завернул оглобли Любиному уха-

жеру, Самохин вздрогнул и остановился: навстречу ему по дороге шел тот, кому надо было открутить голову, завязать руки-ноги в один узел, переставить глаз на затылок и прочее и прочее. В первое мгновение Митька обрадовался: «На ловца и зверь бежит!». Но уже в следующую секунду потемнел лицом, растерянно заморгал глазами: рядом с Сашкой шла Люба. И как шла! Рука ее уверенно лежала на церемонно согнутой руке Сашки. Кроме того, Люба была в белом праздничном платье, в котором он ее никогда не видел, и сияла вся - глазами, улыбкой. Все это словно в сердце толкнуло Митьку Самохина, хотя он еще разумом-то и не понял, что к чему. Туговато соображал парень.

Они еще не заметили Митьки и шли, весело о чем-то переговариваясь. Сашка что-то сказал Любе, и та звонко рассмеялась, отчего у Самохина где-то внутри словно по ржавому железу скребануло. Тут они увидели его и, что окончательно сразило Митьку, ничуть не испугались. Они даже не выразили никакого беспокойства, вроде бы даже довольны, что встретили его.

Он стоял посреди дороги, расставив широко ноги в кирзовых сапогах, и в руках его были обломки ножа от косилки, которая только что сломалась. Поза у Митьки была устрашающая, но эти двое не замедлили и не ускорили шаги и шли все так же прямо на него. Митька заметил даже, что Люба чуть потянула своего парня в сторону, чтобы обойти, но тот шел по самой середине дороги и сворачивать не пожелал.

Митьке до него дела сейчас не было, он смотрел на Любу и, словно подчиняясь ее взгляду, отступил на шаг в сторону.

Наверно, у него было очень глупое лицо, потому что Люба опять засмеялась:

- Здравствуй, Митя!

- Здорово! - Сашка безбоязненно протянул Самохину руку. - Давно не виделись.

Это он сказал точно так же, как вчера вечером Митька ему.

И тут Самохин непростительно засуетился, переложил обломки ножа из правой руки в левую, поспешно вытер ее о пиджак и пожал протянутую руку, все еще не в силах вымолвить ни слова.

- Вот что, - сказал Сашка. - У нас с Любой на днях вечеринка...

Вроде свадьбы. Так мы тебя приглашаем. Приходи поздравить, дорогим гостем будешь.

«Издевается, - подумал Митька. - Ну, гад, я тебе поиздеваюсь».

- Я не шучу, - продолжал Сашка. - Приходи обязательно. Свадьба все-таки.

«Врешь!» - чуть не крикнул Самохин.

Но Люба между тем весьма недвусмысленно прислонилась к Сашке, словно приласкалась к нему на глазах у постороннего человека Самохина.

- Люба, ты что, замуж выходишь? - спросил Митька.

У него пересохло в горле.

- Выхожу, - подтвердила Люба. - Все, Митя, больше ты меня не стереги. И Ивана Матвеича можешь сватом больше не посылать ко мне...

Сашка фыркнул и ладонью прикрыл улыбку, а Митька, багровея, опустил голову.

- Может, еще передумаешь, Люба? - совсем потерянно спросил он.

А те, двое, переглянулись и засмеялись.

- Нет, Митя. Не передумаю. Или за него, или в монастырь.

Это просто поразительно, как они меж собой спелись! Митька был совершенно обескуражен и никак не мог попасть на верный тон. Что бы он ни говорил сейчас, все было глупо, что бы ни сделал - все в проигрыш.

- Так ты приходи, - Сашка снова усмехнулся довольно-таки нахально. - Будем очень рады.

Митька слов его не слышал, смотрел на Любу, и Сашке почему-то показалось, что Самохин сейчас заплачет.

«Прямо детский сад! - подумал он. - Ты гляди-ка! Чего он так переживает-то!».

- Что это вы так заторопились! - овладев собой, сказал Митька. - Наверно, побоялись, что я мешать вам буду?

Люба отрицательно покачала головой.

- Как же, страшно! - пробормотал Сашка. - Испугались!

- Я не стану мешать. Мелюзгу разную я от тебя, Люба, отгонял - это верно, а если б сказала на кого, что нравится, я б отошел.

- Ты мой ангел-хранитель, Митя.

Вид у Митьки Самохина был совсем убитый. Он мялся, как мальчишка с невыученным уроком. Видно, Любе было жаль его: она нахмурилась. Сашка тоже не выдержал, сказал примирительно:

- Да брось ты, не расстраивайся.

- Ты себе такую ли невесту найдешь! - подхватила Люба. - Ты у нас первый парень на селе!

Она лихо подмигнула ему и потянула своего жениха за руку. Они пошли дальше, ни разу не оглянувшись на стоявшего могучим каменным изваянием Самохина Митьку...

Едва отошли от Спасского - обогнал грузовик, громыхавший прицепом, притормозил, из кабины высунулся Борис Степанов.

- Здорово! - крикнул он. - Садитесь, подвезем!

С другой стороны кабины выглянула лунообразная, улыбающаяся рожа того, кто сидел за рулем:

- Садись, товарищ начальник! Девку к нам в кабину, тебя на прицеп возьмем.

- Доведем с шиком, - вторил ему Борис, скалясь.

- А мы не спешим, - недовольно сказал Сашка.

- Ты-то не спешишь, а подруга твоя устала. Верно, девушка? Ведь вы устали?

Люба, не отвечая, остановилась, сняла туфлю, стала не спеша вытряхивать что-то.

- Девка-то хороша, - сказал шофер.

- Хороша, Викторыч, да не про нас с тобой.

- Красивая, - гнул свое Викторыч. Борис в тон ему:

- С такой-то красотой могла бы найти и получше. Верно, Саш?

Но Сашку в этот день трудно было смутить. Он что-то сказал невесте, и они оба принялись смеяться, как сумасшедшие. Борис Степанов покрутил головой:

- Эх, где мои семнадцать лет!

И скрылся в кабине. Они отъехали.

- Все-таки какой ты несерьезный, Саш, - выговаривала Люба, удерживая смех. - Не знаю, как я с тобой жить буду.

- А весело будем жить, как же еще. Весело и счастливо. Только так. Ага. Давай я туфельку надену.

- Отстань, я сама!

- Не лишай человека удовольствия. Я однажды в кино видел, как он ей надевал туфлю. Я, может, с тех пор десять лет об этом мечтал...

Бабушка Прохорова встретила их уже возле леса на опушке. Она сидела обочь дороги на пеньке, приложив руку козырьком к бровям, и давно уже смотрела на них, а они заметили ее, когда уже подошли совсем близко.

Люба и Сашка поздоровались с нею разом. Старушка в ответ встала с пня и легко отмахнула поклон.

- А дай вам Бог счастья! Пошли вам Господи всего-всего, и детишек много, и здоровья. Да, и детишек. Какие вы молодые да больно красивые. Любоваться мне на вас - не налюбоваться.

- Спасибо на добром слове, бабушка, - степенно сказал Сашка и тоже очень серьезно поклонился ей. - Живи сто лет.

- Да и немного уж осталось, - возразила она.

- Может Господь еще прибавит.

- Знамо, прибавит, - сказал Сашка. - Жалко ему, что ли...

Люба поняла, что на этом серьезный разговор у ее жениха и встречной бабули исчерпан, дальше пойдет сплошное Сашкино легкомыслие.

- Ты, гляди-ко, Настасье-то Злобиной кем доводишься?

- Гляди-ко, сынок, бабушка. Ага. Родня, так сказать.

А с тобой, между прочим, мы почти соседи.

Люба толкнула его локтем.

- То-то я гляжу, по природе-то Злобиных ты, ихней природы.

- Маленько есть.

- У отца-то твоего Василья такой же чуб был, как навитой.

- Василий-то, бабушка, мне дедом доводится. Забыла ты маленько.

А прадед тоже был Василий, так что которого ты имеешь в виду...

Люба опять толкнула Сашку локтем, а то бог знает куда бы дальше двинулся разговор.

- Ну, дай Бог вам счастья, - старуха опять поклонилась.

- И тебе того же, бабушка, - любезно сказал Сашка, а шепотом прибавил: - Тем же концом и по тому же самому месту.

Аверьян только что приколотил к воротам новую доску, полюбо-

вался и теперь, прищурившись, смотрел, как приближается к деревне молодая пара.

- Ишь ты, - удивился он. - Гости к кому-то! Кто же такой?

Потом он узнал в парне Сашку и ухмыльнулся: «До чего ж я людей преотлично понимаю. Прямо я их насквозь вижу! Сказал ведь только что Настасье, что сын ее бабу приведет. Так оно и получилось. Вот он, добрый молодец, догулялся до ручки. Ишь, в каком платье да средь бела дня под руку, значит, ясное дело, ведет на поклон к матери».

Молодая пара, о чем-то посовещавшись, свернула с дороги и пошла к нему.

- Здорово, дед! - весело сказал Сашка.

- Здоров, здоров, охламон.

- Все, отгулял я, дед. Прибиваюсь к законному берегу. Вот невеста моя, почти жена.

Люба тоже поздоровалась, а старик сказал:

- Вижу, вижу.

Аверьян жмурился, довольно бесцеременно разглядывая Сашкину спутницу.

- Ты вот что, дед, объясни: почему это мне красивые девки нравятся, а некрасивые нет? Ну не чудно ли!

- Ишь ты, - сказал Аверьян. - И впрямь красивая.

Люба засмеялась смущенно, не зная, что и говорить.

- Где же ты, парень, такую нашел?

- А ты что, Васильич, хотел бы там и себе приглядеть?

Все, больше таких нет. Была только одна на весь белый свет.

Люба тихонько толкнула жениха в бок: не болтай, мол, лишнего.

Сашкина невеста понравилась Аверьяну, и он, как иногда о соседке Анюте Кустовой, печально подумал: «Вот и мой Ванюшка такую нашел бы... Ишь, какая крепкая!».

- Ну что ж, - сказал он, закручинившись. - Идите. Там вас мать ждет, все глаза проглядела.

- Нынче расписываюсь, дед, - сказал Сашка. - Сейчас вот у матери благословенья спрошу.

- Иди, иди, охламон. Женишься - остепенишься.

И оживился старик, и радостно провожал их глазами.

Глава двадцать первая

Новость - «Сашка женится!» - быстро облетела деревню.

Пока молодые сидели у матери, к дому Злобиных посмотреть на невесту сошлись почти все жители Овсянникова. Все ее, конечно, знали и видели не раз, но в качестве Сашкиной невесты она появилась в Овсянникове впервые.

Ожидая, когда молодые выйдут, расселись на луговине бабы, пришел Василий Рыбин, приковылял Аверьян. Заглянул и озабоченный Сергей Кустов.

- Вы что тут? - сделал он удивленное лицо. - Может, наряда ждете? На работу вас послать?

- Ой, Сергей, все у нас расстроилось! - отвечали ему. - Ни товоха, ни севоха получается. Небось и сам-то...

- Да и я тоже, - согласился он. - На вещах сижу, жду машины.

Явилась смущенная Дуняха Муромцева.

- Бабонки, а что я вам скажу!

- Чего, Дунь?

- Ить у меня тоже новости! Не только у вас, и у меня тоже. Уезжаю я от вас!

- Как уезжаешь, черт те дери! - зашумели бабы - Да что это, все сговорились сегодня, что ли, уезжать. Бригадир удочки сматывает, Игнатьевы тоже машину ждут. Даже бабушка Прохорова и та лыжи навестила да и айдате в Спасское! А ты куда?

- Иван-то мой перевелся на другую работу.

- Да ну!

- В охотхозяйство егерем. Дают нам избушку и огородик рядом, и покос, и деньжонок на хозяйство. Взаимообразно, значит.

- Ишь ты! - бабы качали головами. - На готовенькое! Ну, Дуня! Ну, везучая ты!

- Сенокосу много, дрова даровые, - перечисляла Дуня. - Зарабатывать он больше будет. Форму дадут - обмундирование, значит, как военному.

- А тебе? - спросил Василий Рыбин.

- Что мне?

- Обмундирование, как егерской жене!
- Да ну тебя! Только бы зубы скалил. Экой ты, Василий!
- А чего! Галифе, пиджак с погонами, и берданку в руки. На краул!
- Не слушай его, Дуня! - уговаривали бабы, смеясь.
- Ну его!.. Уезжаю, бабоньки, уезжаю. В лесу хорошо.

И воздух чистый, и птицы поют. А главное, дров много, и сенокосу.

- Ой, подумай, Дуня! Лучше ли там будет?

- А как же! Вот мы переедем - домик новенький. И стану я там чистоту блюсти, буду делать все по-человечески, хозяйствовать, как полагается.

- Ой, ли? - не поверили бабы.

- Уж вы мне поверьте. Уж я вас прошу, бабы. В лесу-то я бояться буду, за своего Ивана крепко держаться. Вот и заживем мы там мирно. Ить я сама понимаю, что негоже это каждый день мужика ругать.

Бабы улыбались, слушая расходившуюся Дуню, но Сергей Кустов решительно одобрил:

- Вот это дело! Что вы ей не верите! Да у нее сил - на двух мужиков. Верно, тетя Дунь?

Дуняха благодарно глянула на бригадира.

- Она у нас на работе горит! Кого хочешь обставит.

- Верно-верно, - примирительно заговорили и Маруся Рыбина, и сестры Игнатьевы. - Что насчет работы, тут Дуню никто не обгонит. С нею рядом лен стлать или на картофельный борювок лучше не становиться. Не успеешь оглянуться, она уж эва где махает!

Дуня расцвела, уселась с бабами на луговине. Они стали советовать, как лучше на новом месте жизнь построить.

- С твоим ли Иваном не жить! - говорила Маруся. - Работящий, вино не пьет...

- А и правда, бабы. Он у меня хороший.

- Если же будешь опять ругать, на новом месте живо какая-нибудь вертихвостка найдется, отобьет. Не гляди что в лесу, а найдется. Ныне мужики в цене. Гляди, Дуня.

- Верно, бабы.

- А мы к тебе, Дуня, в гости будем заглядывать. Как пойдем за

черничой - так в лесникову избушку отдыхать. А ты нас и встречаешь белыми пирогами. А?

Такая перспектива всем понравилась. Бабы еще больше оживились.

- Заходите, заходите, - приговаривала растроганная Дуня. - Не забывайте меня. А я вам так ли рада буду!

Сергей Кустов то и дело оглядывался на спасскую дорогу: не покажется ли автомашина. Обещали скоро приехать. Бабы между тем сгрудились потеснее, стали о чем-то шушукаться. Тут вышла на минуту Настасья, они встали, подошли к ней, пошептались о чем-то, а потом подвинулись к бригадиру, который разговаривал с Аверьяном, и разом вцепились в него.

- Качать! Качать! - закричали они. - Ты на новое место переезжаешь, с тебя причитается.

Сергей кое-как отбилсЯ, а раскошелиться пришлось.

- Сколько вам? - спросил он, усмехаясь.

- Ведро, ведро водки, - затараторили Настасья, Дуняха Муромцева и Маруся Рыбина.

- И столько же закуски, - ввернул Василий.

- Хватит с вас и бутылки красненького. Здоровье берегите, много пить вредно.

Бабы придирчиво осмотрели бригадирову трешку на свет и повеселели:

- Ничего. Настоящая.

- Ну-ка, теперь давай твоего жениха, - сказали они Настасье. - С него тоже причитается.

- Эге! - сказала та, направляясь домой. - Сейчас я его оттуда выкурю.

- Эх, и складчина у нас будет!

Василий Рыбин, почуяв выпивку, тоже оживился, подвинулся к ним. В это время подошла Анюта, выдавшая издали, как тормозили ее Сергея. Бабы ей:

- Ну-ка, молодушка, помоги нам жениха трясти. А то одним не справиться.

- Где уж ей! Тяжеловата.

- Ничего, ничего. За компанию!

В доме Злобиных хлопнула дверь, и бабы притихли. На крыльце показалась сначала Люба, за ней улыбающийся Сашка. Он весело оглядел их и молодцевато бросил:

- Здорово, бабоньки!

- Здравствуй, - сказали они, а сами подвинулись к нему. - Покажи-ка, покажи невесту свою. Ну-ка, мы на нее посмотрим...

- А вот, смотрите на здоровье, - кивнул на смущенную Любу Сашка и сошел с крыльца. - За пос-мотр денег не берем. Это пока, а потом видно будет.

Тут-то они его и схватили:

- Девку-то мы знаем, хорошая девка-то. А вот тебя потрясем. Берись, бабоньки!

Сашка тотчас сообразил, что к чему, и стоял, окруженный ими, крепко поставив ноги, уперев руки в бока. Он не сопротивлялся, а только крутил своей кудрявой головой, улыбался во весь рот и даже подзадоривал:

- А ну-ка! Р-разом! Три раза подбросили, два раза поймали! Дружно!

Они повалили его на траву; приподняли чуть-чуть, а подбросить не смогли.

- Василий! - кричали бабы Рыбину. - Иди помогай.

Но тот не сдвинулся с места:

- Я помогу вам потом, когда у вас до выпивки дело дойдет. Я помощник таковский.

Сашка проворно вскочил, поднял на руки испуганно охнувшую Дуняху, и она взлетела вдруг над головами столпившихся баб, развевая сбившимся на шею платком и подолом широкой юбки. Сашка поймал ее и с криком: «Раз, два, взяли!» - подбросил снова.

Дуняха смешно хваталась за воздух скрюченными пальцами и восклицала:

- Ой, родимый! Ой, не надо!

Он опустил ее на землю, быстро огляделся - кого бы еще качнуть? - и бабы пустились от него врассыпную. Маруся Рыбина спряталась за своего Василия, а тот выталкивал ее, говоря:

- Ну-ко, мою-то колоду качни. Дуняху-то и я могу, а вот мою-то благоверную!

Заслышав поднявшийся визг и хохот, выглянула из окна замешкавшаяся в избе Настасья. А на луговине перед ее домом хохотала Дуняха, поправляя сбившиеся волосы, смеялся серьезный человек Сергей Кустов, прислонясь к палисаднику, визжали и прыгали от восторга собравшиеся вокруг ребятишки. Аверьян стоял, раскрыв рот, и трясся в смехе, моргая ожившими, как вчера на пожаре, глазами.

- Охламон, - говорил он, вытирая наворачнувшиеся слезы. - Ох, распотешил!.. А эта - батюшки! - кричит. - Клоун ты, парень, больше никто.

Любу тоже смех одолевал, но она понимала, что ей сейчас смеяться неприлично: все-таки Дуняха уже пожилая женщина, а она, Люба, здесь человек чужой и не может себе позволить то, что позволяют другие, к примеру, ее Сашка. Впрочем, и Сашку она совсем не оправдывала, поэтому старалась сохранить серьезное выражение лица.

Настасья вышла на крыльцо и, сама едва сдерживая смех, крикнула сыну:

- Разве можно так! Чай, они не девки. Отдавай теперь весь кошелек, чего там!

Кошелек Сашка не дал, зато дал целую пятерку. Бабы сложили две бумажки одна к одной, уважительно разгладили:

- Гляди-то, целый капитал. Да мы на них так разгуляемся!

У нас нынче престольный праздник, небось такое гулянье затеем - в Кузярине услышат!

Тотчас командировали в Спасское старшую девчонку Рыбиных - в магазин. Рассказали ей, сколько и чего покупать, что при этом говорить, чтоб сохранить все в тайне.

- Селедки не забудь! - кричали ей вслед. Девчонка умчалась на велосипеде.

- Ну, не поминайте лихом, бабоньки, - шутливо раскланялся Сашка. - Закругляю я свою холостяцкую жизнь, начинаю семейную.

- Чай, не сразу, Саш. Небось поженихаетесь годик-два.

- Нет, бабоньки. Чего тут тянуть!

- Гляди-ко, не спеши, - сказали ему. - В сельсовете расписаться - дело непростое. Заявленье подашь - полгода ждать придется.

- Не, - сказал Сашка. - Я на этот случай Толю Васильевича с собой прихвачу. Он поможет бюрократию в нашем важном деле победить.

- А что председатель?

- Видите ли, какое дело. Он агитирует меня пойти учиться, хотя бы заочно. Я условие поставил: вот, говорю, если похлопочете за нас с Любой в сельсовете, буду учиться. А не похлопочете, буду за старшего

- «куда пошлют».

- А он что?

- Обещал.

- Ну, если так...

Бабы, посерьезнев, пожелали молодым и счастья, и здоровья, и богатства, и супружеского согласия, и много еще всего, так что Сашка стал отговариваться:

- Что вы, что вы! Куда нам столько! И не снести. Себе что-нибудь оставьте.

- Главное, чтоб деток побольше, - настаивала Дуняха. - Дети - самое главное в жизни. Больше детей - больше радостей будет.

- «Рыскнем», Вась? - спросил Сашка Василия Рыбина. Тот почесал в затылке.

- А чего тут? Риск - благородное дело!

- Черт его знает... Надо с женой посоветоваться.

Люба так и не поняла, почему так дружно грянул вдруг хохот, а Маруся Рыбина покраснела.

Молодые пошли вдоль посада, - точнее, вдоль бывшего посада, - мимо разросшихся кустов иван-чая, потом поднялись на взгорье. Оставшиеся глядели им вслед: оглянутся ли молодые на Овсяниково? Нет, не оглянулись.

Глава двадцать вторая

- Ну, посидим маленько, - пригласила Настасья. - Бригадир! Давай проводи последнее собрание. Пока мы все в кучке. Теперь когда еще раз соберемся!

Сергей Кустов поглядывал то на часы, то на дорогу от Спасского.

Сестры Игнатьевы собрались было уйти - дома хлопот много, но на них закричали:

- Вы что! Успеете. Посидите с нами напоследок!

- Какой-то день нынче прямо сумасшедший, - сказала Полина Игнатьева и села. - На сердце покою нет. Заботы одолели, ночью едва уснули.

- Чего там! - успокаивала Настасья. - Дом вам дают, работать будете так же, как и раньше, хозяйство перевезти помогут. Все в порядке, посидите спокойно. Вот у меня заботы так заботы! На-кося, жениться вздумал мой-то!.. А у вас что!..

- Не так все просто, - возразила ей Надежда, сестра Полины. - Это со стороны кажется, что легко: мол, перегнали стадо из одной деревни в другую, вещи перевезли, и дело с концом. А ведь с теми же коровамихватишь лиха. Скотина чуткая, привередливая - пока это она привыкнет. Приходи-ко кто-нибудь хоть бы и твою, Насть, корову доить, она и молока не отдаст. А перегони ее ночевать в чужой двор, она тебе завтра же молоко сбавит. У нас Косариковых Пеструха побывала - мычала всю ночь, не прилегла. Что человек, то и корова - все понимает.

- Это-то верно, - согласились с нею.

- А теперь им все новое: и двор, и люди, и пастьба. Не знаю, ох, не знаю, как все и будет.

Сестры совсем закручинились.

- Ничего, ничего, - успокаивала Настасья. - Будет вам.

Ишь, заботы их одолели! Садитесь, отдохните. Сейчас складчину устроим.

А у мужичков шел свой разговор.

- У строителей это называется «нулевой цикл», - усмехаясь, говорил Василий. - Котлован выроют, фундамент сделают - это, значит, довели до нулевой отметки. А у меня и до нуля далеко. Приволокли хлысты, свалили - вот и все. Надо, чтоб хоть посохли.

- Как же ты теперь? - спросил Иван Муромцев. - Сам - один будешь?

- Да нет. Договоримся там... с шабашниками. Они мне фундамент сделают. Вот только цементу надо. Есть, но маловато. А песок, кирпич я завез. Это у меня раньше было запасено.

- Как сторговался? Сколько взяли?

- Двести.

Мужики переглянулись.

- Ничего, - сказал Сергей Кустов. - Недорого. Я этих шабашников знаю. Они городские, все четверо. И прошлым летом в Спасском работали. Неплохие мужики. Худо не сделают.

- Подождал бы - может, дали бы тебе, как Сергею, - осуждающе сказал Аверьян.

- Да ну! - Василий засмеялся. - Я в казенном не люблю жить. Не свое - оно и есть не свое. И душа не лежит. Так как-то собственный дом и покрасишь, и подремонтируешь, и сад разведешь. А если он колхозный? Махнешь рукой. Разве не так, Сергей?

- Может, и так, - нехотя ответил тот.

- Так пусть они тебе и сруб делают, - сказал Иван Муромцев. - Чего ты! Гляди, пока они здесь. А то где плотников найдешь.

- Там видно будет, - подумав, отвечал Рыбин. - Конечно, сруб надо. Да чтоб до зимы под крышу, да рамы вставить. А остальное можно и зимой. Печку сложить да и пили-строгай.

- Ну! А тебе что говорят? Они ж два дома ставили в Спасском. И неплохие. Сколько они взяли, кто знает?

- Четыре с половиной, - ответил Сергей.

- Дороговато...

- Ну, это ведь для колхоза, - возразил Василий. - Для частника-то небось поменьше, а?

- Должны бы подешевле взять.

- Поторговаться надо.

Хороший, неторопливый, хозяйский разговор шел у мужиков под окнами дома Злобиных.

- Где это, Маруся, твоя дочка запропала? - громко спросила Настасья.

Но вместо девчонки на велосипеде со стороны Спасского показался грузовик, за ним второй, - сестры Игнатьевы охнули, вскочили, заторопились домой. Сергей Кустов бросил недокуренную папиросу, выразительно глянул на жену и тоже зашагал к дому.

Первая машина завернула к бригадиру. Из кабины вылез Митька Самохин.

- Ну, хозяин, давай, что потяжелее вытащим да сходим к тем бабенкам, им одним не справиться.

- Тот шофер поможет.

- Да ну! - Митька хмуро махнул рукой. - Дистрофик. Тяжелых вещей в доме Кустовых оказалось не так уж и много: два шкафа, сундук, кровать, телевизор. Василий Рыбин тоже помогать пришел. Перетаскали - собрались к Игнатьевым.

- Ты что же на грузовой нынче? - спросил бригадир у Самохина. - А трактор твой где?

- Разжаловали меня, - сказал Митька. - Хотели вообще - в грузчики, едва упросил на машину посадить.

- За что разжаловали? - поинтересовался Василий Рыбин.

- Авария... Задел за ветлу, косилку попортил. А тут председателя черт принес. Ну вот и...

- Как же это тебя угораздило, детинушка ты хо-робрая! - сказал Василий и захохотал.

- Не везет, - кратко объяснил Самохин.

- Бывает, - согласился бригадир, думая о своем.

- Весь день нынче что-то не везет, - пожаловался Митька. - И что такое?!

Бригадир еще раз обошел комнаты своей большой и несуразной избы, оглядел все, потом стал заколачивать досками окна и двери.

- Да брось, - сказал ему Митька Самохин. - Зачем тебе это?

- Для порядку, - хмурясь, пояснил бригадир.

Ему жаль было оставлять огород - кусты смородины и крыжовника, три яблоньки-сливянки. Крыжовнику высыпало много, просто на удивление, да и яблочек тоже было немало. Но не возьмешь же их с собой. «Ладно, - думал Сергей. - Пока что за ними Аверьян присмотрит, а осенью я их выкопаю, пересажу. Там-то ведь тоже сад надо закладывать. Какой-нибудь, а надо. Ребята вон подрастают».

Митька поторапливал его, и они отправились к Игнатьевым.

Мебели у сестер оказалось побольше, нежели у бригадира: у них и диван, и полированный платяной шкаф, и буфет со стеклянными двер-

цами. Хотя и промолчали овсяниковцы, но каждый про себя отметил: «Ай да бабенки! Поди ж ты! Зажиточней мужичка иного».

Да и понятно: уж сколько лет сестры Игнатьевы работали доярками. И неплохими доярками были! Стадо в Овсяникове не ахти какое породистое и пастбища вокруг деревни бедноваты, тесноваты, но доярки были едва ли не лучшие на весь колхоз. Им ли мебель не заводить!

А что касается Кустовых, то как ни кинь: Сергей единственный работник. Жена его только детьми занималась, а на колхозную работу выходила редко.

На свой дом сестры, покидая его, посмотрели без печали и без лишних слов.

- Что теперь с ним! - легко вздохнула Полина. - На дрова только. Больше ни на что не годится.

- Гореть будет - и тушить не надо, - вставил Василий Рыбин.

- И не надо, - согласились сестры.

Даже запирать не стали, полезли в кузов к своим полированным шкафам.

- До свиданья, бабоньки!

- На новоселье приходите?

- Милости просим.

Сергей посадил сияющую Анюту с Юрочкой к Митьке Самохину в кабину, а сам со старшим сыном забрался в кузов.

- Счастливо оставаться, - неловко усмехаясь, сказал Сергей провожающим. - К вечеру наведаюсь еще.

- Скучно будет - пиши, деньги будут - пришли, - напутствовал его Рыбин.

Машина тронулась, пристроилась за второй, обе они спустились в низинку, влезли на взлобок. Оставшиеся овсяниковцы махали им вслед, пока те не скрылись.

- Вот так, - сказал Аверьян Рыбиным и Настасье. - Вчера да нынче - три семьи проводили. Да еще бабушка Прохорова. Это подумать только - за два дня четыре дома. Ну и дела.

- Полдеревни! Верно, Аверьян Васильич?

- И вправду что... Тьфу ты, пропасть!

Глава двадцать третья

Солнце уже склонялось к закату, когда все оставшееся население Овсяникова уселось наконец в кружок. Аверьян с Дарьей, двое Муромцевых - муж да жена, двое Рыбиных с девочками да Настасья Злобина. Вот и все. Не было Сашки, где-то он замешкался с молодой женой.

- Придет, - сказала его мать уверенно.

- Обещал вернуться через два денька, - балагурил Василий Рыбин.

- Но прошел и третий, а его все нет...

Расположились они там, где когда-то был палисадник Зайцевых, от которого остались четыре березовых пня - чем не стулья! На травке между пнями постлали скатерть, расставили на ней тарелочки с солеными прошлогодними огурчиками, разложили колбасу, две банки с консервами...

Вышло бы у них не праздничное угощение, а обыкновенная закуска и выпивка, да тут Аверьянова Дарья принесла в широкой тарелке и завернутыми в домотканом рушнике пироги. Как поставила она их посреди скатерти да откинула рушник, все ахнули.

- Ну, тетя Даш! Ай да стряпуха!

Белые, глянцево-румяные, один к одному, лежали они на тарелке, словно выставленные лишь затем, чтоб на них полюбоваться.

- Да будет вам! - прикрикнула Дарья. - Ешьте на здоровье, не смущайте стряпуху.

- С чем пироги-то? - деловито спросил Василий Рыбин.

- А со всем. С морковкой, с яичком, с грибами.

- Вот мне на ком надо было жениться! - сказал Василий под общий смех. - Надо было отбить у тебя жену, Аверьян Васильич, когда я гулял молодой да красивый. Был бы сейчас каждый день с пирогами. Моя таких пирогов не печет...

- Эх, мать честна! - вздохнул опять Аверьян. - Сколько нас осталось в Овсяникове? Четыре жилых дома, остальные мертвые. А раньше было наше Овсяниково хоть и не самой большой деревней, однако побольше тридцати домов - три бригады. Целый колхоз, «Первое мая» назывался... Если бы мне сказали тогда, что расплзется наше Овсяниково, не поверил бы. Ни за что не поверил бы. Такая большая деревня!

- Плюнь, Аверьян Васильич. Давай выпьем.

- Ну, будем живы-здоровы!

Выпили понемногу, повеселели, зашумели. А разговор все о том же:

- А ить верно! Четыре дома осталось жилых... Остальные так... только видимость.

- Одна моя надежда, - Аверьян хлопнул себя по тощей коленке, - Сашка! Вот новая семья будет! Молодая... Детишек народят.

На Сашкину мать Настасью оглянулись, засмеялись.

- А он к теще в Спасское уедет, - заявил уверенно Василий Рыбин.

- Станет он тут жить, как же! Сдалась ему наша деревня!

Опять оглянулись на Настасью.

- Дом, наверно, купим мы, - сообщила Настасья. - Там, в Спасском. Сегодня они смотреть его будут. Если понравится да если договорятся, завтра деньги на бочку, и дело с концом, будем переезжать.

Теперь улыбающиеся лица обратились к Аверьяну.

- Ну, я же говорю! - вскричал Василий Рыбин. - Молодым надо туда. Там веселей.

- Нет ни на кого надежи, - сказал старик и сокрушительно вздохнул. - Бегут все, бегут... Куда бегут? Зачем? Словно там мед. Вот чего я понять не могу. Добро бы здесь было плохо. Разве мы плохо тут живем?

Он обвел всех взглядом, и никто ему не возразил.

- Эхма! Не веселая у нас складчина, а поминки.

- Какие поминки! - возразил Василий. - Брось ты свои разговоры. Наоборот! Новую жизнь начинаем.

Шумновато стало на пнях в бывшем палисаднике Зайцевых. Беседа шла и так и сяк, все говорить хотят, никто не хочет слушать.

- Ну, а ты, Иван, когда думаешь перебираться в свое охотохозяйство? - допытывались у Муромцева.

Цыгановатый Иван откашлялся, сверкнул белками глаз:

- Должно быть, на этой неделе...

- Та-ак, - удовлетворенно протянул Василий, - остается два дома в Овсянникове: мой да твой, Аверьян Васильевич... Ты как думаешь жить?

Рыбин удовлетворенно и насмешливо уставился на старика.

Аверьян, не притронувшийся к вину, обвел всех туманным взгля-

дом, будто он хватил по крайней мере бутылку, покачал головой:

- Не-ет. Я никуда. Я, знаешь, как капитан, у которого корабль тонет: вместе с ним на дно.

- Упрямый, как леший, - пожаловалась Дарья, - Давно говорю ему: поедem к дочкам, зовут...

- Вот умру, тогда и уезжай на все четыре стороны. А пока не умер - сиди со мной тут.

- Уезжай, уезжай, дед, - чуть не приказным тоном сказал Рыбин. - Чего тебе тут одному делать? Ведь и я скоро в Спасское переберусь.

Аверьян помотал головой:

- Не поеду я никуда. Как капитан... Да и умру я скоро.

- Что ты все заладил: умру да умру. Ишь, засобирался! Туда всегда успеешь.

После-е-дний нонешний дене-о-очек

Гуляю с вами я, друзья-а-а,

- затинула Дуняха слабым голосом.

Все засмеялись, а потом подхватили:

А завтра рано, чем свето-о-очек

Заплачет вся моя родня-а-а...

Песня полилась слаженно и печально.

И вдруг раздался громкий хохот. Песня прервалась, и те, кто пел, несколько мгновений недоуменно смотрели друг на друга. Потом обернулись: хохотал во все горло Борис Степанов, вторил ему свояк. Они подошли, видно, только что.

- Ну, овсяниковские! - выговаривал Борис сквозь смех. - Ну, распотешили вы нас! Это надо же! «Последний нонешний денечек»!.. Ха-ха-ха! Нет, вы молодцы... Как, по-твоему, Викторыч? - спросил он у свояка. - Хор у них отличный, ага? Можно по телевизору выступать.

Викторыч смеялся глуховато, вздрагивало круглое брюшко, обтянутое майкой.

- Вы бы еще батюшку спасского пригласили, - продолжал Борис. - Он бы панихиду отслужил по вашей деревне. Ей-богу! Последний но-

нешний денечек. Это надо же, Викторыч! Анекдот! Вот расскажу я завтра кое-кому, повеселятся. Сидят на пенюшках и поют.

И Василий Рыбин, и Иван Муромцев, и бабы улыбались немного сконфуженно. Они словно увидели себя со стороны: и верно, как на поминках сидят. А по чему же поминки? По деревне. Конечно, смешно, если со стороны посмотреть, вот и смеются эти приезжие.

- Ну ладно, - сказал Борис, вытирая выступившие слезы. - Самодеятельность у вас, я скажу, неплохая.

- Садитесь с нами за компанию, - пригласил Василий Рыбин. - Ладно вам. А то вот мы тоже над вами посмеемся.

Он подмигнул сидящим за столом, но на что он намекает, непонятно было.

Сидевшие подвинулись; Борис уселся, мигнул:

- Викторыч!

И свояк достал из кармана штанов поллитровку.

- Ого! - зашумела застолица. - Вот это гости!

- Викторыч, наливай, - скомандовал Борис. - За последний нонешний денечек. И мы с вами нынче в последний раз...

Аверьян внимательно, неотрывно смотрел на Бориса, словно видел его впервые.

- Ну как? - спросил Василий Рыбин у приехавших. - Вы уж во второй рейс?

- Так точно.

- Уложили косточки? - спросил Аверьян грустно.

Борис засмеялся, крутанул головой:

- Шутник ты, дед! Кто про что, а ты все про это? Погляди-ка, все переезжают. Берись-ка и ты за ум. Говорю дело: давай мы и твою избу разберем.

- Заодно канителиться-то! - бодро добавил свояк. - А ну, по единой! - он молодецки опрокинул стакан в рот.

- Ты не вейся, черный ворон, - пропел Аверьян дребезжащим голосом, но не вытянул и дальше просто проговорил, - над моею головой. Ты добычи не дождешься...

- Как хошь, - сказал Борис и обидчиво нахмурился. - Я обойдусь и без этого. Тебе же добра желаю.

- Да брось, - сказал Василий Рыбин Борису. - Не обижайся ты на него. Он у нас нынче не в духе. Верно, Аверьян Васильич? Не в духе ты, ага?

Но старик не отозвался.

- Председатель! - весело объявила Настасья. - Гляди-ко, кто пожаловал!

«Застолье» на пнях зайцевского палисадника примолкло, все обернулось.

Посередине бывшей деревенской улицы прогулочным шагом шли двое: один был Толя Васильевич, а второй...

- Кто это с ним? - спросил Борис Степанов.

Василий Рыбин, сидевший рядом с ним, пожал плечами.

- А это писатель, - сказал Аверьян довольно равнодушно. - Я с ним уже разговаривал. Про деревню нашу рассказывал... Но он мне тоже не помог.

Последних слов старика никто не расслышал, потому что он произнес их тихим голосом. И покачал головой, и повторил:

- Не помог, хотя и писатель.

Толя Васильевич со своим спутником шли и о чем-то увлеченно беседовали. Они не обращали внимания на сидевших, остановились, при этом писатель показывал рукой куда-то в сторону, и они оба некоторое время смотрели туда и разговаривали.

Наконец они заметили загулявших овсяниковцев, но не прибавили шагу и продолжали говорить о чем-то своем.

- Ваша машина там стоит? - спросил Толя Васильевич у Бориса Степанова.

- Моя, - отвечал Викторич нехотя.

- С автохозяйства?

- Почти... - Он глянул на Бориса: - А что, не пора ли нам трогаться обратно?

Тот пожал плечами, чего-то выжидая, поднял взгляд и наткнулся глазами на Аверьяна.

- Да и пора. Ну, землячки, до свиданья.

Василий Рыбин взял их бутылку, протянул Викторичу.

- Не надо, - сказал тот.

- Бери, бери! - Василий задержал его и сам сунул ему в карман.
-Ишь, барин какой!

Неловко посмеиваясь, они отошли.

- Ну, и с чего вы тут пригорюнились? - спросил председатель.

- А как же! - зашумели все. - Разорилось Овсяниково, а нам уж не погоревать?..

Толя Васильевич оглянулся вокруг и согласился:

- И впрямь, не деревня у вас, а кладбище. Как раз об этом мы сейчас и толковали, как по вашей улице шли. Вспоминали, какое оно раньше было.

- Конечно, жалко, что говорить, - вздохнула Настасья Зыбина. - Я в Овсяникове и родилась, и выросла, тут замуж вышла, и дети мои здесь возмужали.

- Жалко, - подтвердила и Аверьянова Дарья. - Только не деревни, а жизни своей, что тут прожили. А потому жалко, что больно быстро она пролетела. Жись-та долгая, а пролетела быстро.

- Ну, заладили! - пробурчал Иван Муромцев. - Жалко у пчелки знаете где?

- А ты молчи, молчи! - по привычке прикрикнула на него Дуняха.
- Слушай, что люди говорят.

Иван сверкнул глазами:

- Давайте дельное что-нибудь. Чего вы стонете! Надоело одно и то же.

- Верно, Иван, - сказал председатель. - Горевать тут не-чего, товарищи колхозники.

- Разорил ты, Натолей, всю нашу деревню, - полушутливо-полусерьезно упрекнула председателя Дарья. - Как же не горевать!

Председатель принял этот упрек всерьез и решительно отверг обвинение.

- Нет, - сказал он. - Я тут ни при чем. Между прочим, у меня к Овсяникову особое отношение. Вот вы сейчас где расположились? Чей тут дом был?

- Зайцевых, - отвечали ему.

- Во!.. - Толя Васильевич улыбнулся. - А у меня тут когда-то девушка жила.

- А, Валька небось, - сказала Настасья. - Погоди-ка, погоди-ка... Что-то я тоже помню. Какой-то разговор был, когда она замуж выходила.

- Ну вот. Вот здесь у них в палисаднике четыре березы стояло - пни остались. И скамейка была.

- Теперь ни скамейки, ни девки, - вставил Василий Рыбин.

- Вот когда Овсяниково умирать начало, - сказал председатель. - Когда вот эти Вали, Лиды, Маши стали уходить, уезжать... Они бы сейчас здесь должны быть, с нами. С детишка-ми, с мужьями... А их нет. Нынче я их удержал бы. А тогда... Не смог!

Заговорили, зашумели, стали вспоминать, кто да кто уехал из Овсяникова. Тот в Калязине, та на Урале, кто-то в Москве, кого-то занесло аж в Египет...

- Ну! - провозгласил Василий Рыбин. - Вечная память деревне Овсяниково. Так, что ли? Батюшку бы надо Спасского - панихиду отслужить.

- Зачем такой похоронный тост, - возразил Толя Васильевич. - Нет, я не согласен. Честь и достоинство данного колхоза не позволяют мне... - он засмеялся.

- Так ведь гибнет деревня-то! - укоризненно напомнил Аверьян.

- Она умирает естественной смертью, - поправил Толя Васильевич.

- Естественной? - недоверчиво спросил писатель.

- Да, - твердо сказал председатель. - Родилась, жила-была и умирает. Но все это, - он повел рукой широко вокруг, - не умирает, нет. Так что налицо типичная оптимистическая трагедия.

- Что ж, - приятно слышать это именно от тебя, - задумчиво сказал писатель.

- Вот вы бы и написали про нас, - предложил гостю Аверьян. - Как мы тут живем, а? Почему бы в книгу про все это не вставить? Разве не интересно?

- Напишу, - сказал писатель и повторил: - Обязательно напишу.

Просторное и ровное поле нынче там, где была деревня Овсяниково. И так теперь на много лет: будет колоситься рожь, голубеть лен, про шумят на нем травы, как шумели они в первое лето.

Я пришел сюда один. Стоял чудный день, солнечный, с веющим теплым ветерком. После ночного дождя воздух был чист и дали ясны, словно промытые небесной водой. Дышалось легко, гляделось радостно.

Там, где недавно Ира сочилась слабым ручьем, переливаясь из бочажка в бочажок, теперь глубокая канава. Я перебрался через нее в том месте, где когда-то покоился излюбленный щурятами Бурачок. Мне казалось, что я легко найду следы деревни Овсяниково: куст смородины посреди поля или пруд. Но - увы! - ничего не обнаружилось, только ровное клеверище расстиралось вокруг.

Я остановился посреди деревни... нет, посреди обыкновенного поля, и оглядывался, дивясь непривычной пустынности, окружавшей меня. И так чужда глазам была эта пустота, что я как-то потерял ощущение, где я нахожусь. Но стоило перевести взгляд чуть дальше, и - вот деревни Хонино и Ремнево, вот леса Гулинково и Родионово, вон трактор пашет паровое поле, а за трактором знакомо клубится стая белых чаек, залетевших сюда с Нерли, - все то же. А Овсяникова нет. Было отчего впасть в раздумье!

Мне так и виделось, как бульдозеры ровняют это место: срезают пучины, выкорчевывают деревья и пни, выкатывают валуны, веками служившие фундаментом овсяниковским избам, засыпают колодцы и пруды.

А потом, наверно, пустили журавлиным клином трактора и запахали. И посеяли клевер, тимофеевку, овсяницу луговую... Вот они густо растут на поле.

На месте деревни трава была особенно высока - по пояс, по грудь мне, и даже до плеч, и полегла уже местами. Богатая, жадная до жизни трава. И еще кое-где непобедимо возвышались кусты репейника, в которых порхали полевые воробы.

Странное чувство сжимало мое сердце: и радость, и грусть одновременно. День был прекрасен; жаворонки пели надо мной; ветер ласкал меня - живой, теплый ветер. Все цвело, кипело, торжествовало. А я стоял как бы над могилой деревни и грустил. Сколько человеческих судеб, страстей, событий погребено здесь, на овсяниковском поле!

ВОТ МОЯ ДЕРЕВНЯ

Первый крик ребенка и плач по уходящему...

Шепот робкого признания и страстное проклятие предавшему.

Тоска от разлуки и тоска от близости...

Тут звенели песни и смех, падали слезы горя и радости...

Где все это и как все это назвать сегодня?

Не оно ли могучим напластованием лежит в моей земле, скрытое под этими полями и лесами, деревнями и дорогами, и не оно ли влечет меня сюда, заставляя так трепетно отзываться все мое существо? Не его ли я ощущаю как биение могучего сердца земли, слышного мне только здесь, на родной мне земле? И одному ли мне слышного?..

Где-то я читал, что словом «деревня» в далекой древности называли пашню. Вот и вернулось слово к своему прежнему значению.

1967, 1975 г.г.

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ:

ЮРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ КРАСАВИН

КНИГИ:

1. **ЯСНЫЕ ДАЛИ**, повести и рассказы - М.: Московский рабочий, 1971.
2. **НА МОЕЙ ЗЕМЛЕ**, повести - М.: Современник, 1973.
3. **ХОЗЯИН**, повести - М.: Молодая гвардия, 1974.
4. **В СЕРЕДИНЕ ЛЕТА**, повесть - Л.: Лениздат, 1975.
5. **ВОТ МОЯ ДЕРЕВНЯ**, повести - М.: Современник, 1978.
6. **ПОРЕЧЬЕ**, повести - М.: Современник, 1981.
7. **ХОРОШО ЖИВУ**, повести и рассказы - М.: Советский писатель, 1982.
8. **МАСТЕРА**, роман - М.: Молодая гвардия, 1984.
9. **ЯСНЫЕ ДНИ**, повести - М.: Советская Россия, 1985.
10. **СЛОВО О МОЕЙ НЕРЛИ**, повести - М.: Современник, 1986.
11. **ПОЛОСА ОТЧУЖДЕНИЯ**, повести - М.: Советский писатель, 1990.
12. **ВЕЛИКИЙ МОСТ**, повести - М.: Современник, 1990.
13. **ТЁПЛЫЙ ПЕРЕУЛОК**, повесть - М.: Детская литература, 1990.
14. **РУССКИЕ СНЕГА**, повести - Т.: Тверское изд-во, 1998.

РОМАНЫ И ПОВЕСТИ В ЖУРНАЛАХ:

1. **ВОТ МОЯ ДЕРЕВНЯ...**, повесть - «НЕВА», №7 – 1968.
2. **ХОЗЯИН**, повесть - «ОКТЯБРЬ», №7 – 1969.
3. **ЯСНЫЕ ДНИ**, повесть - «ЗНАМЯ», №9 – 1970.
4. **ХОРОШО ЖИВУ**, повесть - «ЗВЕЗДА», №9 – 1977.

5. **ТРОПИНКИ НАШЕГО ДЕТСТВА**, повесть - «ВОЛГА», №3 – 1978.
6. **СЛОВО О МОЕЙ НЕРЛИ**, повесть без вымысла - «ВОЛГА», №1 – 1980.
7. **ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ ОГНЯ**, роман - «ВОЛГА», №№11,12 – 1983.
8. **РЕКА ЗАБВЕНИЯ**, повесть - «СЕВЕР», №1 – 1984.
9. **ПОЛОСА ОТЧУЖДЕНИЯ**, повесть - «НОВЫЙ МИР», №8 – 1989.
10. **ОНИ НАСТУПАЮТ**, повесть - «ВОЛГА», №№7 и 8 - 1990.
11. **НА РАЗНЫХ УРОВНЯХ**, повесть - НЕВА», №7 – 1990.
12. **ВАЛЕНКИ**, повесть - «НОВЫЙ МИР», №4 – 1992.
13. **СВИДЕТЕЛЬСТВО О ЖИЗНИ**, повесть - «ЗНАМЯ», №12 – 1992.
14. **ГРИБЫ С ГЛАЗАМИ**, повесть - «РУССКАЯ ПРОВИНЦИЯ», №1 – 1993.
15. **ГРИБЫ С ГЛАЗАМИ**, повесть - «МОСКВА», №12 – 1993.
16. **ВРЕМЯ НОЛЬ**, повесть - «РУССКАЯ ПРОВИНЦИЯ» №2 – 1994.
17. **ХУТОРОК**, повесть - «ДЯДЯ ВАНЯ», лит. альманах Чеховского общ-ва, №2 – 1994.
18. **ДИКИЙ РЫНОК**, повесть - «РУССКАЯ ПРОВИНЦИЯ» №1 – 1995.
19. **ПУСТОШЬ**, повесть - «БЕЖИН ЛУГ», №2 – 1995.
20. **ПРИВЕТ, СТАРИК!**, повесть - «ДЯДЯ ВАНЯ», лит. альманах Чеховского общ-ва, №1 – 1995.
21. **РУССКИЕ СНЕГА**, роман - «МОСКВА», №9 – 1996.
22. **ПУСТОШЬ**, повесть - «ВОЛГА», №11-12 – 1996.
23. **НОВАЯ КОРЧЕВА**, очерки - «РУССКАЯ ПРОВИНЦИЯ», №4 – 1996.
24. **НОВАЯ КОРЧЕВА**, очерки - «НОВЫЙ МИР», №2 – 1997.

25. **ДЕЛО СВЯТОЕ**, повесть - «ДАЛЬНИЙ ВОСТОК», №2 – 1997.
26. **ДЕЛО СВЯТОЕ**, повесть - «РУССКАЯ ПРОВИНЦИЯ», №3 – 1997.
27. **ПРОВИНЦИАЛЬНЫЕ СТРАСТИ**, повесть - «МОСКВА», №12 – 1997.
28. **ХОЛОПКА**, повесть - «РУССКАЯ ПРОВИНЦИЯ», №3 - 2000.
29. **ХУТОРОК**, повесть - «НЕВА», №11 – 2000.
30. **ПРО ПОЛКОВНИКА**, повесть - «РУССКАЯ ПРОВИНЦИЯ», №3 – 2001.
31. **ПРИВЕТ, СТАРИК!**, повесть - «РУССКАЯ ПРОВИНЦИЯ», №4- 2002.
32. **РУССКИЕ СНЕГА**, роман - «РОМАН-ГАЗЕТА», №3 – 2004.
33. **ПОСЛЕ ПОЛУНОЧИ**, повесть - «ДОН», №6 – 2004.
34. **ВРЕМЯ НОЛЬ**, повесть - «ДОН», №5 - 2005.
35. **ПРИВЕТ, СТАРИК!**, повесть - «ДОН», №2 - 2006.
36. **ПРОВИНЦИАЛЬНЫЕ ХРОНИКИ**, повесть - «НАШ СОВРЕМЕННИК», № 8 - 2006.
37. **ПРО ПОЛКОВНИКА**, повесть - «ПОДЪЁМ», № 9 – 2006.
38. **ПИСЬМЕНА**, роман - «ДОН», № 10 – 12 за 2006, № 1 – 2 за 2007.
39. **ХОЛОПКА**, повесть - «РУССКИЙ ПУТЬ №2(11) – 2006.
40. **ДЕЛО СВЯТОЕ**, повесть - «ПОДЪЁМ», №4 – 2007.
41. **ЯМУГА**, повесть - «НАШ СОВРЕМЕННИК», №1 – 2008.
42. **ХОЛОПКА**, повесть «ПОДЪЁМ», №4 - 2008.
43. **ВРЕМЯ НОЛЬ**, повесть - «ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА»(Минск), №4 - 2008.
44. **ТРУБА ЗОВЁТ**, повесть - «ПОДЪЁМ», №2 - 2009.

ВОТ МОЯ ДЕРЕВНЯ

Отпечатано в ГУП МО «Клинская типография»
141600, Моск. обл., г. Клин, ул. Ленина, 7.
Тел./факс 5-83-97
E-mail: 58397@mail.ru.
Заказ 1249, тираж 20.

